

КРИМ • КЪЫРЫМ

КРЫМ

2
[62] 2023

Литературно-художественный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Басыров В. М., директор ООО «Издательство “Доля”»,
председатель правления общественной организации
«Союз писателей Республики Крым»

Главный редактор
Валерий Басыров
vbasyrov@mail.ru

Редактор
Ольга Прилуцкая
E-mail: primula2008@mail.ru

Дизайн и вёрстка:
Кирилл Лемешко
E-mail: izdadim@gmail.com

На обложке — коллаж из альманаха
и журнала «Крым» разных лет

В журнале используются фотографии из архивов авторов,
Валерия Басырова и Ольги Прилуцкой

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов.
Ответственность за достоверность фактов
и соблюдение авторских прав несут авторы публикаций

Литературно-художественный
журнал «КРЫМ»
2 [62] 2023

© Валерий Басыров, 2023

ЖУРНАЛУ 75 ЛЕТ!

«КРЫМ» ДЛЯ КРЫМА И НЕ ТОЛЬКО...

Зачастую «обкатка» литературного произведения начинается с его публикации в СМИ. Это, по сути, промежуточный этап, на котором происходит огранка каждого художественного слова. Отчасти с этой целью и был создан 75 лет назад литературно-художественный альманах «Крым» Крымского отделения Союза советских писателей.

Основателем и первым редактором «Крыма» был известный русский советский писатель, сценарист и журналист Павленко Пётр Андреевич (1899–1951) — первопроходец советского литературного цеха. Благодаря ему авторами альманаха стали крымские писатели Б. Серман, А. Малин, А. Лесин, В. Орлов, Г. Пятков, Н. Славич, С. Сергеев-Ценский, В. Субботин, Д. Холендро, М. Богуцкий, М. Мигунова и многие другие.

Интересна публикация в «Крыме» не крымчанина, полюбившего полуостров, — одного из крупнейших поэтов XX века Владимира Маяковского:

Крым

Хожу,
    гляжу в окно ли я
цветы
    да небо синее,
то в нос тебе магнолия,
то в глаз тебе
                    глициния.
На молоко
                    сменил
                                чай
в сиянье
                    лунных чар.
И днём
                    и ночью
                                на Чаир
вода
                    бежит, рыча.

При этакoм ростe
 с гор
     скоро
 навезут грозди.
 Посмотрите
     под тень аллеи,
 что ни парк —
     народом полон.
 Санаторники
     занимаются
                     «волей»,
 или
     попросту
     «валяй болом».
 Винтовка
     мишень
                     на полене долбит,
 учатся
     бить Чемберлена.
 Целься лучше:
     у лордов
                     лбы
 твёрже,
     чем полено.
 Третьи
     на пляжах
                     себя расположили,
 нагоняют
     на брюхо
                     бронзу.
 Четвёртые
     дуют кефир
                     или
 нюхают
     разную розу.
 Рвало
     здесь
                     землетрясение
                                     дороги петли,
 сакли
     расшатало,
                     ухватив за край,
 развезувился
     старик Ай-Петри.
 Ай, Петри!
     А-я-я-я-яй!

Но пока
                     выписываю
                                     эти стихи я,
 подрезая
                     ураганам
                                     корни,
 рабочий Крыма
                     надевает стихиям
 железобетонный намордник.

Алупка 25/VII—28 г.

Находясь в Крыму, В. Маяковский написал более трёх десятков стихотворений и три киносценария, построенных на крымском материале.

За первые четырнадцать лет существования альманаха «Крым» (1948–1962) вышел в свет 31 его номер. Каждый выпуск становился событием для литераторов и читателей не только Крыма, но и страны. К сожалению, из-за финансовых проблем в 1962 году альманах «Крым» временно приостановил свою работу.

Издание журнала «Крым» было возобновлено в 2013 году в печатном и электронном вариантах, с публикациями произведений на трёх государственных языках полуострова — русском, украинском и крымскотатарском. Журнал издавался Крымской республиканской организацией Национального Союза писателей Украины ежеквартально суммарным тиражом 2000 экземпляров. А с первого квартала 2015 года и по настоящее время журнал продолжает выпускать ООО «Союз писателей Республики Крым» в крымском издательстве «Доля».

С 2016 по 2017 годы существовал только электронный вариант журнала. С 2018 года по сегодняшний день он выходит два раза в год при поддержке Государственного комитета по делам международных отношений Республики Крым ГАУ РК «Медиацентр им. Исмаила Гаспринского» за счёт средств бюджета Республики Крым. Всего за время существования журнала вышло 62 номера.

В журнале «Крым» публикуются произведения прозы, поэзии, публицистики, драматургии, литературно-художественного перевода, песенных текстов. Ежегодно один из номеров становится площадкой победителей и членов жюри конкурсов Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон».

Издательский коллектив «Крыма» небольшой — всего три человека. Кроме меня его готовят к печати заместитель председателя правления ООО «СПРК», писатель и переводчик, редактор журнала Ольга Прилуцкая и дизайнер-верстальщик Кирилл Лемешко. За де-

сять лет напряжённой работы нам удалось выпустить более тридцати номеров журнала.

В разные годы редколлегии «Крыма», после Петра Андреевича Павленко, выпустившего 1–6 номер альманаха в 1948–1950 гг., возглавляли Поповкин Евгений Ефимович (№№ 7–8, 1951–1952 гг.), Холендро Дмитрий Михайлович (№№ 9–10, 1952–1953 гг.), Вихров Владимир Семёнович (№ 11, 1954 г., № 12–13, 1955 г., № 14, 1956 г., № 15, 1957 г.), Глушко Мария Васильевна (№ 16–19, 1958 г., № 20–23, 1959 г.), Лесин Александр Андреевич (№№ 24–27, 1960–1961 гг.), Вихров Владимир Семёнович (№№ 28–30, 1961 г., № 31, 1962 г.). Общий тираж издания составил 125600 экземпляров. *

Низкий поклон им, мастерам слова, давшим не одному талантливому крымчанину путёвку в литературную жизнь!

Многие авторы «Крыма», начинавшие свой путь в нём, благодаря его широкой популярности, уверен, надолго «прописались» в большой литературе.

С праздником нас, друзья и коллеги, с юбилеем!

*Валерий БАСЫРОВ,
главный редактор журнала «Крым» с 2012 года*

* Благодарю Н. Н. Колесникову, заслуженного работника культуры АРК, директора библиотеки «Таврика» им. А. Х. Стевена, за оказанную помощь в подготовке материала.

ПРОЗА

Владимир КАРПОВ — член Союза писателей СССР, награждён дипломом ЮНЕСКО «За вклад в мировую культуру». Его рассказ «Я могу хоть в валенке дышать» вошёл в Антологию «Шедевры русской литературы XX века». За роман «Танец единения душ» Союз писателей России присудил Владимиру Карпову «Большую литературную премию России». Является автором и ведущим многих телерадиопрограмм на евразийскую тематику, выходящих в эфире московских СМИ. Заслуженный работник культуры Республики Саха (Якутия).

ДРУГАЯ ПЛАНЕТА

Из сказания «Минерал номер один»

Она ехала в поезде, хотела смотреть в окно, на незнакомые сёла, города. Но мерное покачивание, стук колёс, тепло и полное безделье её усыпляли. Она терпела, но глаза смыкались, поднималась к себе на вторую полку. Пробуждалась обычно на станции, когда поезд останавливался, и в вагоне начиналось движение. Если успевала, то выскакивала на платформу, что-нибудь покупала себе. Напал какой-то бесстыдный жор. Ела и спала! И сосед по купе, старик с чапаевскими усами, нарочно громко, прихмыкивая, говорил своей старухе про молодёжь, которой, как Сталина не стало, дали большую волю: ничего не интересно, забаловались совсем, лишь бы поспать! А ей в интерес было быть забалованной — вот нравилось! И она сладко, разнежено — совсем, совсем забаловано — потягивалась. Лежала пластом, думала ни о чём. В дрёме.

Сон слетел только на шестые сутки пути от вскрика: «Волга!». Придвинулась к окну, устремилась взглядом вниз. Была ночь. Поезд стремительно громыхал по железному мосту. Мелькали сваи и перегородки. Вода в свете прожекторов высвечивалась клочками. Аганя цеплялась, хваталась глазами за эту воду, будто могла узреть, узнать

что-то большее, чем было видно. Поверхность гладкая. Поток ровный, сильный. Русло широкое. Могучая река. Во-олга!

С рассветом ей показалось, что она на другой планете. В сентябре здесь стояло лето! Тёплый, даже обжигающий воздух бил в приоткрытое вагонное окно. В глаза въедалась нежилая какая-то желтизна, сухость земли и клочковатое растительное буйство. Всё было наоборот: она привыкла к тому, что деревня — это дома, поставленные друг от друга далеко, городьба или плетень. А рощи, лес, тайга — начинались за домами. Здесь же между посёлками — ни деревца. А рощей, раскидистым островом стояла именно деревня. Дома утопали в зелени. Улица, идущая вдоль дороги, напоминала пышную конскую гриву, свешивающуюся из-за забора. А улицы — чащобную просеку! Проглядывали местами только крыши домов, углы стен. Да и сами дома были иными: не бревенчатыми, а мазанными и белёными.

Яблоки на деревьях росли спайками, по три-четыре, гнули тяжесть ветки: красные, белые, желтоватые, с кулачок, с голову ребёнка! А земля под сливовыми деревьями была чёрной от раздавленных ягод! Ногами топчут!

Люди шли такие неторопливые, опрятные. И всё здесь виделось неспешным, разнеженным. Даже поезд замедлил движение, стал часто останавливаться, трогался нехотя, подёргиваясь, будто засыпал на ходу. А и не разгонишься: сёла да города, хутора да деревни. Лишь на станциях, вокруг вагонной двери всё оживало, кружилось, раздавался бойкий говор с украинским напевом — она знала его по северу. Яблоки здесь продавали вёдрами — как картошку!

Так и ступила Агания на крымскую землю, как на другую планету. Обрадовалась пальме — она думала, что пальмы растут только в Африке. Нет, вот она, чешуйчатая, стояла, с широколистным хохолком, как у брюквы. Гроздь винограда свисали, будто оплывшие весенние сосульки. Протяни руку — срывай! И сами дворы были затянута виноградными лозами, словно вьюном. Осёл, ушастый, как у Хаджи Насреддина, вытянув морду, скрипуче кричал: один к одному — несмазанный колодезный ворот!

Море напугало её. Оно не кончалось. Небо переходило в море, и море — в небо. Оно покачивалось. Оно зазывало. Заманивало. Хотелось пойти по нему. Запрыгать по весёлым, снежным будто, гребешкам. А ведь так лишь казалось, что можно пойти. Агания мысленно ступала по воде и обрывалась ближе к середине. Душа обмирала — сладостно манило потонуть.

Она отворачивалась, старалась попусту не смотреть: ей такглянулся этот простор, небесный, без горизонта.

На пляже, рядом с людьми, она почувствовала себя бледной картофельной ботвой, проросшей в подполе. Собрала вещички, отошла подальше, к камням. К мшистым глыбам. Потрогала воду — как парное молоко! Зашла по колкой гальке, поплыла — ой! — пойти по

воде, может, и не пойдёшь, но и потонуть, не потонешь. Она прямо выталкивает, вода-то, и солёная, аж горько — щедрый Хозяюшко-то, не поскупился!

Так было день, другой. Она ела, купалась, загорала, кожу стало сушить и пощипывать, истомой наливаться тело. Она тоже делалась замедленной, морёной. Голова наливалась солодом, пустела — ничего, казалось, в ней не было и не бывало, в этой голове. Зато тело под южным солнцем словно набухало, росло изнутри, она вся превращалась только в тело: в беспокоящуюся, чего-то просящую грудь, в немеющий к низу, втягивающийся живот, в лучащиеся кверху колени.

«Ушу-х-х, — услышала она среди ночи. — Ушу-х-х...». Не поняла, что это такое? «Ушу-ух-х!» Одевалась, вышла.

Это билось море. «Прибой», — вспомнила она. «Ушу-ух-х.» — море куда-то стремилось. Из берегов, к простору, разлиться, растечься. Оно истомилось внутри себя, море.

Через неделю в комнате появилась соседка и сразу же взяла Аганию в оборот.

— Так хорошо? — выставляла она пухленькую ногу перед зеркалом, прикидывая платье. — А так? — подносила к уху серьгу.

Движения её были мягкими и плавными, но при этом она не прекращала вращаться и говорить.

— А ты чего сидишь? Ну-ка, поднимайся! Одевайся — мы идём в ресторан! — протянула соседка, будто дело было решённым, и она удивлялась Аганией нерасторопности.

— В какой ресторан? — Агания решила, что «новенькая» просто не знает режима Дома отдыха. — Здесь трёхразовое питание! Кормят, как на убой!

Соседка впервые приостановилась. Над её влажной верхней губой растянулись тонким рядком тёмные волосики.

— Если тебя волнует вопрос денег, то не бойся. Нас приглашают офицеры!

— Меня никто не приглашал! — соседка, видно, чего-то путала.

— Ты откуда будешь?

— Из Сибири. С Севера. — Агания помнила, что работает в закрытой организации, и не называла точный адрес.

— О таких вещах надо предупреждать, — приложила ладонь к сердцу новая товарка. — В ресторан ходят не для того, чтобы питаться. Тем более, на убой. В ресторан ходят... Впрочем, женщина должна это понять сама. Быстро одеваться! Если я говорю, пригласили, значит, пригласили. Капитан — это, сразу оговариваю, будет мой. Твой лейтенант. Твой даже будет покрасивее!

Какой лейтенант? Зачем? Вслед за соседкой — её звали Фая — Агания тоже стала вращаться. Крутилась, переодевалась, почему-то делала всё впопыхах, будто они опаздывали, или офицеры могли испариться.

— Да тебя можно в цирке показывать, — рассматривала Аганию соседка, как лошадь: — С виду сухарик, а жилочка к жилочке. И мускулы! Ты, наверное, гимнастикой занималась?

Любимое Аганино белое платье она забраковала, закатив в полном изумлении глаза. Принялась веером доставать, выбрасывать на кровать свои наряды: ажурные блузки, плиссированные юбки. Агания вновь чётко ощутила себя только телом, и это растомлённое тело запросилось в кружева, в мягкие льющиеся ткани. Она стала примерять чужое, вращаясь перед зеркалом. Всё было широкогато, но сидело.

— Вот тут подтянуть поясочек, — помогала Фая. — И ты — Любовь Орлова!

— Может, лучше, пойти, купить? — Агане всё-таки неловко одевать с чужого плеча.

— Хорошее стоит денег.

Деньги лежали в чемодане. Агания достала и показала.

— Спрячь! — выставила Фая руки, испуганно оглядываясь, словно в комнате мог быть ещё кто-то. — Ты совсем, что ли? Такие деньги нельзя показывать! Хорошо, это я такая, а мало ли кого рядом могли поселить! Тебе надо деньги на аккредитив положить.

— А у меня и на аккредитиве есть.

— Ты откуда такая взялась?

— Я же уже говорила.

— Я не в этом смысле. У вас там что, все такие?

— Какие?

Фая вздохнула. И рассмеялась, покачивая головой.

— Нельзя такие деньги показывать. И говорить про них нельзя. Есть, а ты делай вид, что нет. Ты одна. Тебя могут ограбить. Убить могут за них! Это же юг, курорт. Сюда жульё со всей страны съезжается. А ты где работаешь? — заинтересовалась она.

Агания задумалась: не поворачивался язык сказать, где. Не потому что нельзя, а не хотела, и всё. Как не хотела пускаться в разъяснение, что это деньги, заработанные за год, и отпуск у неё — три месяца. Надо на что-то жить.

— В торговле? — угадывала Фая. — В продуктах? Нынче где продукты, там навар. Я сама в торговой системе. В комиссионке, — почему-то кивнула она на горку собственных платьев.

Соседка заговорщицки приложила палец к губам. Таинственно открыла свою дамскую сумочку, которую она ставила на тумбочку зеркала, когда примеряла наряды, и надела ремешком на руку, когда занялась Аганей.

Из сумочки Фая осторожно извлекла бархатный футлярчик. Открыла, оставила крышку стоймя. И медленно, поглядывая загадочно на Аганию, стала вытягивать золотую цепочку. Чуть задержала руку, готовя и предвкушая момент, и выудила плоское золотое сердечко.

Сердечко развернулось на цепочке — и брызнул искрами метеорит.

Маленький кристаллик чуть покачивался в золотом окоёме и, будто стосковавшись по свету, пускал собранные в пучок солнечные лучики. Бесцветный камешек был для Агани таким знакомым — и совершенно незнакомым. Гранёным — она видела алмаз впервые.

— Бриллиант, — гордилась новая товарка. — Пятьдесят восемь граней! «Идеальная огранка» — так называется, мне сказали: «идеальная».

Калёный, пышущий жаром лом полетел в разморенном сознании Агани, полыхнули с треском шурфы, закачались сита-грохота... Лом раскачивали добела, чтобы пробивать в вечной мерзлоте шурфы, куда закладывали взрывчатку. Внизу, в шурфе, стоял громадный проходчик Вася Коловёртнов. Соскользнувший лом летел ему в голову, а Вася в своей вечной задумчивости копался на дне, не замечая опасности и не слыша криков. Лом цепанул торчащий из стены шурфа камень, выбив искру, и воткнулся рядом с головой беспечного богатыря... Ни он, проходчик, ни она, коллектор, не знали, что ищут. Имя алмаза в те годы было скрыто под кодовым названием: «Минерал № 1».

— Эх, — вздохнула товарка добродушно. — Так и думала, что ты ничего не поймёшь. Болото! И офицеры такие же. Вам что стекло, что алмаз! Вот и старайся, стремись к чему-то в жизни!..

Она приподняла подбородок, застегнула за шеей цепочку — и шея её сделалась длинной, спина взяла стать, а золотое сердечко с бриллиантом одноглазо засветилось меж белыми овалами груди.

Капитан, однако, всё оценил по достоинству: если не бриллиант, то саму Фаю, к которой так и липли взгляды самых представительных женщин и мужчин. В ресторане было много света: люстра громадная. Агания посматривала вверх и ждала, когда она упадёт? И зачем она: светильники над каждым столом вдоль стен. Фая гордо кружилась в вальсе, нацелив грудь на капитана, и поплёскивая маслянистыми губами, а бриллиант выстреливал на все стороны и лады лучиками. Люди оборачивались, отслеживая свечение, женщины начинали трогать свои серёжки и броши и, казалось, все и каждый топорились, причём, отдельными частями — оголённой в глубокой выемке платья спиной, свисающим локоном или — вдруг — портсигаром. Капитан прогибался дугой, кружил женщину и оголодало выкатывал бельма.

Агания победно представляла: что было бы, если бы эти люди узнали, что целые пригоршни алмазов она запросто держала в руках. Как сейчас, наверное, перебирает их, разглядывает в бинокляр, раскладывает по весу и качеству, сменщик Андрюша! Потом пойдёт в клуб, возьмёт в руки гармошку или аккордеон — в последнее время он пристрастился больше к аккордеону, — пробежится пальцами по ладам и:

... Где ж ты, ромашка моя?

Впрочем, ничего он не пересчитывает и не играет, а дрыхнет глубоким сном: ночь там у них — она с умилением отметила это «у них», — почти утро.

Официант подскочил, поставил на стол длинную бутылку. Согнулся. Не хворый вроде, не изболелся: другой работы не нашёл, что ли? Мужик ведь.

Там, куда улетала в мыслях, она была Аганей, а здесь она чувствовала себя телесной обложкой, вдёрнутой в чужое платье — вот рука пошла, подняла бокал. Вкусное, вообще-то, вино. Мускат. Виноград виноградом.

— Человек в форме! — налегал на стол чуб с погонами. — Это человек в форме!

Но чего Аганя никак не ожидала, так это того, что лейтенант, или вообще кто-либо из мужчин, может полезть к ней, наброситься как тигр какой.

Вернулись в Дом отдыха. Фая ушла с капитаном. Остались они вдвоём с чубатым лейтенантом. «Отвернись», — попросила. Сбросила чужое платье — в нём уже стало неважно, — и он прямо кочетом налетел! Повалил на кровать. Аганя месяцами жила одна рядом с мужчинами, ночевала бок о бок даже с бывшими зэками, но никто никогда даже намёком не предлагал просто потешиться. Её порой удивляло: к иным девчонкам приставали, тискали, те взвизгивали, потом рассказывали, мол, такой нахалюга оказался, сразу давай ему. К ней — нет. Замуж звали. При этом девчонки всё-таки высказывали замуж: иная потому и заводила речь, чтобы погордиться: как ловко окрутила парня — она ему «нет», а он её в ЗАГС! Аганя же так и оставалась незамужней.

На мгновение она опешила, просто не понимая, в чём дело: больно уж в диковинку было, что так могут с ней! Парень раздвигал её сомкнутые и подогнутые колени, Аганя ждала, смотрела: сумеет ли он разогнуть их, ноги, на которых исхожены тысячи километров и подняты тонны породы. Они же каменные, ноги-то.

Не дождалась: ноги сами распрямились — самострелом.

Полежала. Тишина. Приподнялась — жив ли, человек-то?

— Ну и что? — затравленно выглядывал лейтенант из тёмного угла. — Ты хочешь сказать, что так и будешь одна весь отпуск?

— А ты думаешь, что если ты ляжешь рядом, так я буду не одна?

Следующим днём Аганя опять шла по другой планете. Море волнами кидалось ей навстречу. Парусник в его синем безбрежье припрыгивал и кренился поплавам из гусяного пера. Она уже не походила на белесую ботву из подпола, и не стеснялась раздеться на пляже, где люди красовались друг перед дружкой загаром. Потянула с себя платье и замерла, почувствовав колкий взгляд в спину. Это был не тот взгляд, который Аганя ощущала почти всюду и, не обра-

чиваясь, видела добрые оберегающие глаза Бобкова. Другой, тоже, очень знакомый, но которого не могло быть здесь никак. Так смотрел Вася. Обернулась: парни стайкой косились на неё в сторонке.

С опущенной головой напрямик направилась к воде, ступила, и забыла обо всём — набежавшая волна приподнимала, вновь захластывала радостью творящегося чуда.

После купания Аганя припала к горячему песку, сгребла руками его в горку у груди. Дети и взрослые строили песочные замки, наращивая витиеватые верхушки, стараясь и соревнуясь с такой сосредоточенностью, будто от этого зависела их жизнь.

В жаркий полдень Аганя отправилась в тир. Давно уж её туда манило. Взялась за дверную ручку — и опять как бы придержали наблюдающие за ней глаза. Она даже ощупала поясницу тыльной стороной ладони. Посмотрела: улица, как улица, никого.

В тире стояла прохлада. На прилавке рядком лежали винтовки, и тёмные кругляши мишеней звали к выстрелу. Вдруг сбоку, где стена, на неё глянула какая-то девица: щёки её были нежно-шоколадными, русая прядь в каштановых волосах, а в зрачках — по кристаллику, как у Бобкова. Аганя даже вздрогнула. И лишь в следующие мгновение поняла, что в зеркале — она.

— Пэрсик, на-астоящ пэрсик, — словно подкрутил пальцами воздух тирщик.

Пятачок мельницы был на мушке, под срез, когда кто-то опередил её. Рядом, из-за приклада, смотрел вчерашний лейтенант. Она глубоко вздохнула: отлегло от сердца. Понятно, кто её высматривал. Ладно, решила, постреляем. Пошло состязание. «Щёлк», — бил офицер. «Цик», — падал «заяц» на движущейся мишени. «Щёлк», — стреляла она. И разлеталась спичка. «Щёлк», — целил лейтенант в крохотную точку на носу самолёта. «Дзынь», — вздрагивал самолёт от удара в хвост и оставался на месте. «Фшу-ух», — слетел он по проволоке после выстрела Агани. «Вах!» — бросал на прилавок новую партию пулек тирщик.

Когда в тире появились Фая и капитан, Аганя выигрывала уже значительно, и бледнеющий, несмотря на загар, лейтенант палил в паническом самозабвении. Не могла же объяснить ему Аганя, что стрелять её учили настоящие охотники, которые белку в глаз били — пуля в один попадала, а в другой вылетала. Крупного тайменя, которого водил и не мог вытянуть на леске рыбак, стреляла в голову — куда ж деваться-то, хочешь рыбку съесть... Здесь, на юге, рыба была совсем иного вкуса: постная, словно обезжиренная. Аганя поначалу заказывала по меню в столовой, после не стала: не по её языку такая рыба.

Вчетвером они с Фаем и офицерами пошли берегом. Собирали пустые раковины, камушки.

— Петушинный бог! — воскликнула Фая, показывая издырявленного каменного уродца. — Это на счастье! На сча...

Запнулась она на полуслове, замерла, увидев кого-то.

Задувал ветер. Море темнело, зубрилось, походило на стёсанный ковшем экскаватора кимберлит.

Впереди, на утёсе, высился не то монумент, не то живой человек. Он стоял вполоборота, дополняя своими очертаниями утёс и дыбящее море.

«Монумент» пошевелился — плечи прошли широкой волной, распрямил стать. Красив он был. В бостоновом кофейном костюме, в блистающей белизной рубашке, в широком, чуть небрежно повязанном, коричневом галстуке. Сила и мужество играли в его фигуре, достоинством полнилось лицо с крутым подбородком, впалыми щеками и упрямым, до жути упорным взглядом из-под тяжёлых бровей.

— Я за тобой, — неожиданно застенчиво улыбнулся молодец.

И только тогда Агания перестала не верить глазам своим. Вася Коловёртнов.

Она приблизилась к нему. Он протянул руку. Агания подала свою. Всё было так, будто жизнь шла обычным чередом, и лишь кто-то из них отлучился ненадолго.

Вася повлек её, Агания задержалась на миг, обернулась попрощаться. Такими же маленькими, как бы ненастоящими показались ей довольно крепкие, вполне рослые мужчины, офицеры. Фая, будто намагниченная, отстояла от них метра на три, удерживая в протянутой руке петушиного бога, вторая рука у неё тоже почему-то зависла в воздухе, чуть пониже. Глуповатая улыбка текла по её масляным губам, и не сводила глаз с Васи.

Молодец едва заметно усмехнулся — так, будто привык к таким женским взглядам, к внезапной полной очарованности им, и ничего не умел с этим поделать.

Агания и сама шла рядом, держалась за руку, как дитя. Нет, нет, да и посматривала с сомнением: а Вася ли это? В костюме, при галстуке — как большой начальник!

— Ты откуда? — удивлялась она.

— С Севера.

— А здесь как?

— Приехал.

— Ты же в тюрьме был... — спросила Агания напрямик.

— Когда Сталина за ноги вытащили, меня освободили. Я же по политической сидел.

Агания глянула строго. Не понравилось, что он сказал: «за ноги». Ей помнились слова Бернштейна: «Конечно, перегибов было много. Надо было сказать об этом. Но не надо было устраивать шумиху. Сказали — и забыли». Так он говорил после митинга, на котором прибывший Куратор горячо заклеил культ личности и с большим воодушевлением восславил новый курс партии. Люди уходили тогда с собрания молчаливыми, подавленными. Ведь если даже там,

на самом вершине народной власти, призванной вести их, передовой рабочий класс, в грядущее — если у самого руля такая неразбериха, подлог, то что же это такое?.. «Алмазы будут нужны при любом правительстве», — начали раздаваться голоса. Как это, при любом? Так ой-ёй-ёй куда можно зайти, помахивая рукой. Нет, так не годится. Так не пойдёт.

Агания шагала молча.

— Ну, написал официальный запрос. Как близкий родственник. Мне ответили, что ты поехала сюда. К вам-то мне хода нет. Вы же закрытые. А я, видишь, какая персона. На мне штамп особый. Хотя меня и амнистировали.

— Ты как-то говорить стал по-другому, — удивилась Агания. — Как образованный!

— Образованные — они по тюрьмам больше и сидели! Прошёл школу.

— А откуда сейчас?

— На золотых приисках я работаю, в старательской артели. Вместе с Рыжим. Помнишь Рыжего?

— С Элемкой?!

Она коснулась головой его плеча: его-то разве можно в чём-то винить? Он-то уж настрадался.

— И вечно прячется, подсматривает!

— А ты как думала: за тобой глаз да глаз.

Всё повторялось, и было по-новому.

Ей виделась юрта среди снегов. Намёрзшийся охотник с добычей, вошедший в тепло, тянущий настывшие ладони к пылающему в очаге огню.

Она видела юрту и юртой была сама, тёплой юртой с жарким внутри неё огнём.

Ей виделась пашня и русский пахарь в льняной просторной рубахе. Пахарь налегал на плуг, вёл борозду, и во влажную землю, под отвалы, в ямки ложилось пшеничное семя.

Она видела пашню и пашней была сама, вспаханной, раскрытой солнцу землёй, вобравшей золотое семя.

Жили они в отдельном домике с садом. И это стало новым чудом — сад, когда яблоко можно сорвать прямо с дерева. И самым спелым и вкусным оказывается то, которое отваливается само — чуть тронул его, оно уже и в руке. Или падалица. Или червивое — червяк-то, он тоже, не дурак, знает, в какое яблоко залезть. А можно срезать гроздь винограда — поднялась на стул, чик ножницами — и она в твоей руке, ядристая, с просвечивающимися внутри косточками.

— А ты меня не приревновал? — она бросила виноградное ядрышко в рот.

Был вечер, и они сидели вдвоём на открытой терраске.

— К кому? — Богатырь качался на кресле, поставленном на дуги, как у деревянного детского коня.

— К кому, к кому. С кем ты меня встретил? Или ты там только на Фаю смотрел?

— На какую Фаю?

— О, господи! Ну, к офицеру, с которым я шла.

— К лейтенанту, что ли? Что к нему ревновать?

— Почему? Он очень даже ничего. Офицер!

— Что я тебя, не знаю, что ли? К нему — нет. — Сказал он с нажимом на это «к нему».

И Аганя перестала спрашивать. Вася понял, о чём или, точнее, о ком она могла подумать. И подумала. Потому что о нём же подумал и он.

— На море! — Вася повлёк её за собой, поднял на руки, закружил, понёс по тёмной аллее. Она забила ногами, стала шутливо отбиваться.

Ей нравилось купаться ночью. Было пустынно, только буи покачивались в полутьме, да отсветы корабельных огней тянулись к берегу по воде.

В три гребка Вася почти исчез из виду. А потом и вовсе — нырнул. Аганя плыла, разводила руками, смотрела по сторонам, а его всё не было и не было. И она увидела — как вспомнила — стремительные воды Вилюя в ночи, человека, уносимого ими, такого сильного и такого беспомощного, такого редкого и так запросто скрученного потоком. Человек — в её взоре — ещё успел крутнуться, не то отчаянно сопротивляясь, не то махнув горячо на прощание, мол, живите! Аганя всполошилась, бросилась вперед, всё проглядывая в подступающей панике пустоту — да что же это, что же это за всеилие такое? — гребла она и смотрела, будто пыталась разорвать плоть надменных вод. Как там, далеко за бумом, воды разорвались сами. Выбился столб брызг, а в них как бы и не человек — что-то долготелое, длиннорукое, обитающее в недрах морских.

Её охватила слабость, и она едва доплыла, ухватилась за буй. Хотела заругаться, но, когда по другую сторону повис на бую Вася, лишь прыснула счастливым смешком.

На море бегали они по несколько раз за ночь, и несчётно — днём. Вася шутил, что на месте Емели-дурачка заставил бы ездить не печку, а кровать. Казалось, он мало о чём думал и просто жил, как живётся. Но даже когда он был очень весел, стоило заглянуть ему в глаза — тоска из них закатывалась ей в душу. И виделся путь: далёкий путь куда-то.

— Помнишь, ты мне сказку сказывала, — заговаривал он раздумчиво. — Как мальчишку забрала Снежная королева. Я всё гадал: а почему это ему надо было слово «вечность» сложить, чтоб освободиться? И ведь ты знаешь, догадался.

Они лежали на тёплых валунах. Чистая синь стояла перед глазами, и солнечные блики мешали смотреть.

— У кого в голове вечность, над тем хозяина нет, — Вася обернулся к ней в смущении, а она признательно сжала его мизинец.

Морские воды, как в люльке, нянчили Аганю и Васю, баюкали, завораживали, окутывали их в единые покровы. Теперь она понимала, почему так часто купались Андрей с Еленой. Они купались не в воде, а в неге, в неразлучности, в слитности своей.

Протяжный жалобный крик младенца послышался вдруг. Две сказочно красивые громадные рыбы-птицы взвились над морскими водами. Она догадалась — дельфины. И это они вскрикивали, как младенцы!

Ей не раз хотелось рассказать Васе, что у них есть сын. Лёнька. Без мамки там, совсем не зная отца. С бабкой. Им бы не купаться тут, не нежиться, а ехать к нему да растить парня. Аганя думала заговорить об этом и в доме, и по пути, и особенно здесь, на море, когда поднималась волна и душа выпрыгивала наружу.

«У тебя есть сын!» — рвалось из её груди. Она набирала дыхания и... рот приоткрывался, а слова не шли. Будто за язык кто держал.

Они возвращались с моря:

— А тебя наши часто вспоминают, — повернулась Аганя к Васе.

— Про что? — посмотрел он с улыбкой пристально.

— Про то, как ты на самолёт украл, чтобы полетать.

— Я думал, про то, как я двухкубовую тачку катал: с наваренными бортами.

— Про это тоже.

У калитки ждала Фая. Разодетая! Как в театр или ресторан.

— Что же ты так, ушла и пропала. Я же о тебе волнуясь. И в Доме отдыха тебя потеряли! Мало ли?!

Аганя не раз подумывала, что надо бы зайти, предупредить: там ведь и место, и оплаченное производством питание — безответственная какая-то стала совсем! Разнежилась!

— Пошла искать, — Фая почему-то говорила это Васе.

— И как нашла? — удивилась Аганя.

— Ну-у! — будто бы смущённо заулыбалась она. — Такого мужчину не спрячешь. Я местных женщин спросить не успела, мне сразу указали, — приподнялась её грудь в кофейном загаре, увенчанная бриллиантом.

— Шпиона, значит, из меня не получится? — усмехнулся и Вася.

Втроём они пили на терраске чай. Фая восторженно разводила руками, переливчато вращала мягкими плечами. Бриллиант хитрил, играл, то прятался за выпуклые кофейные овалы в прорези платья, то выскакивал, брызнув радостными искрами.

Дельфины всё выпрыгивали из воды и вновь исчезали в бедовой голове Агани.

«Андрей + Аганя =?» — Выложил однажды из алмазов сменщик Андрюша. Знать бы ему, что значили для неё эти слова.

Она смотрела на надпись, будто собранную из звёзд. И едва удерживалась на ногах. А сменщик стоял рядом, совершенно счастливый.

Лучики бриллианта с Фаиной груди выстригли у Агани слезу. Чуткий Вася это заметил, наклонился через стол, зацепил пальцем цепочку на нежной коричневой Фаиной шее, принялся разглядывать кулон на весу.

— Бриллиант чистой воды, — сказала Фая бездыханно.

И грудь её стала крупно вздыматься в опасной близости от мужской руки.

Вася посмотрел на Аганю.

— Я ей уже показывала, — заторопилась Фая. — Но ей же что бижутерия, что алмаз, платьишко есть одно, и хорошо. Вот вы, сразу видно, человек со вкусом...

Она осеклась под его взглядом.

— Если хотите, могу уступить, — Фая смотрела прямо и как-то очень преданно. — Это очень дорогая вещь, вы, конечно, понимаете, но для вас... Для нашей северянки...

— Для меня? — удивилась Аганя. — Мне не надо, не надо!

Мужской палец медленно выпустил цепочку и золотое сердечко с бриллиантом увенчало дыньками округлившуюся грудь.

— Такие вещи так сразу не покупаются. Надо всё хорошо обдумать, всё взвесить, — обращалась Фая только к мужчине. — Вы приходите ко мне в Дом отдыха, и мы всё обсудим. Приходите!..

Фая всё-таки мельком глянула на Аганю. Поднялась со стула, зачем-то передвинула его, постояла на вытяжку перед Васей.

И пошла. Будто по шаткой дорожке.

— Как ты ей сразу понравился, — проговорила Аганя.

Вася чуть улыбнулся, посмотрев искоса. Спросить что-то хотел: уголок глаза словно сдавливал вопрос.

Она пошарила взглядом по столу, по саду.

— Опять, поди, сбежать думаешь? — Спросил он не то, что хотел.

Спросил, как ответил. — Чёрную головушку оставить.

— С чего ты взял?

— Да уж вижу.

— Так ты меня насквозь видишь?

— Насквозь, не насквозь. А вижу.

Она, наконец, нашла, что искала. Васины обувки: он был в сандалиях на застёжках. Без шнурков.

— Может, и думала, — призналась Аганя. — Только не хочу.

— Айда в ресторан! — подал Вася руку. — Шампанского выпьем,

пашлык рубанём! А то на этих фруктах и овощах скоро просвечивать начнём.

Он надел свой красивый костюм. Сандалии к костюмным брюкам не шли. Достал новенькие туфли. Обул правый, потянул шнурок на левом... и порвал. Связал посредине, недолго думая, спрятал усики узла под кант с дырочками. И у Агани со звоном лопнула какая-то струнка внутри, а потом скрутилась. Что такого-то? Что случилось? Ну, порвался шнурок, и ничего больше. Они, Вася и Аганя, должны быть вместе: так уж судьба велела.

По пути Аганя заскочила в Дом отдыха: а то, в самом деле, в одной одежке на все случаи жизни. Она же купила платье модное, с воротником-стойкой, с подкладными плечами. И пока переодевалась, поймала себя на неожиданной ревности. Фая выбегала к поджидавшему в коридоре Васе, залетала обратно, возбуждённая и радостная, снова выскакивала. Успевала что-то нашушукивать ему, даже когда Аганя и Вася направились уходить, взявшись за руки.

— Для нашего уважаемого гостя с далёкого Севера, — провозглашала артистка на ресторанной эстрадке, — у которого в таёжной трясине утонул трактор.

Кругом вековая тайга.

И бродят там дикие звери.

Машины не ходят туда.

Бегут, спотыкаясь, олени.

Навстречу, от эстрадки, широко размахнув руками, мешая парочкам на танцевальном пятачке, шёл Рыжий. Невысокий, Элемка ступал, будто великан косою сажени в плечах. Пятерни же его были, словно действительно приделанными от великана — наработанными, разносившимися. Он двигался по проходу: рыжий чуб, да клешастые пятерни.

— Братцы! — с маха саданул Рыжий себя дюжей ладошкой в грудь. — Какой я радый за вас! Я за вас — весь, — приложился теперь он двумя кулаками и словно бы разодрал грудь, — спереживался! Гуляю! Три или... скоко дён уж я тут! А моря ещё не видал! Братцы! Вы хоть мне скажите: какое оно, море?!

— Вернёмся, расскажу, — хлопнул друга по плечу Вася.

Рядом с Васей в ресторане всё виделось, как и должно быть: если кто-то и топорицился, выставлялся, то примерно так, как высовывается суслик из норы или мельтешит мышь. И согнувшийся угодливо официант не вызвал неловкости за него: а как ещё ему стоять перед таким, как Вася?

Официант принимал заказ, записывал в блокнотик, как вдруг присел, вздрогнув, глазёнки его забегали, он задёргал головой, будто вытаскивал свой взгляд из-под Васи:

— И-из-звините, м-минуточку...

И через мгновение уже стоял возле соседнего столика. Впрочем, слово «стоял» не подходило. Агания видела на такой манер согнутых людей — буквой «г» — только на рисунке к пьесе Гоголя «Ревизор». Но тогда был царизм! Она никак не предполагала, что склоняться так могут и при советской власти!

Прогибала спину около этого столика и женщина с обесцвеченными уложенными шапкой волосами, которую Агания заметила у входа рядом с табличкой: «Администратор».

За столик устраивались трое. Точнее, один, потому что другой расторопно подставлял ему стул, а третий, перехватив «меню» у официанта, раскрыл половинки и угодливо протянул этому первому. Были они все трое, как с доски почёта. И только главному для окончательного правильного выражения лица мешал окладистый подбородок.

Стол их заполнялся, как скатерть-самобранка.

— Для нашего гостя с далёкого Севера, — опять сладкоголосо заводила девушка у микрофона:

*Я знаю, меня ты не ждёшь.
И писем моих не читаешь.
Встречать ты меня не придёшь.
А если придёшь, не узнаешь.*

Вася задумчиво сидел, положив крупные длинные руки по обе стороны одиноко стоящей подставки с солонкой, перцем и горчицей. Тень заметно набегала на его лицо, густилась. Пальцы начинали выстукивать дробь и стекленели белые волосики на запястьях.

— Прости, — проговорил он жалостно. — Но я так не могу.

Он встал, шагнул к столу, где потчивались трое. Круглый столик с богатством яств легко поднялся над головами и встал рядом с Аганией. А их, пустой, также плавно переместился на место первого. Вася придвинул убранный стол поудобнее, между Аганией и собой. Присел и так беспечно, спокойно посмотрел. Если, конечно, не считать в его глазах обычной грусти и долгого пути.

— Ну, вот это другое дело!

Агания ожидала, что эти трое сейчас кинутся на Васю, начнётся драка. Но ничего подобного! Они как сидели, так и продолжали сидеть.

Официант с администраторшей пропрыгали в кружении, как маленький кобель с большой сучкой. А к троице, сидящим неподвижно, устремились сразу несколько официантов с подносами. Но те не прикасались ни к чему, только лица их делались ещё правильнее, почётнее, требовательнее.

Вася, как ни в чём не бывало, подливал вино, придвигал ей ближе виноград, улыбался. Агания стала успокаиваться: всё же по справедливости.

— Вот говорят: «Самое дорогое у человека — это жизнь». А чем она так дорога? — Он всегда стыдливо щурился, когда пускался в размышления. — Кому дорога? Ему? — указал Вася на окладистый подбородок. — Ему дорога? А помнишь, я тебе про девчонку рассказывал, которая со мной лошади на председателя надела, про Валюху. Она тоже освободилась. Вышла, говорят, красавица. На пианино играет — ну, ясно дело, при хозяйине жила. А ей тут, на свободе, через неделю глаз вышибли. Ей, может, эта жизнь, и вовсе не мила теперь?

— Цель нужна, — вылетело у Агании. — Без цели человеку никак. — Сказала она и покраснела: человеком, по которому она могла мерить «главное», был для неё только Бобков.

— Про цель я понимаю, — опустил Вася глаза. — Только таких, как он был — один, два и обчёлся. Таких много и не надо. Я не такой, как он. Только и таким, как этот, — кивнул он опять на «окладистого», — быть не хочу. Смотри-ка, бедный, весь складками изошёл — всё, поди, о народе печётся. Нет, самое дорогое у человека это не жизнь. Само дорогое — это...

Он сидел вполоборота, двигаясь, меняя, перебрасывая ногу на ногу. Усики узла на новом лакированном левом туфле вылезли из-под кантика, лохматились, болтались в воздухе. Туфли вставали рядом, и разница бросалась в глаза: один шнурок лежал ровным стежком, другой — выкручивался мозолью. Агания корила себя, что в такой момент, когда надо думать о Васе, она рассматривала эти шнурки. Они виделись разными — разными и были.

Вдруг он тоже уставился на шнурки. И усмехнулся. Агание жутко сделалось: ей часто казалось, что он всё про неё знает. Как знала она про Бобкова. И сейчас Вася точно услышал её мысли.

В глазах его вновь проглянул покой, долгий путь и добрая снисходительность. Двумя пальцами он что-то выудил из своего нагрудного кармана, взял её руку и вложил в неё... — как она сразу не догадалась, когда Фая бегала туда-сюда? — бархатную коробочку. Агания разжала руку, раскрыла коробочку и выудила за цепочку бриллиант в золотой оправе. Она успела заметить, как, будто в его отражении, окончательно расплылось и растянулось, потеряв всю свою пристойность, лицо с окладистым подбородком. Словно бы отлетела, ударенная током, приближавшаяся администраторша. И приостановились, будто на них нацелили пистолет, два милиционера.

— Так лучше. Я же вижу, — улыбался Вася. — Это хулиганка, много не дадут, не переживай. Считай, я всё это нарочно. Ты из-за совести мучишься, а мне самому уйти кишка тонка. Вот, подручные и пособят.

Рыжий вылетел на пути с широким замахом: «Кто на наших?!» И растерялся: Вася первым перехватил руку, скрутил, откинул в сторону и жёстко пригрозил кулаком. Рыжий так и остался стоять в растопырку, ничего не понимая.

— Для гостя с далёкого Севера...

*Будь проклята ты, Колыма.
Что названа чудной планетой.
Сойдёшь поневоле с ума.
Отсюда возврата уж нету...*

С её оттопыренного мизинца свисал на цепочке маяком поблёскивающий камешек. Раскалённый до бела лом вылетал из памяти, нагонял своим огненным жалом Васю.

Вася уходил в густом малорослом людском окружении. Спокойный, вразвалку. С вечностью в голове.

Перед отъездом Аганя ещё раз увидела его. Вася стоял с метлой во дворе отделения милиции. Рядом с ним была Фая. Она принесла продукты, доставала из сетки и показывала всё по отдельности: колбаску, рыбку, баночку с икрой. Вася на гостинцы взирал равнодушно, но, когда Фая, улучив момент, уже из своей сумочки сунула ему за пазуху чекушку, размяк и просветлел в улыбке.

Это Фая сумела договориться, чтобы «потерпевшие» забрали заявление из милиции: взяла у Агани деньги и договорилась. Только поставила одно условие: Аганя уезжает, не простившись с Васей. Добрая Фая и подарки матери и Лёньке помогла купить, и вещи её упаковала. Так что Аганя уезжала со спокойным сердцем: пылающий огнём лом и на этот раз миновал Васю.

В поезде всё гадала: а чего же Вася сказать хотел про «самое дорогое?» Подставляла слова: родина. Выходило: конечно, родина для неё была дороже жизни. Любовь. И опять выходило: сказали бы сейчас, камень на шею и в воду, а он будет жить — без раздумий. Дети — она теперь уж для Лёньки и живёт. Даже — работа. Ну, тут на смерть бы она не согласна. Но если бы завтра построился город, все бы вошли в новые светлые тёплые квартиры, и мать бы с Лёнькой тоже — да кто она такая, чтобы её жизнь была дороже?!

Аганю поманило глянуть на гранёный алмазик, перед которым там, на юге, на другой планете, все немели.

В чемодане, во внутреннем кармашке, куда Аганя спрятала футлярчик с украшением, почему-то лежал морской камень с дырочками, который Фая нашла на берегу. Она называла его «куриный бог» и говорила, что он приносит счастье. А бархатной корочки не было.

родился в Крыму в 1967 году. Окончил Ленинградское высшее военно-политическое училище имени Ю. В. Андропова, вернулся в Севастополь, служил в различных частях и на кораблях Черноморского флота. В 1992 году принял решение продолжить службу в российских Вооружённых Силах. В 1993 году волей судьбы попал в отдел боевой подготовки газеты Черноморского флота, служил вначале корреспондентом, потом начальником. Выходил в море на всех кораблях и судах

Черноморского флота, в общей сложности несколько сот раз, побывал в Сирии, Греции, Румынии, Болгарии, Турции, Грузии. В 2007 году перевёлся в газету министерства обороны России «Красная звезда» постоянным корреспондентом по Северокавказскому региону с местом нахождения в Астрахани. Побывал в Дагестане, работал с пограничниками в Северном Каспии... Уволился в 2012 году.

...ЕСЛИ ДОКТОР БЕЗ КРИСТИНЫ НЕ ПОЖЕЛАЕТ ПРОСНУТЬСЯ (две главы из романа)

ГЛАВА 1

Часть 1. Великий уравнитель

Берег огромного Залива. Пустынная набережная. Полуразрушенный, заросший травой, кустарником и молодыми деревьями Город, с коробками небоскрёбов и огромными кучами разбитого стекла и бетона. На остатках причала, возле затопленного дебаркадера, где когда-то был ресторан, сидит рыбак с удочкой и довольно крупный кот камышовой окраски. Рыбак, спасаясь от одиночества, размышляет вслух, обращаясь к коту. Кот, в свою очередь, внимательно прислушивается к звукам человеческой речи, зная, первая мелкая рыбёшка, впрочем, как и все остальные, ему всецело принадлежит.

— Томас, Томас, рыбная твоя душа, как Кристина переживала, когда ты поймал крысу и отравился ей. Крысы размножились после Взрыва и быстро поглощали всё подряд, постепенно превращаясь в бегающий ядовитый кусок плоти. Ты лежал у нас в подвале, тебя врывало, выворачивало наизнанку. Дать бы тебе молочка, да откуда

его взять. Где-то в брошенной машине в аптечке нашёл активированный уголь, растворил в воде из пожарного водоёма, набрал раствор в шприц и залил тебе в рот. Ты и не сопротивлялся, не было сил. Ты, умный кот, понимал, мы тебя лечим, оттого и надо терпеть. Ты не мог жить без нас, а мы без тебя. Без тебя подвал наводняли крысы, ждущие, когда мы уснём, чтобы обглодать кожу и мясо с наших стопы, ладоней и лиц...

Когда появились ракеты, способные летать со скоростью, недостижимой для других, зенитных, ракет, оказалось, их невозможно перехватить. С той стороны океана к нашим ракетным шахтам прилетели чужие ракеты с малыми ядерными зарядами. Совсем малыми и гуманными, чтобы только уничтожить наше ядерное оружие, не тронув ни городов, ни посёлков. Но за несколько минут до них одна, всего одна боевая головка, прилетела ночью в город, где жило 24 миллиона человек, чтобы уничтожить наш всемирный финансовый центр. Мол, деньги зло, ростовщики закабалили мир, его надо освободить.

Транснациональные банки были разрушены, погибло, казалось бы, немного служащих в них людей. Радиоактивный фон был хоть и выше нормы, но на расстоянии ста метров от эпицентра уже не смертелен и относительно безопасен. Справедливость восторжествовала. Мир стал свободен от финансового рабства. Только вдруг, внезапно, отключилось электричество. Город погрузился во мрак. Люди в панике стали покидать небоскрёбы, метро, торговые центры, школы, институты. Миллионы людей в одночасье кинулись в узкие аварийные проходы, на лестницы небоскрёбов. Миллионы, Томас, миллионы. Сколько их было задавлено в толпах, кто считал? На тех, кто выбрался на улицы, стала обрушиваться стеклянная облицовка сияющих небоскрёбов. Стекло выдерживало самые сильные ветры. Но кто рассчитывал её прочность на взрывную волну ядерного взрыва?

Дальше живых ждали голод и жажда. Продукты, что находились в холодильниках, пришли в негодность. Весь город начал погружаться в зловоние от разлагающихся тел, от гниющей еды. Те, кто рисковал питаться отравленными продуктами, умирали в мучениях. Консервы быстро закончились. Многомиллионный город жил без запасов, питался продуктами буквально с колёс большегрузных автомобилей. Так ведь дешевле.

Скоро не стало даже продуктового гнилья. По дорогам нельзя было проехать из-за стекла. Те, кто пытались уйти из города, вскоре падали обессиленные, их ещё живых обгладывали крысы и обезумевшие собаки. Как быстро звереет некогда любимый питомец!

Я остался жив только потому, что очень поздно приехал в подземный гараж небоскрёба, где снимал небольшую квартиру, после очень беспокойного дежурства в благотворительной больнице для бездомных на другом конце Города. Оттого и уснул прямо в гараже, откинув назад сидение своего автомобиля. Наверх подниматься не было уже сил.

Вначале потерял сознание от ударной волны. Потом пришёл в себя в крошечной тьме и не мог понять, что происходит. Впереди я увидел свет и пополз на него, там и нашёл узкий выход. Того, что увидел, не было ни в одном моём страшном сне или фильме ужасов. Разрезанные стеклом тела лежали в великом множестве, и вокруг них кишели мириады крыс. Почему я от этого не обезумел, до сих пор загадка. Но тогда принял единственно правильное решение, вернулся в подземный гараж, где в авто можно было найти хоть сколько-нибудь еды и питья. Сколько там провёл времени, не знаю. Но вначале было лето, потом пошёл первый снег. Запах гниения ушёл, всю органику уничтожили крысы. Потом крысы стали питаться друг другом и почти истребили друг друга. В подземном гараже закончилось всё съестное. Если конденсат водяного пара ещё оседал на бетонных стенах и утолял жажду, то от поедания спящих то и дело крыс, я отказался. Не зря ведь до Взрыва был врачом. Ты же помнишь, Томас.

Тёплой одеждой удалось, Томас, разжиться в каком-то рыболовном магазине. В резиновых сапогах и камуфлированной куртке, наверное, до Взрыва я бы представлял самое комичное зрелище в некогда огромном городе. Но не было зрителей на исполнение комедийной роли в моём исполнении. Зачем-то в магазине прихватил спиннинг и латексных рыбок на наживку, непромокаемые спички. Впал в детство, что ли. Когда подошёл к этой набережной и глянул в серую, зимнюю воду залива, то закрыл глаза от удивления. Возле берегов плескались целые рыбные стаи. Тогда ещё не знал, что смотритель маяка на острове при входе в залив открыл первым делом после Взрыва рыбные фермы неподалёку. С одной стороны, ему стало жалко запертых без корма рыб. А с другой, не вся рыба уйдёт отсюда к другим берегам. Что-то и ему будет перепадать с этого изобилия.

Как держать спиннинг в руках, я не знал. Прицепил на крючок, как мог, наживку и забросил в тёмную воду. Что-то дёрнуло вниз, и я начал крутить с невероятной скоростью ручку катушки с леской. По всем рыбацким законам довольно крупная и увесистая рыба обязана была сорваться. Но как-то я вытащил её на берег. Потом забросил ещё и ещё, каждый раз вытаскивая улов. Чайки, увидев добычу на поверхности, начали атаковать. Быстро накрыл пойманную рыбу какой-то полуистлевшей тряпкой, убежал с ней в укрытие. Голод, к счастью, был ещё не силён до безумия. Я не стал тотчас рвать зубами сырую, только пойманную рыбу, всё-таки предпочёл развести костёр. Благо древесины вокруг валялось в изобилии. В каком-то разграбленном магазине разжился фольгой для окон, завернул рыбу и запёк. Ты бы знал, мой кошачий друг-рыболов, сколько полезных для жизни людей предметов без надзора лежит в Городе, где нет людей. Впервые за несколько месяцев я поел горячую пищу. Такое блаженства от приятной теплоты и полноты в желудке я испытал впервые в жизни. После непривычной пищи, правда, меня вскоре

послабило. Как врач, правда, обрадовался, ведь функции моего кишечника полностью восстановились.

Метров в пятистах от набережной, из подвала, слышался женский плач. Я испытал второе изумление за сегодняшний день. Как-то просунулся в узкий лаз и в почти полном мраке увидел сидящую на бетонном полу, судя по звукам плача, женщину.

Спросил обитательницу подвала, отчего у неё такие слезы. Взрыв ведь давно произошёл. Людей и вещей в Городе, по которым можно горевать, уже нет давно. Она ответила: «Кот Томас съел крысу и отравился». Для того, чтобы кот не ел крыс, его надо кормить, заметил я вполне резонно. Женщина спросила, могу ли я хоть чем-то помочь коту, она за это готова поделиться своей едой, какими-то сухарями. Спасибо, говорю я, еда есть и у меня самого, могу даже поделиться. Котофею же и так окажу помощь. На будущее, говорю, кота кормить надо рыбой, а не сухарями. Тогда не будет кидаться на всякую ползучую и бегающую тварь.

Ты, Томас, заснул, после сорбента тебя ещё раз вырвало. Когда ты съел немного рыбы, стало понятно, будешь жив. Женщина назвала своё имя — Кристина. Она была вся в какой-то саже, пыли, грязи, в слипшихся волосах шевелились насекомые. Как, впрочем, и у меня самого. Кристина коротко рассказала свою историю.

Отец, совладелец мировой корпорации, познакомился с её матерью, дочерью владелицы небольшого рыбного рынка, что был неподалёку, чем вызвал, мягко говоря, непонимание в своём окружении. Впрочем, жена и законные дети спокойно отнеслись к увлечению мужа и отца. До двадцати пяти лет жизнь Кристины была безоблачной.

Всё благополучие ушло со смертью отца.

Завещание и документы собственности, в которых матери и Кристине определялись как недвижимость, так и активы, были составлены таким образом, что совладельцы увидели в матери и самой Кристине серьёзную угрозу в возможном перераспределении долей в акции и перераспределении мест в Совете директоров. Совладельцы действовали эффективно, защищая свои интересы. Завещание было отменено в суде. Дескать, когда наследодатель составлял завещание, то принимал сильное психотропное лекарство, на тот момент был недееспособен. Потом, владельцы корпорации решили, что называется, юридически «обнулить» Кристину и её маму. На рыбном рынке «вдруг» обнаружили испорченную рыбу, от которой реально отравились несколько человек.

Юристы корпорации по праву считались лучшими в мире. Всего в несколько судебных процессов лишили всего имущества и средств существования семью Кристины. Счета были заблокированы, рынок, рыболовецкая лодка и квартира возле набережной были проданы с торгов. На работу, даже самую грязную и непрестижную, Кристину

с матерью никто брать не рисковал. Пришлось уходить жить на улицу возле набережной, где хоть кто-то чем-то мог помочь.

Матери хватило всего месяца бродячей жизни. Кристина рассказывала мне, что видела со стороны, как маму забрала какая-то карета скорой помощи с эмблемой благотворительной организации.

Перед Взрывом Кристине повезло. Если считать везением то, что она прибилась к контейнерам с возвратным хлебом и просроченными продуктами от одного мегамаркета. Там же старалась появляться нечасто. Не хотелось мозолить глаза местному отребью. Предпочитала набирать хлеб впрок. Потом сушила сухари на теплотрассах и хранила их в термопакетах, кои лежали на соседней помойке.

Взрыв мало что изменил в жизни Кристины, мой рыбный друг Томас.

О!!! Тебе повезло, держи рыбку. О чём это я? Да, наутро Кристина попросила сделать так — здесь, Томас, я вновь удивился, — чтобы она могла... помыться. «Женщина, — сказала, — должна быть чистой!» Сложного, здесь не было ничего. Сложил печь из строительных блоков, притащил водосточные трубы, приспособил их под дымоход, вывел в вентиляцию. Слив сделал в колодец коллектора канализации. В том, что осталось от ресторана, нашёл помятую кастрюлю. Из разгромленного магазина косметики принёс шампуни, мыло, специальную бритву и даже какие-то декоративные свечи. В аптеке на полу нашёл мази против грибка, для заживления, детские присыпки, марли, бинты...

Вода в подвале была в пожарной ёмкости. Кастрюля закипела быстро.

Бездомная жизнь в дополнение к ядерной войне явно не способствует женскому здоровому цвету лица, так скажем. Одежда, вернее её остатки, буквально прикипели к коже Кристины, пришлось вначале осторожно облить её тёплой водой, и ждать, пока лохмотья отлипнут. Я мыл её, как ребёнка. Кожа была вся в струпьях, поражена какими-то грибками. Каждое моё прикосновение было для неё мучением. Потом пришлось сбрить все волосы с её тела, очистить раны от гноя и червей, нанести мази, присыпать, обмотать марлей и уложить спать на нечто, похожее на постель. Рядом тревожно спал и ты, Томас. Кстати, наутро ты, Томас, уже поел печёной, упаси Бог, не сырой, рыбы. И, шатаясь, сделал несколько первых шагов.

Дальше я помылся и сам, впервые после взрыва, сбрав все волосы, в которых тоже копошились насекомые.

Так продолжалось дней десять. Кристина большей частью спала, я менял повязки. Днём ловил рыбу, разделывал и жарил на месте, пробовал её даже засолить. Чего-чего, а пачек соли в округе валялось немало. Однажды меня заметили какие-то люди с оружием и направились в мою сторону. Я попытался скрыться в развалинах. Но,

Томас, произошло то, что невозможно было представить. Невдалеке раздался звериный рёв. На рыбалку, оказывается, пришел ещё и медведь. Люди с оружием предпочли уйти.

Так и живём, Томас, день за днём. Каждый занят своим делом. Я ловлю рыбу. Ты — всяких грызунов. Кристина готовит еду, солит рыбу. Как-то я посетовал, мол, жаль, не смогли наши правители договориться, сколько бы людей осталось жить. Кристина посмотрела на меня и произнесла: «Мне что с того? Людей не вернуть, не она пускала ракету».

Её подвал неожиданно стал лучшим жилищем всего побережья на сотни миль в округе. Он спас её и дал новую, гораздо лучшую, жизнь. У неё появились своя кухня, мужчина-добытчик и даже свой кот, ты, Томас.

Кстати, отчего-то она так и не захотела меня называть по имени, нарекла Доктором.

Взрыв нас уравнил и соединил. Великий ядерный уравнитель...

Часть 2. Смотритель

Интересно, Томас, одни ли мы здесь? Если не считать тех, с оружием, которых отпугнул медведь. Думал ли я до Взрыва, что людей испугаю больше медведя?

Томас, смотри, вдалеке парус! Какая-то яхта под парусом, направляется к нашему причалу. Других-то нет в округе. Вот и думай, встречать или прятаться.

Человек с недобрыми намерениями высадился бы в стороне и выследил его до жилья, где, по логике, должно быть скрыто самое ценное. Сомнения развеял крик человека с яхты:

— Доктор, примите конец, помогите ошвартоваться.

Человек на яхте не знал моего имени, но знал мою профессию до Взрыва. Похоже, мой бывший пациент.

После швартовки на причал буквально сбежал высокий мужчина средних лет с гладко выбритыми лицом и головой, ставшей похожей на шар. Он говорил быстро и вначале что-то несвязное: «Доктор, вы меня не помните, я смотритель с маяка на входе в Залив. Вам спасибо, вы меня вылечили от болей в пояснице незадолго до Взрыва. Вот вам чеснок и лук».

— Здравствуй, Смотритель, — я не заметил, как подошла Кристина.

— Тебе ещё рано вставать, да и на дневном свете после нескольких месяцев в подвале опасно появляться, — произнёс раздражённым тоном врача.

— Кристина? Ты жива? — поразился Смотритель.

— Вы знаете друг друга? — пришёл мой черёд удивляться.

В подвале разговор был более спокоен. Маяк и домик смотрителя находились по соседству с Особняком отца Кристины. Кстати, её отца

негласно, за глаза называли Императором. А транснациональную корпорацию, где ему принадлежала львиная доля собственности, — Империей Всех Континентов. Неподальёку от Маяка был небольшой цех по переработке и хранению рыбы, который принадлежал матери Кристины — Розалине и её бабушке — Августине.

Смотритель хорошо знал семью Кристины, с детства её учил ходить на яхте, почти каждый день на летних каникулах они поднимались на маяк. Для Смотрителя, пожалуй, мало что поменялось в жизни До и После Взрыва. На маяке были дизельный электрогенератор, ветряная электростанция, стояли солнечные батареи. Правда, запас горючего давно стал неприкосновенным и не использовался.

Для отопления Смотритель собирал обломки древесины-плавуна, в обилии выбрасываемого на берег. Пресная вода после дождей собиралась в резервуаре и двух открытых гидроаккумулирующих бассейнах. Особняк отца Кристины был оборудован по последнему слову энергетики, приливная электростанция, два ветряка и несколько солнечных батарей. Всё в доме до сих пор относительно исправно работает, в саду и в оранжерее растут деревья и кустарники, система автоматически поливает их собранной дождевой водой. Компьютер, управляющий домом, оказался настолько дорогим, что имел степень защиты от электромагнитного импульса при ядерном взрыве. Радиация сейчас немного выше нормы, если судить по замеру, проведённому Интеллектом Особняка.

— Кроме чеснока и лука надо было привезти фрукты, что сохранились с осени, — посетовал Смотритель.

Во время взрыва у Смотрителя вышла из строя вся работающая электронная аппаратура. Но остался старенький приёмник ещё прошлого века. Ветряк и батарея продолжали выдавать электроэнергию. Он получил возможность слушать новости по радио, которые прекратились месяца три назад.

Информация была скудная, на радиостанциях и сами не владели достаточной информацией о произошедшей ядерной войне. А произошло примерно следующее. Наш бывший союзник, утратив с нами огромные контракты и не способный расплатиться по всем кредитам, решил обрушить мировую экономику, считая, что сможет от этого выиграть благодаря своей готовности переждать ядерную войну. Для этого с одной из его атомных подводных лодок по двадцати четырём финансовым мировым центрам были запущены баллистические ракеты зарядами малой мощности с «гуманной» целью убить не миллионы, а «всего» лишь сотни тысяч людей.

Посчастливилось, если так возможно назвать, что за несколько лет до этого был создан Интегральный Интеллект Безопасности. Он оценивал все риски случайных пусков, определял, насколько провокационен повод для обмена ядерными ударами. Интегральный Интеллект дал сигнал провокации системам управления стратегиче-

ским оружием двух крупнейших ядерных стран. Они за долю секунды приняли решение нанести взаимные удары гиперзвуковым оружием по шахтным ракетным установкам, одновременно заблокировав пуски с подводных лодок и с авиационных носителей. Такой удар, по мнению систем, исключил бы глобальный ядерный конфликт. Но ограниченный, малыми зарядами, предотвращающий пуски стратегических баллистических ракет шахтного базирования, ядерный удар вызвал техногенную, экономическую катастрофу во всём мире.

— Наша страна, — говорил Смотритель, — полностью потеряла управление, государства нет, всюду хаос, голод, банды. Вторая, самая большая по территории, страна, который месяц в огне лесных пожаров. Там сгорают города и сёла, со всех сторон на неё набросились соседи, желая отхватить кусок полакомей. Тушить же там пожары нет возможности, нефтеперерабатывающие заводы не производят горючего для техники, самолётов и вертолётов. По трубопроводам, по железной дороге из-за огненного моря к ним невозможно доставить «кровь» экономики. Другая, самая большая по населению страна из-за разрушенных дамб утопает в наводнениях.

— Невесело, — подытожил я.

— Кристина, Доктор, собирайтесь со своим котом на остров. Там дом, еда, — предложил Смотритель.

Вдруг в небольшой лаз наверху просунулась чья-то голова в вязаной шапочке, измазанной грязью.

— Доктор, Ботаник сломал ноги...

— Какой Ботаник, какие ноги? Кто вы, и откуда пришли?

Пришлось подняться на поверхность. Четыре грязных, завшивевших человека стояли возле лежащего на медицинских носилках мужчины неопределённого возраста.

— Ботаник сломал ноги, а нам без него не выжить, — произнёс один из пришедших.

— Кристина, Смотритель, плывите на остров. Я остаюсь, — довольно быстро сделал свой выбор. — И, Кристина, не сомневайся, всё будет в порядке. Если мне будет необходима помощь, я вывешу какую-нибудь тряпку на фонарном столбе на набережной, возле причала. Всё. Надеюсь, до встречи.

Смотритель и Кристина молча ушли, унеся с собой беспокойно сидящего на руках Томаса.

Иса КАПАЕВ,

народный писатель Карачаево-Черкесской Республики, член Союза писателей России.

Родился в ауле Эркин-Юрт Ставропольского края в 1949 году.

Выпускник Литературного института им. А. М. Горького.

Автор 40 книг на ногайском и русском языках. В 1974 году дебютировал с рассказом «Верность очагу»

в журнале «Юность», за который был удостоен премии этого издания. Произведения писателя также публиковались в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Дон», «Наш современник» и других.

В 1978 году Иса Капаев стал одним из победителей Всесоюзного литературного конкурса им. Н. Островского, за заслуги в литературном творчестве в 1998 году ему была присуждена Международная премия им. У. Алиева, а в 2008 году — премия Президента Карачаево-Черкесской Республики.

В 2002–2004 г. Иса Капаев, удостоившись Гранта Президента РФ, создал Народный музей истории и культуры ногайцев в а. Эркин-Халк Карачаево-Черкесской Республики.

Научные исследования Исы Капаева печатались в различных тюркологических сборниках, издаваемых в Москве, Астане, Анкаре, Астрахани, Махачкале. Особое значение в науке имеет книга И. Капаева «Опыт мифологического словаря. Ногайские мифы, легенды и поверья» (из-во «Голос-Пресс», Москва, 2012 г.). Как отмечали учёные на презентациях книги, это основательное исследование о ногайской мифологии и весомый вклад в развитие тюркологии.

Исе Капаеву присвоены почётные звания народный писатель Карачаево-Черкесской Республики, заслуженный деятель культуры РФ и знак «Деятель культуры Республики Казахстан». В 2006 году имя ногайского писателя вписано в энциклопедию «Лучшие люди России», а в 2016 году — в энциклопедический словарь «Историки современной России». В 2020 году Иса Суюнович Капаев избран член-корреспондентом Российской академии естественных наук в области литературы. В 2021 году за роман «Саманта» (из-во «Голос-Пресс») награждён Большой Литературной премией России.

ЦЕЛИТЕЛЬ

Рассказ

*Посвящается
Николаю Лугинову*

Казгирей, как и все остальные молодые люди, мечтал о хорошей жизни. В первую очередь хотел разбогатеть, построить себе дом, а затем жениться, занять детей и воспитать их нормальными людьми. Он рано остался без родителей, и не всё у него получалось в жизни: хотел учиться, но не смог поступить в институт, и жениться не смог, хорошенькие девушки на парня без образования не смотрели, да и красавцем он не был. До армии работал разнорабочим на стройке. Тогда ещё была работа в ауле. После службы в армии он, как многие из соотечественников, не стал рваться в поисках работы, а так как в армии его изводила ностальгия по родной степи, вернулся в свой аул. Уезжать на заработки не хотел, думал, что осуществить свою мечту можно и дома. «Ведь жили люди на этой земле веками, почему теперь нельзя на ней жить?» — задавался он очень серьёзным вопросом и настойчиво искал выход. Но у него ничего не получалось. Работы не было, а на случайные заработки не разживёшься; несправедный путь — воровство, разбойничанье — он отметал на корню. Ему хотелось осуществить свою мечту законным образом. Поэтому он с другом арендовал землю. Друг пас овец, а он трудился на поле, выращивал арбузы. Вместе они смогли купить лошадь, подводу и подержанные старые «Жигули». Затем приобретённое поделили: лошадь и арба достались чабану, а машина ему, Казгирею. Сначала он ездил в аул и просто по степи, где не было машин. В первый же день своего выезда на трассу попал в аварию. Машина разбилась вдребезги. Его в бессознательном состоянии привезли в районную больницу.

Друг Казгирея чабан Салман приехал в больницу на подводе.

— Я родственник, пустите меня! — рвался к нему Салман, но его не пускали.

Ночью сердобольная пожилая медсестра всё жепустила чабана в реанимационную палату. Долго при больном оставаться было нельзя. Через некоторое время медсестра попыталась его выдворить:

— Уходите, его нельзя беспокоить!

— Я немного посижу, он что-то хочет сказать... — вглядываясь в глаза забинтованного друга, сказал Салман.

— Десять минут, не больше, — согласилась медсестра.

— Ну, скажи что-нибудь! — с мольбой просил чабан.

Когда Салман без всякой надежды собрался покинуть палату, Казгирей открыл глаза.

— Забери меня. Положи в землю. Я не хочу умирать среди чужих людей. Я хочу увидеть нашу степь, — прошептал он...

Слова Казгирея глубоко запали в душу чабана. Он редко задумывался о смерти, но тут в больнице понял, как это тяжело — умирать вдали от родной земли. Это чувство ему было знакомо. У Салмана когда-то была семья, двое детей. Он с семьёй поехал на заработки на Север. Стал пить, из-за пьянства его выгнали с работы. Из-за этой склонности и из семьи ушёл. Он, наверное, тогда умер бы на чужбине, если бы один из родственников на грузовой машине не привёз его в аул. Он мог умереть и на родине. Кроме выпивки, у него не было никаких устремлений. С утра сходил с местными алкашами, потом ночевал в своём заброшенном доме. Тогда каким-то чудесным образом поднял его на ноги случайно встретившийся Казгирей. Новый друг привёл в порядок его дом, а затем повёз Салмана в райцентр и там закодировал от выпивки у приезжих специалистов. А потом они арендовали землю, построили кошару и стали жить в степи. Салман смотрел аульских овец, вскоре заимел и своих ягнят, вырастил их. Сначала Казгирей помогал ему с пастьбой, но затем на участке, который был ближе к каналу, стал выращивать арбузы. Оба они не пили, но чтобы не было совсем скучно, ездили к разведёнкам в аул, иногда и разведёнки приезжали к ним; но на женщинах особо не заикливались, до тех пор, пока не имели устойчивого заработка, обзавестись семьёй не мечтали. Они поочередно готовили есть, по вечерам слушали транзисторный приёмник, играли в нарды. По отношению друг к другу были честны, заработанные деньги делили поровну, ничего не утаивали друг от друга. Оба знали, что в одиночку они пропадут, поэтому и держались вместе. Казгирей помогал многодетной двоюродной сестре по матери, живущей в ауле. Салман не по принуждению, а добровольно клал деньги на сберкнижку, открытую на своих детей. Но оба молодых человека чувствовали неприкаянность, такая бесцельная жизнь долго продолжаться не могла. Так оно и случилось, чаша жизни треснула.

Утром Салман пробился в кабинет врача:

— Доктор, он выживет?

— А вы кто?

— Я его друг.

— Ну, что я скажу тебе, друг? Сквозная черепно-мозговая травма, несовместимая с жизнью, — врач развёл руками.

— Как это так?! Он же молодой человек, ему жить да жить... Он вчера пришёл в себя и сказал, чтобы я его забрал домой.

— Тебе показалось. Верится с трудом, чтобы он разговаривал. Я могу отдать только родным под подписку.

— Почему только родным? Я его друг!

— Друг — это не ближайший родственник! В больнице я несу ответственность за пациента.

— Он долго протянет?

— Не знаю.

— Он точно просил. Отдайте мне, пусть по-человечески умрёт. Вы же понимаете?

— Понимаю. Но ничего не могу поделать! Я не могу нарушить закон! Могу отдать пациента только родным и только под подписку. Однозначно!

Салман целый день просидел в приёмной больницы. Когда врач уходил, он с намернувшимися на глаза слезами подошёл к нему:

— Доктор, не могу я так уйти! Мы с ним друзья с детства. Вместе росли, вместе в школу ходили, а сейчас рядом работаем, вместе живём на кошаре. Он — фермер, я — чабан. У меня в степи овцы, скот без присмотра, как же я его оставлю тут умирать?! Может, мулла молитву прочитает? Говорят, помогает!

— Не знаю! Нельзя по закону!

— Доктор, вот, — Салман вытащил из кармана заранее заготовленную пятитысячную купюру и протянул врачу.

Врач посмотрел по сторонам:

— Ты можешь его забрать, но только так, чтобы я об этом не знал!

— Хорошо, доктор!

— Напиши расписку, что ты родственник и под свою ответственность за жизнь пациента забираешь его. Договорись с санитарями. Когда стемнеет, они тебе вынесут его на носилках к воротам. Вдруг что... Ты сам вынес больного через окно. Одним словом, похитил без разрешения. Понял?

— Да, доктор!

— Давай ещё тысячу, я отдам санитарам, чтобы помогли.

Салман быстро вытащил тысячу и протянул врачу. Врач, оглядываясь по сторонам, взял деньги.

— Понял, доктор! Я сам похитил тело. У меня и паспорт с собой, чтобы правильно расписку написать, — обрадовался Салман.

— Расписку на тумбочку положишь! Смотри, не подведи!

— О чём вы, доктор?

— Если умрёт — я напишу заключение. С милицией сам решишь вопрос. Будешь говорить: по обычаю положено, чтобы родственники попрощались, и мулла должен напутствие сделать и т.д. Но я ещё раз повторяю: он — не жилец! Череп раскроен, нога и рёбра поломаны... Такие не выживают...

* * *

Степь. Как море колышутся травы. Невдалеке от группы курганов расположилась кошара Салмана. На железной кровати лежит с забинтованной головой Казгирей. Нога в гипсе подвешена к спинке железной кровати. В окне кошары показалось, как подъезжает подвода. На арбе автомобильные колёса. В подводе сидят Салман

и Гульджамал. Подвода остановилась возле окна. Салман спрыгнул с подводы и помог слезть Гульджамал. Они зашли в помещение.

— Три дня не шевелится. Не знаю, что делать?! Неужели умрёт мой закадычный друг?! Неужели ничего нельзя сделать?! Надо помочь, Гульджамал!

Гульджамал осмотрела помещение, подошла к кровати, вгляделась в забинтованную голову больного, приложила руку ко лбу, пощупала тело, руки.

— Пить давал? — спросила она.

— Давал. Не пьёт!

— Мочи ему губы водой... Дай мне сейчас воду и чистый бинт!

Салман подал банку с водой, затем из пакета вытащил бинт. Гульджамал оторвала кусок бинта и, смочив его водой, прикоснулась к губам больного. Несколько раз повторила эти движения.

— Вот так делай! Он, кажется, шевелит губами. Похоже, что будет жить! Тут что-то не так. Он никому ничего не должен был?

— Деньги не занимал. Вещи ни у кого не брал. Мы тут с ним арбузы сажаем, всё покупаем в складчину. Про долги я бы знал. Он целый день на поле. Когда продаём, мы себя особо не утруждаем. К нам из самой Махачкалы машины приезжают, за несколько заездов весь урожай вывозят, деньги сразу на руки дают. Аульские фермеры мучаются с реализацией. Нам не было нужды занимать деньги. Машину купили на свои кровные. Вот разбил. То, что осталось, забрал камазист, водитель машины, об которую он стукнулся. У него тоже нет претензий.

Гульджамал опять стала внимательно осматривать помещение:

— Может, он случайно у кого-то что-то взял и не отдал? При его ранах обычно просят на тот свет, а он тянется, как будто у него невыполненный долг...

— У него в ауле непутёвая родственница есть, он ей помогал деньгами, но чтобы он что-то был должен? Нет!

— Ничего не пойму! — Женщина видит лежащий на полке с чашками кобыз, подходит и берёт его в руки. — А это что?

— Это музыкальный инструмент, мы его нашли.

— Такие инструменты у ногайцев только до войны были, сейчас их и в помине нет. Он не забрал его у кого-либо?

— Нет! Мы его в земле нашли.

— Как его можно найти? Как может деревянная вещь в земле сохраниться? Наверное, нашли ещё что-то?

— Только его.

— Как можно такое в земле найти? Это очень старинная вещь!

— Кобыз в железном ящичке лежал, ящичек весь ржавый, раскололся на кусочки, а этот целый, крепкий, хотя и из дерева.

— Значит, это ему передали.

— Как это передали? Кто передал?

Гульджамал многозначительно посмотрела на Салмана и сама себе кивнула головой:

— Он что-нибудь говорил?

— Да! В больнице он ненадолго пришёл в себя и сказал, чтобы я его отвёз сюда и положил в землю. Я думаю, что о своей смерти думал!

— Где вы выкопали кобыз?

— Возле кургана Дауши-бия!

— Вы там что-то искали?

— Да, хотели найти клад. Голову золотого барана...

— Дураки! Сколько раз говорили наши предки, не ищите ничего возле курганов, не лазайте там! Надо друга положить в землю там, где раскопали. Если земля не заберёт — то ему повезло. Пусть полегит в земле, он должен жить.

— А что мне делать? Я тебя для того и привёз, чтобы мне помогла. Я не знаю, что делать!

— Раны водой промоешь и забинтуешь, как было. Три дня пусть одну воду пьёт, а после, — она достала пучок травы из кармана, — пои его отваром этой травы. Затем можешь давать шурпу молодого ягнёнка. Еду дашь, когда он сам попросит. Если буду нужна — позови меня.

— В земле и ночью будет лежать?

— Пусть лежит. Его никто не тронет. Лисицы живых не трогают, а своих собак ты кормишь, волков они не подпустят. А теперь отвези меня обратно.

* * *

Неподалёку от кошары расположился курган Дауши-бия. Хотя и находился далеко от населённого пункта, сохранил этот курган имя одного ногайского князя. Обычно в степи безымянные курганы. По преданию Дауши-бий перед смертью раздал свои богатства детям. Ему трудно было разделить сделанную из золота голову барана. Дорогая была вещь. Каждый из сыновей хотел, чтобы золотая голова досталась ему. Тогда Дауши привёл детей к озеру, обросшему по краям камышом. «Это место мне по душе, здесь воздвигните мне курган! Это, — сказал он, показывая золотую голову, — всего-навсего металл, бездушный металл! Чтобы не было между вами споров и разногласий, я не хочу, чтобы голова кому-то досталась». Затем он разбежался и бросил голову за камыши в воду. Но история на том не завершилась. После, когда Дауши-бий умер и над ним воздвигли курган, золотую голову в озере искали сыновья, затем искали и внуки. После стали искать все, кто слышал про эту историю. Через какое-то время озеро высохло. Поиски шли пуще прежнего, но золота никто не на-

шёл. Зато сохранилось название кургана, имя князя. Возможно, что Дауши-бий таким образом хотел увековечить своё имя. И получилось.

Возле кургана стояла распряжённая подвода. Салман возился около разведённого костра, подкладывал дрова, ставил треножник. Невдалеке, в яме, на постеленной траве лежал Казгирей. Салман спустился в яму и смочил водой губы больного. Затем вышел и поставил на треногу чайник с водой. Когда закипела вода в чайнике, он сел с подветренной стороны недалеко от костра и стал пить чай из цветной пиалы. Чай пил он маленькими глотками, причмокивая, смотря вдаль. Чаепитие для него было особым удовольствием.

Через некоторое время он стал делать намеченное. Сложил из лёгких металлических трубок каркас, поставил его над ямой, затем сверху накрыл цветной палаткой, для прохлады раскрыл все четыре боковины. Ночью он спал в подводе, иногда вставал и заглядывал под полог. После опять ложился спать, накрываясь овечьим тулупом.

Утром чабан, как и во все эти дни, отогнал скот и овец, оставил пастись недалеко от кургана. Вернулся к палатке, чтобы ухаживать за другом.

— Ничего не пьёт, не ест. Как он выздоровеет? Не знаю, что делать... — бормотал он, обмакивая бинтом его губы.

Когда стали наступать сумерки, чабан по периметру ямы положил аркан:

— Чтобы змеи не попали в яму, — он поправил верёвку, осмотрел яму, снял матерчатый полог. — А теперь надо напоить овец и скот, да и себе еду на газовой печке приготовить, — сказал сам себе Салман и пошёл к лошади, которая паслась недалеко. Сев на неё, он поскакал к кошаре.

Наступила ночь. На тёмном небе блестели звёзды, луна ярко освещала курган и палатку. Сквозь ночную тишину слышался звук кобыза. Отчётливо виднелось созвездие Ориона. В небе высвечивались какие-то причудливые расщелины, пропасти. Казгирей в темноте открыл глаза и, хотя лежал на земле, увидел себя среди звёздного неба. С ним стал говорить небесный голос.

— Небу — небесное, земле — земное!

— Небу — небесное, земле — земное! — повторил Казгирей.

— Твоё — это моё?

— Да.

— А моё — это твоё?

— Нет.

— Ты копал землю?

— Да.

— Ты хотел в землю?

— Нет.

— В земле ты искал богатство?

— Да. Я заблуждался.

— Тебе что было нужно в земле?
 — Не знаю!
 — Ты торопился в землю?
 — Нет.
 — Ты торопился к небу?
 — Я ничего не хотел. Понял, что всё бесполезно... Я в тупике.
 — Ты аннулировался? Так говорят о людях без всяких устремлений.
 — У меня есть большое желание. Я что-то должен совершить.
 — Ты хочешь, чтобы тебя запомнили?
 — Нет.
 — Значит, ты всё же стремишься к небу... Все хотят к небу, но не все могут. У большинства земной путь. Ты его прошёл?
 — Я же в земле. Я чего-то хочу.
 — Чтобы подняться к звёздам, сначала надо пройти земной путь. Ты знаешь, что есть путь, но ты его не прошёл.
 — Я слышал дыхание земли. Я как новорождённый.
 — Между небом и землёй всего один шаг. От жизни к смерти всего один шаг. От жизни к бессмертию тоже один шаг...
 — Я сделал один шаг, от жизни к смерти.
 — Ты не сделал шаг. Ты подошёл к черте. Ты сможешь сделать свой шаг?
 — Я вижу только звёзды... Мне туда? Я же аннулированный?
 — Даже аннулированный может подняться! Только там другая жизнь. По какому пути ты пойдёшь?
 — По небесному пути...
 — Что надо сделать для этого?
 — Всего один шаг... Я вижу только звёзды.
 — Ты встанешь из могилы?
 — Встану! Ради цели!
 — Ради высокой цели ты лишишься земного имени. Ты станешь Коркутом, Страстью могилы, Вставшим из могилы! Узнавший смерть — бессмертен! Вставай! Иди!
 Слышно горловое пение. Звёзды как будто превращаются в птиц. Наступал рассвет.
 Салман и Он сидели около костра и пили чай.
 Он с костылём подымается на вершину кургана.
 Он сидит на кургане и учится играть на кобызе.

* * *

По аулу ехала подвода. На ней сидели Он с костылём и чабан. Салман остановил арбу возле аульской пекарни. На её облупленной стене была вывеска с надписью: «Хлеб». Чабан спрыгнул с подво-

ды, машинально отряхнул и разгладил плащ, поправил фуражку на голове. Поднявшись на возвышенность, на которой стояло здание пекарни, подошёл к окошку, купил десять буханок и, вытащив из кармана плаща полиэтиленовый мешок, положил в него хлеб. Затем пошёл к подводе. Сбросив мешок в подводу, он оглянулся и увидел, как из-за угла пекарни вышла молодая девушка с крашеными соломенными волосами в шортиках и цветастой кофточке, на пупке её оголённого живота блестело кольцо. Она сверху игриво стала смотреть на мужчин. Салман, увидев её, поразился:

— Слава Всевышнему! Откуда такое создание?!

Девушка спустилась к подводе и подошла к Салману:

— Не хотите развлечься? — спросив, тронула грудь Салмана.

— Не понял... Я? — удивился чабан, расставляя руки показывая на свой не подходящий для развлечения вид.

— Да. Ты — красавчик!

— Я — красавчик? — рассмеялся он и вопросительно посмотрел на друга в подводе и на девушку.

— Не тяни, красавец. Тут у нас сауна, пойдём?

— Какая сауна?! — ещё больше поразился Салман. — Ничего не знаю про сауну! В нашем ауле чтобы была сауна — первый раз слышу!.. — Вопросительно посмотрев на друга, неуверенно улыбнулся. — Раз приглашают — надо идти. Я пойду, посмотрю...

Салман пошёл за девушкой. За пекарней сбоку стояло ветхое подсобное строение. На дверях строения красной краской было коряво написано: «Маленькая сауна». Салман, прочитав надпись, удивился:

— Какая же тут может быть сауна?! — Зашёл за девушкой в каморку, в которую еле вмещалась одна кровать.

Все стены каморки обвешаны рисунками из модных журналов. Перед кроватью стул с ворохом одежды, возле стула на полу стоял тазик с кумганом.

— Это сауна?! Тут даже душа нет! — засмеялся Салман.

— Так ты сюда не мыться пришёл же? Подмыться можешь, вон кумган с водой.

— Надо же как-то по-человечески.

— Жизнь такая! Нечеловеческая! Мы на работе. Деньги нужны!

— Деньги всем нужны, — подтвердил Салман.

Девушка сняла с себя кофточку и, оставшись в одном бюстгальтере, спросила:

— Ну как?

— Мне нравится! Я что?

— Ты не придурайся! Деньги вперёд!

— Сколько?

— Пятьсот в час.

— Это по-божески. Часа мне хватит, — как бы сам себе сказал чабан, и, вожделенно посмотрев на грудь девушки, спросил: — Что, ты вот так просто?

— А что?

— Как-то не так!

— Ты деньги давай, красавчик!

Салман, вытащив из кармана, протянул деньги. Девушка, взяв купюру, спрятала её среди одежды на стуле.

— Мы тут с подружкой работаем. Она в магазин за мороженым пошла. Можем её позвать для друга!

— Я спрошу у него, только вот мы все не поместимся здесь!

— Сперва мы, потом они... Раздевайся!

— Я-то что... Я-то сразу... — Салман неторопливо снял с себя плащ. — А откуда вы?

— Тебе что? У нас говорят: «Не спрашивай про сад — ешь виноград». Нас мент крышует, чтобы вам весело было, и мы заработали. Нас защищает, чтобы всё по закону. На своей машине возит. Еду, резинки привозит. Ваши аульские девки в нашем ауле кувыркаются, а мы вас развлекаем, — она подошла к Салману и хотела помочь ему расстегнуть брюки.

Салман отстранил её руки и сам стал расстёгивать брюки:

— Если государство о нашей жизни печётся, давай и я попробую...

После происшедшего Салман с чувством превосходства стал одеваться. Девушка тоже стала одеваться. Салман спросил:

— Ну и много у вас клиентов? Денег много заработали?

— Заработаешь с вами! Молодых нет! Одни пенсионеры ходят. От старух своих бегают. Затем старухи приходят ругаться, деньги требуют.

— Я не пенсионер, мне до пенсии ещё лет пятнадцать.

— Ты ещё ничего! Приходи почаще...

Через некоторое время Салман, горделиво выпятив грудь, довольный вышел из помещения.

— Долго? — спросил он, подойдя к подводе.

— Нет. Поехали!

— Тут их двое. Сейчас подружка вернётся, хочешь? — спросил Салман.

— Нет! Нельзя этого делать!

— А что?

— Она тебе в дочери годится!

— Ты же видел, она сама напросилась.

— А если с твоими дочерьми кто-то так же поступит?

— Зачем так сравнивать?! Это же она потащила меня.

— А ты не иди! Это грех!

— И давно ты таким праведником стал? Не учи меня!

Из-за угла пекарни показывается голова девушки:

— Ну, что твой друг?

Салман отрицательно замахал рукой.

— Надумаете, приезжайте в любое время суток...

Салман, махнув рукой, чтобы девушка отстала, взобрался на подводу и взял поводья в руки...

Он с костылём в руках ходил возле домика кошары. Останавливался возле двери, о чём-то поразмыслив, бросал костыль в сторону. Ходил без костыля, затем брал в руки палку и, опираясь на неё, прохаживался вокруг. Заходил в домик. В помещении Он сидел на своей кровати и учился играть на кобызе.

Снаружи донёсся шум, из окна стало видно, как, стоя во весь рост, несётся на подводе Салман. Скоро чабан зашёл в домик.

— Друг, ты не отрываешься от этого инструмента, как будто с ним родился! — сказал Салман и сел на стул возле стола.

Он, показывая кобыз и смычок:

— Я понял, что музыка соединяет землю с небом. Я на нём летаю на небо.

— Ты говоришь непонятные мне вещи. Давай лучше поиграем? — Салман берёт со стола нарды и трясёт ими.

— Оставь. Я выздоровел. Мне надо идти. Я уйду отсюда!

— Последнее время ты только об этом говоришь. Куда тебе идти? Ты еле ходишь...

— Я сегодня ходил без костыля. Мне надо идти.

— А что ты будешь делать?

— Я немного поживу в ауле, а потом уйду.

— Куда?

— Мне надо идти. Есть и другая жизнь.

— Опять то же самое. Ты всерьёз решил покинуть меня? А как же я?!

— Я тебя покину! Я не могу ради тебя находиться здесь!

— А как же я?! Обо мне ты подумал? Я буду один жить? А если я стану пить? Тогда пропало всё! Ты же мне спас жизнь, жизнь мне подарил...

— Ты больше не будешь пить!

— Как же не буду?

— Человек пьёт от неустроенности, от неуверенности в себе. К тебе вернётся жена.

— Как же она вернётся?! Если я их предал, я отнимал у них последнее ради глотка проклятой водки.

— Ты же осознал, что делал неправильно? Если семья вернётся, ты же не повторишь свои ошибки?!

— Если мои вернутся, то конечно.

— Она с детьми собирается в дорогу.

— Как будто ты их видел! Откуда ты знаешь?!

— ...

— Слушай, когда сегодня был в ауле, встретил соседку. Она у меня спросила, не хочу ли я, чтобы жена вернулась...

— И что ты ответил?
 — Сказал, что очень соскучился по детям.
 — Значит, я прав! Она возвращается.
 — Не знаю. Я не уверен, что простит. Если бы она простила — я на всё готов!

— Она тебя простит. А ты не повторяй своих ошибок. Человек должен жить и думать о ближнем. А у тебя дети — самые близкие, твоя кровь. Такая жизнь будет правильной... Стремись к правильной жизни — это легко!

В отсутствие Салмана Он ушёл с кошары. Опираясь на палку, пошёл по одинокой степи.

Степь. Небо. На горизонте степь соединена с небом.

Семья Салмана вернулась. Он помирился с женой и вскоре перевёз всю семью пожить на кошару. Он был счастлив, да и жена, хотя и сомневалась, но была рада тому, что муж больше не пьёт. Маленькие дочери, после холодной и скучной жизни на Севере, были бесконечно рады жизни в степи, на природе.

* * *

Его настоящее имя люди забыли. В ауле называли Целителем. А между собой шёпотом его называли Коркутом, Страстью могилы, Вставшим из могилы.

Степной аул. Одна из улиц была заставлена автомобилями. Среди них выделялись дорогие внедорожники. На тротуаре выстроилась вереница людей. Женщины, мужчины, старики и старухи с воодушевлением смотрели в сторону крытого шифером домика. По центру улицы хромая шёл Целитель. Он с удивлением смотрел на выстроившихся в очередь. Остановливался. Вглядывался в лица пришедших. На нём была белая тубетейка, белый бешмет и белые брюки, бешмет опоясан ремнём из разноцветных ниток, на ногах белые кроссовки. Целитель в руках держал чётки и перебирал их. К нему подбежал юркий человек, одетый на современный лад.

— Целитель, где ты ходишь? — спросил он, заглядывая в глаза.

— Мало ли где ходит свободный человек? Мне нужен отдых!

— И мне нужен отдых. Однако я давно здесь. Много приезжих. Есть состоятельные люди из Махачкалы, Кизляра, Ставрополя. Один даже из Казани своим ходом прибыл. Деньги! Деньги сами плывут, маэстро!

— Мне что от этих денег? Деньги — мусор, их с собой не унесёшь! Небу — небесное, земле — земное!

— Не говори непонятные вещи! Давай приступай к делу!

Целитель сделал несколько шагов и остановился, увидев в очереди девочку лет десяти с заплаканными глазами.

— Это кто? — спросил Целитель.

— Девочка из аула. Вчера тоже тут стояла, — с пренебрежением ответил Менеджер. — Ты сперва моих прими! Они издалека приехали.

По улице прямо на них неслась белая иномарка, она резко затормозила. Целитель и Менеджер обернулись. Из машины выскочила молодая женщина в жёлтом брючном костюме, в чёрных очках.

— Ужас! Твоя двоюродная сестра! Опять за деньгами!

— Агай, здоровья тебе! — она, подбежав, обняла Целителя.

— Чего тебе, Асиет? — спросил Целитель.

— Срочно деньги нужны! — выпалила она и бережно погладила целителя по лицу и по плечам.

— Ты стала каждый день просить деньги!

— Агай, срочно нужны! А то меня зарежут!

Целитель, повернувшись к Менеджеру, приказал:

— Дай ей денег!

— Это невозможно! — Менеджер схватился за голову.

— Дай, тебе говорю!

— Сколько можно?! Ещё год назад у неё дом разваливался, детям жрать нечего было, в доме у неё горсти муки не было! А теперь мы ей двухэтажный дом отгрохали! Вон, какую машину подарили! Детей на учёбу устроили! Каждый месяц им деньги шлём! А эта чучундра!.. Теперь каждый день за деньгами приезжает...

— Родственница! А родственников не выбирают. Дай ей деньги!

— Они с мужем у косоного Шала в игральные автоматы всё просят живают!

Женщина, снимая очки, зло посмотрела на Менеджера:

— Муж тебе башку пробьёт!

— Пробьёт! Знаю, что пробьёт! Травкой обкурится и пробьёт! — закричал Менеджер, отскакивая от напуганной на него женщины.

Целитель подошёл к Менеджеру:

— Дай ей денег! Вопрос закрыт!

— Даже не говорят, сколько! — Менеджер достал пачку и стал отсчитывать несколько тысячных купюр.

Женщина выхватила всю пачку:

— Муж секатором пальчики обрежет, жадюга! — угрожая, она убежала к машине. Сев в машину, на задней скорости помчалась обратно.

— Шеф, видишь, что делает?! Мне охрана нужна! Я из Махачкалы бойцов вызову. Она с мужем мне житья не даст!

— Правильно сделают! — Дойдя до калитки, Целитель остановился. — Очень скучные посетители! Ничего интересного! — Он оглядывает очередь. — А где эта девчонка?

Менеджер тоже посмотрел:

— Нет её. Куда-то исчезла!

Помещение Целителя. В центре комнаты стоит операционный стол с медицинской кушеткой. В дальнем углу справа от окна находится письменный стол с радиоприёмником и синим глобусом. Слева от окна на полу — большое количество полиэтиленовых бутылок с водой. Вдоль стен стоят табуретки. Целитель подошёл к письменному столу, рукой стал вращать глобус, затем остановил и приставил палец. Менеджер подбежал к глобусу и, взглядываясь, недоумённо пробормотал:

— Тихий океан! Острова! — Нагибаясь, прочитал: — Филиппины!

Целитель прошёлся, сел за стол и включил радио. Раздался голос диктора:

— Президент Филиппин Родриго Дудерте обозвал Барака Обаму «сукиным сыном»...

— Ой-бай! Маэстро! Гениально! Как это у тебя получилось? Как совпало? Ты настоящий провидец!

— Я знаю, что провидец, — произнёс Целитель и выключил радиоприёмник. — Воду из Исси-булака привезли?

— Конечно, Целитель. Как ты сказал: сто бутылок!

— Хватит! Заводи своего клиента, моего пациента!

Менеджер быстро вышел из помещения. На улице он стал искать кого-то в очереди. Увидев нужный внедорожник, быстро поторопился к нему. Возле внедорожника стояли молодые люди, похожие на телохранителей. Они держали под руки согнувшегося седоволосого мужчину.

— Заводите! — приказал он.

Телохранители потащили согнувшегося начальника. Стоящие в очереди стали возмущаться:

— Мы со вчерашнего дня стоим!

— Какая несправедливость!

Менеджер закричал на них:

— Доктор сказал, что сначала примет тех, кто приехал издалека!

Телохранители завели мужчину в помещение, следом зашёл Менеджер. Целитель презрительно посмотрел на них:

— Что, все трое больные?

Седоволосый мужчина, подняв голову:

— Нет! Я один! Это мои люди.

— Пусть выйдут! Остаётся один.

— Они меня охраняют, — ответил мужчина, хватаясь за стол.

Менеджер покорным голосом:

— Это Камал — авторитет из Махачкалы. Его одного они не оставят.

— Я сказал, чтобы вышли!

— Выйдите, — простонал мужчина.

Телохранители, недовольные тем, что их выгоняют, с угрозой посмотрели на Менеджера.

— Я отвечаю. Ничего с ним не произойдёт, — извинительно проговорил Менеджер.

— И ты выходи! — потребовал Целитель.

Менеджер, кротким взглядом пытаюсь успокоить больного, вышел.

По радио передавали концерт Арама Хачатуряна. Целитель усилил звук радио.

— Что с тобой?

— Полгода не могу разогнуться. Что только не делали, куда только не ездили!

— Выпрямись!

— Не могу.

— Выпрямись!

Мужчина хотел разогнуться, но сразу же согнулся и заохал.

— Не стонать! Как это произошло? Ты кого-то обидел?

— Нет, никого не обижал.

— Вспомни хорошо! Перед тем как ты заболел, что ты сделал? Кого ты обидел?

— Приходил старик из моего аула, за сына просил...

— Что он просил?

— Чтобы я отпустил сына.

— А ты что сделал?

— Я выгнал старика.

— Как ты выгнал?

— Выгнал вон!

— Как ты выгнал?

— Я пнул его ногой.

— Как ты пнул?

— Не помню.

— Помнишь! Как ты его ударил?

— Под зад ударил.

— А сына отпустил?

— Нет. Он у меня в зиндане сидит.

Целитель, сомкнул рот, разбежался и ударил пациента ногой под зад. Больной, застонав, процедил сквозь зубы:

— Я тебя убью! Как овцу зарежу!

Целитель разбежался и снова ударил ногой под зад:

— Ты так его ударил?

— Я тебе ногу вырву! Урою, гад!

— Меня зарывали! Выполз! Так ты хочешь выползти?!

— Хочу! — вытирая слёзы, процедил сквозь зубы мужчина. — Меня никто так не обижал!

— Ты хочешь выползти?

— Хочу!

— Снимай одежду!

— Я не могу. Меня, — он кивнул головой в сторону двери, — они одевают и раздевают.

— Я тебя сейчас раздену! — не мешкая, ещё раз ударил ногой под зад.

— Меня никто так не обижал!

— Хочешь вылечиться?!

— Да, — простонал пациент и стал раздеваться. Снял пиджак, сорочку, майку.

— Хватит! — Целитель подвёл пациента к операционному столу. — Нагнись и ложись животом на стол!

Больной, тяжело дыша, лёг с трудом. Целитель из лежащих на полотенце инструментов выбрал железную лопатку, затем рукой стал щупать спину, нашёл нужное место на позвоночнике. Подняв лопатку, приставил к позвонку, глубоко вздохнув, нажал со всей силы. Раздался душераздирающий крик.

Телохранители ворвались в помещение.

— Вон отсюда! — несмотря на их разъярённые лица, потребовал Целитель и пальцами стал мять поясницу.

— Уходите, — прошептал больной, стараясь лежать неподвижно.

Телохранители вышли. Целитель отошёл к письменному столу и сел. Больной лежал не шелохнувшись.

— Вставай!

— Я не могу.

— Можешь!

Больной подчинился и поднял туловище. Он с улыбкой посмотрел на Целителя, не веря своим глазам, ощупал себя руками, начал вертеться на месте.

— Я, кажется, выпрямился?

— В чём провинился сын старика?

— Он торговал моим товаром и задолжал мне большие деньги.

— Отпусти сына и извинись перед стариком!

— Это большие деньги...

— Ничего вы не понимаете! Любое зло наказуемо!

Больной после некоторого раздумья:

— Хорошо, сделаю, как ты сказал. Что мне тебе сделать? Чем тебя отблагодарить?

— Мне ничего!

— А эта болезнь не повторится? — прикоснулся рукой к спине и вопрошающе посмотрел на Целителя.

— Если не будешь обижать людей, то не повторится. Одевайся!

Пациент, одевшись, достал из внутреннего кармана пачку денег:

— Это в благодарность!

— Иди! — махнул рукой Целитель, но пачку взял. — Деньги пойдут на строительство медпункта в ауле.

Целитель положил деньги в ящик письменного стола, встал и, взяв с пола пару бутылок воды, поставил на стол:

— Каждое утро натошак пей по одной столовой ложке! Пусть твои бутылки заберут! Ничего тяжёлого не подымай, не напрягайся!

— Спасибо, уважаемый!

На протяжении всего дня заходили посетители. Целитель осматривал их, делал наставления. Посетители уходили с бутылками.

Солнце пошло к закату. Машины отъезжали. Очередь разошлась. Последней зашла убитая горем женщина. Она не прекращала плач и в помещении. Целитель, скучая, посмотрел на неё и по сторонам:

— Что у тебя?

Женщина не прекращала плача.

— Хватит реветь! Говори!

— Верните мне сына!

— Я не волшебник.

— Но вы всё можете!

— Что с твоим сыном?

— Уехал на Север и не вернулся больше.

— Ты с ним поддерживала связь?

— Нет. Из милиции города Сургут пришло извещение о его смерти.

Целитель развёл руками:

— Мёртвые не возвращаются. Я с мертвецами не имею дела!

— Но ты же встал из могилы?!

— Я и не умирал.

— Я не верю, что сын умер!

— Чтобы убедиться, поезжай в Сургут.

— Я за пределы аула не выезжала. Как я поеду?

— Поезжай с кем-нибудь!

— У меня нет денег.

— Дай подумать... — Целитель, закрыв глаза, стал думать, после медленно сказал. — Найди кого-нибудь, чтобы поехал с тобой. Тебе надо ехать. У твоего сына остался ребёнок...

— Ни о каких детях я не знаю.

— Он есть, тебе надо ехать. — Целитель открыл ящик письменного стола и стал отсчитывать деньги. — Вот тебе сто тысяч! Только про деньги никому не говори! Тебя могут ограбить... — Он протянул деньги.

Женщина взяла деньги и, сложив их, спрятала за пазухой, в бюстгальтер. С мольбой посмотрел на Целителя:

— Кто же со мной поедет? Кто же?

— Возьми с собой мальчика.

— Мальчика?.. Руслана, сына сестры! Спасибо, Целитель! Спасибо, хороший человек!

Женщина ушла.

Целитель опять заскучал. У него было предчувствие, что что-то должно произойти. Его ожидания оправдались. За дверью послышался голос Менеджера:

- Доктор уже не принимает.
- Я не на приём. Я его друг...

Целитель узнал голос Салмана. Он вскочил с места, пошёл к двери и приоткрыл её:

- Салман, друг мой! Заходи!
- Вошёл Салман, держа за руку заплаканную девочку.
- Здравствуй, друг! — Целитель обнял Салмана.
- Здравствуй! — ответил друг.

Целитель посмотрел на девочку:

- Я тебя утром видел, куда ты делась?
- Она за больной бабушкой смотрит. Гульджамал совсем плохо.

Лежит и в сознание не приходит, — вместо девочки ответил Салман.

- Кто такая Гульджамал? Это не та, что подняла меня?
- Она самая! Она тебя из могилы подняла!
- Она же сама целительница?
- Несколько дней без сознания лежит. Я только сегодня узнал.

В аул случайно заехал, хотел навестить, а тут такое с ней. Ничего не говорит. А девочка плачет. Куда ей теперь? У неё никого нет, круглая сирота. Только в детдом надо отдавать!

- Я не пойду в детский дом! Бабушка должна поправиться!
- Может, и поправится! Но я сомневаюсь. Сама говоришь, врач сказал, что у неё отказал мозг, — поморщился Салман.
- Бабушка, как только заболела, сказала, что её должен посмотреть Вставший из могилы. Это его болезнь, она сказала.
- То есть его? — Салман показал рукой на Целителя.
- Да.
- А почему ты меня сразу не нашла?
- Я приходила, а у вас тут всё время очередь, людей много.
- Надо было дожидаться.
- Ваш помощник всё время выгонял.

— Да, этот прохиндей ко мне подпускает только тех, у кого деньги есть... Ладно... От судьбы не уйдёшь! Что ещё бабушка сказала?

— Сказала, что Главный нагнал своих ушуков — летающих духов. Этот Главный злой из-за того, что она подняла Вас из могилы...

— Вот! — Целитель поднял вверх указательный палец. — Настал мой час! Я не могу оставить её в беде! Битва впереди! Главного я не осилю, но его ушуков мне надо изгнать из аула. Я их изгоню. У меня есть один шаг, один шанс! Я или зло?! — Целитель, безумно радуясь, стал потирать руки. — Когда я потеряю силы, Салман, ты увези меня к кургану Дауши-бия, к моей могиле...

- Хорошо, друг!
- У тебя есть жертвоприношение?

— Я привёз для Гульджамал чёрного барашка.

— Отлично! Зарежем! Нужна свежая кровь и селезёнка жертвы! — Целитель достал из-под стола кобыз. — Я устрою пир для Главного! — Целитель стал играть на кобызе, но сразу же оборвал игру.

— Ты научился играть на кобызе?! — удивился Салман.

— Мой друг, медведи учатся ездить на велосипеде, а я что, не могу научиться играть на инструменте наших предков?! Пожелаешь — и ты научишься!

— У меня нет таких способностей.

— Каждому своё! Теперь слушай внимательно! — Целитель, стараясь успокоиться, напускает на себя невозмутимый вид, передаёт кобыз со смычком Салману, затем, помахивая руками как крыльями, идёт к операционному столу, среди лежащих на полотенце инструментов достаёт скальпель и медицинский зажим. — Пока будет вариться мясо в казане, пусть этот нож раскаляется на огне. Когда я скажу, возьми зажимом раскалённый нож и подашь мне!.. Слушайте мои наставления. Я не смогу с вами разговаривать. После моего сеанса позовите побольше людей. Пусть съедят жертвенное мясо. Только кости пусть не разбрасывают. Заверните их в шкуру барана, увезите в степь и заройте в землю. Ты, девчонка, в селезёнку воткни сорок спичек, затем каждый день вытаскивай по одной спичке, на сороковой день высушенную селезёнку раствори в воде и дай выпить Гульджамал. Пожалуй, всё! — Целитель от наплывающей радости подпрыгнул на месте.

— Бабушка будет жить? — спросила девочка.

— Я уверен! — он снова подпрыгнул.

Девочка засмеялась. Салман с удивлением посмотрел на друга:

— А что делать с головой барашка?

— Это угощение Главному! Кинь его с вершины кургана Дауши-бия в сторону Севера... И ещё. Возьмите бутылки с животворной водой для Гульджамал. И мне семь бутылок. Я буду на могиле семь дней пить воду с Исси-булака. Если положено — встану!

Салман в одной руке держал кобыз со смычком, в другую взял клетчатую сумку с бутылками воды. Целитель в руках держал кобыз и медицинские инструменты. Девчонка ухватилась за его руки, и они вышли из помещения.

* * *

Целитель, Салман, девочка поехали на подводе по аулу. Лошадь гулко стучала подковами. Целителю же слышалась величественная музыка. Арба остановилась возле дома. Все слезли с подводы и зашли во двор. Во дворе рядом с домом стоял навес.

— Где барашек? — спросил Целитель.

— Под навесом. — Салман показал на связанного по ногам барашка.

Целитель подошёл к барану и погладил его по голове:

— Хороший баран! Жирный, вкусный! Хорошее угощение! Пусть принесёт удачу!

Целитель резко отпрянул от барана и решительными шагами пошёл в дом. Салман и девочка пошли позади него. В чистой опрятной комнате на кровати лежала Гульджамал. Она была укрыта белой простыней, было видно только испещрённое морщинами светлое лицо. Целитель обошёл кровать, остановился возле изголовья:

— Много пережила! Измучили ушуки! Откройте окно! Большую надо перенести на пол.

В конце двора был разожжён костёр. Над костром висел большой казан. У края костра на кирпичках раскалялся скальпель. В комнате постель Гульджамал была перенесена на пол. Целитель сидел у изголовья и играл на кобызе. Лилась призывная музыка. Целитель, отложив кобыз, в правую руку взял пиалу с шурпой, в другую селезёнку. Он речитативом произнёс ушыклау. В комнатной тиши казалось, что сами стены хором повторяют слова.

Ушык болсанъ, ушып кет,
Шыгарактан шыгып кет!
*(Если ты злой дух, вылетай,
Улетай через окна, улетай!)*

Ястык бийикке, тоьсек калынга,
Ядав кийикке, яйдак кулынга
Йыр ман бирге кет!
Олардан кетсин, каргага етсин,
Кулагына кирсин, карга оьлсин!
*(Подымись из подушки, вылетай из матраса,
Не задерживайся на сайгаке и
На быстроногом жеребёнке,
Вместе с песней лети,
Улетай от них, долети до вороны,
Войди в её ухо, умертви её!)*

Кошкар сойылсын, басы тесилсин,
Майы ийтке, маразы бийтке,
Ушык болсанъ, кашып кет,
Йыр ман бирге ушып кет!
*(Барана зарежем, голову проткнём,
Жир — собаке, хворь — вшам,
Если ты злой дух, вылетай,
Вместе с песней улетай!)*

Аьри кет, бери кет,
Кери кет, баьри кет,
Арып кет, талып кет,
Янып кет, оьрге кет,
Коьрге кет!
*(Туда улетай, сюда улетай,
На север лети, все летите,
Уставая лети, в изнеможении лети,
Сгорая исчезни, в выси исчезни,
В могиле исчезни!)*

Целитель протянул пиалу Салману, девочке отдал селезёнку. Салман вынес пиалу и вылил шурпу из неё на огонь в костре. Огонь зашипел, издал треск. Салман зажимом взял раскалённый скальпель и занёс его в комнату. Целитель голой рукой выхватил раскалённое железо. Замахал раскалённым ножом перед собой и речитативом стал произносить заклинание:

Шыкпасанъ, сага наьлет!
Шыгармасам, мага наьлет!
*(Если не изыдёшь, ты — подлец!
Если не изгоню, я — подлец!)*

Целитель провёл ножом по лицу. От ножа изошёл пар, на лице остались красные полосы. Целитель скальпелем провёл по языку. Раскалённое железо зашипело. Густой пар обволокло лицо Целителя. Салман и девочка, поражённые увиденным, стали жаться друг к другу и провожать глазами уходящее в окно облачко пара. Целитель встал и громко заклокотал:

Шыкпасанъ, сага наьлет!
Шыгармасам, мага наьлет!

Целитель перешёл к горловому пению. Салман и девочка взглядами провожали что-то, улетающее в окно.

Степь. Салман едет на подводе. Арба остановилась посреди безлюдной степи. Он взял лопату и стал копать яму. Затем вытащил из арбы кости, завернутые в шкуру барана. И вместе со шкурой кинул в яму. Зарыв кости, он поехал обратно.

Степь. Курганы. Кошара. Яма Целителя. В яме бутылки с водой. Над могилой Целитель, пританцовывая, испускает горловое пение. Салман восходит на курган с головой барана в руке. Поднявшись на вершину, со всей силы кидает её.

Прошло время. В степи многое изменилось. Заасфальтировали дороги, появились иностранные машины и спецтехника. В том месте, где Салман зарыл кости жертвенного барана, была установлена первая нефтяная вышка. Нефть тут совсем близко от поверхности земли.

Целитель исчез. Его больше не видели в Ногайской степи. Говорят, что Менеджер, ездивший по делам нефтяной компании за рубеж, встречал его за океаном, в Венесуэле.

Менеджер увидел его на митинге среди президентских колдунов. Группа эта охраняла президента страны от телепатических атак со стороны толпы. Доступа к колдунам не было, они стояли за оградительной полосой на возвышенности, возле трибуны. Менеджер был внизу, в первых рядах митингующих, сразу после полицейских. Когда Менеджер увидел его, хромящего, у него ёкнуло сердце. До того запомнилась эта хромота. Хромец был, как и остальные колдуны, в красной шерстяной накидке, чёрной шляпе с пером совы. Двое колдунов подбежали к нему и, подняв, понесли и посадили на носилки. Четыре колдуна подняли носилки до уровня плеч. Хромец был главным среди них. Менеджер, взглядевшись в лицо поднятого на носилки, понял, что это Он.

— Ой-бай, шеф! Бу мен ногай, биз бирге ислегенмиз (Эй, шеф! Я твой ногаец, мы вместе работали)! — кричал он из толпы.

Менеджеру даже показалось, что его слышали. Так как колдун посмотрел в его сторону, но, увидев его, отвёл взгляд в сторону толпы.

*Перевод с ногайского
автора*

Валерий ЮРЕВИЧ

(г. Симферополь, Республика Крым, Россия) — современный российский писатель. Пишет стихи и прозу. Автор многих книг. В издательстве «Доля» выпустил двухтомник своих произведений — «Ветер странствий» (стихи, 2010) и «Абсолют» (проза, 2011).

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

СЛУЧАЙ В ГОСТЯХ

Некто Арианов раньше любил книги, что-то в них понимал, брал в руки, листал, даже почитывал иногда. Теперь всё это осталось в прошлом. Народ теперь не жалуется на книги. Число книголюбов уменьшилось не в разы, а, наверно, в разы разов. В результате книги стали печататься мизерными тиражами и продаваться по несуразной цене. Испытывая при этом большие трудности со сбытом, отчего книгоиздатели стали до того осторожными, что сто раз подумают, прежде чем что-либо напечатать. Арианов теперь не заходит в книжные магазины, как раньше. Идёт себе мимо, даже на витрины не смотрит. Как-то ему подарили на день рождения книгу, довольно дорогую и редкую, хотя о любой мало-мальски стоящей книге можно теперь сказать, что она дорогая и редкая. И вот в обстановке застолья один из гостей взял в руки эту редкую книгу и стал вертеть её, как мартышка очки. И вдруг говорит окружающим, ничуть не стесняясь своих слов:

— Если случится война или какой-нибудь другой катаклизм в мировом масштабе, когда всё рухнет и станет не до жиру, а лишь бы остаться живым, когда снова начнут топить буржуйки, интересно, сколько может дать калорий эта вот книга?

И стал в открытую сожалеть, что в выходных данных печатники не дают никаких сведений о её калорийности, как это делают на упаковках с продуктами. Ссылаясь на то, что она ведь как-никак тоже пища, всё ещё пища, хоть и духовная, и притом не только духовная, а пища ещё и для печки на самые крайние случаи.

— Но я думаю, комнату ей не натопишь, а вот руки, конечно, согреешь и, пожалуй, носки ещё высушишь, — говорит напоследок он, не обращая внимания на жену, уставшую наступать ему на ногу под столом, оттого что он на людях ведёт себя не совсем подобающе, вводя в краску человека, подарившего Арианову эту книгу.

ЗЛОУМЫШЛЕННИК

*От умозрений до совершенной весьма далече.
Пестель*

У этого незаметного человека столько злых умыслов, что его смело можно назвать злоумышленником. Несмотря на то, что ни одного своего злого умысла он не воплотил в жизнь. Сказать «не довёл до конца» было бы неуместно, потому что не бывало и начинания. А всё потому, что все его злые умыслы заведомо превышают его возможности. Глядя на него, никогда не подумаешь, что на уме у него чаще всего что-то плохое.

У него нет особых примет: рост средний, походка обыкновенная, одевается во всё неброское, лицо не запоминающееся. Внимательно присмотришься к нему, вроде бы и запомнил, но это лишь сомнение, что запомнил. За таким лучше очередь не занимать, отлучишься на пару минут и потом замучишься искать, за кем занимал. Лицо у него где-то между добрым и злым, на какую-то толику ближе к доброму, но и это всего лишь маска, завеса души.

То, что творится в его душе, прячется за семью печатями. И на страже этих печатей стоит он сам, это ли не смешно. По этой причине разоблачить его невозможно, он сам себя мог бы разоблачить хотя бы высказыванием, но он не высказывается, держит рот на замке. Возможно, полиграф и мог бы разоблачить его, но нет никакого повода навязать ему проверку на полиграфе. Понятное дело, он и повода не даёт и надежды, что даст — никакой.

Совершенно закупоренный в себе человек. Как свернувшийся в шарик ёж, которого обнюхивает лисица, имея известно какую цель. Он ещё и, что называется, человек толпы. Всегда находится в гуще людей, где его невозможно вычленишь. Этот хитрец наверняка в качестве совета усвоил слова Честертона о том, что лист лучше всего прятать в лесу. Они-то и стали его кредо. Ясное дело, он мечтает о действии, но вынуждает себя каждый миг бороться с искушением, поскольку знает, что свод законов к таким, как он, суров и беспощаден.

Где-нибудь на необитаемом острове, где нет никаких законов, он, пожалуй, решился бы действовать, чтоб сполна отвести свою душу, но решиться на действие здесь и сейчас он и помыслить не может. Действует только мысленно и то не на всю катушку; всегда

останавливается, когда переживание становится настолько сильным, что он боится, что гайка не выдержит у него, и он чем-то сможет выдать себя. «Молчи, скрывайся и тай» — уж об этих золотых словах он помнит всегда. То есть он искушает себя до определённого градуса, а потом останавливается, начинает кусать себе губы, старается ненароком не встретиться с чьим-либо пронизывающим взглядом, уползает в какую-нибудь щель, где потихоньку можно придти в себя.

Слова «здесь» и «сейчас» настолько ограничивают его, подавляя всю его волю, что если б он только знал, как можно оказаться вне этих данностей, как ему мнится, казнящих его, то ради того, чтоб избавиться от них, непременно решился бы на любое действие. Даже самое лютое. Подобная мысль всегда его утешает, думая в таком направлении, он как-то и оживает, лицо его розовеет и вообще он весь как-то преображается, только никто вокруг понятия не имеет, что означает это преображение. И главное, даже не озадачивается таким вопросом.

Какая беспечность, возможно, подумал бы он, обратив внимание на сам этот факт, но в том-то и дело, что всё его внимание в те минуты обращено исключительно на собственную персону.

ВООБРАЖАЕМАЯ КАРТИНА

1

Обожаю провокации, хотя бы мысленные, без которых невозможны острые ощущения. Потому что это заложено у меня в природе. Раньше, задолго до пугача, я порой представлял себя явившимся на Лубянку с биноклем и записной книжкой. Вот я иду, останавливаюсь, вынимаю бинокль, смотрю. Но что я стремлюсь увидеть, неведомо даже Богу. И потому, прохаживаясь среди чёрных машин, в основном записываю хронику последних своих минут. С сигаретой во рту. Например:

10:00 Пришёл.

10:01 Пока никого.

10:01:30 Никого.

10:02 То же.

10:02:20 Выходят двое.

02:22 Быстро идут.

02:23 Бегут.

02:24 Откуда-то сбоку ещё трое или четверо, число их растёт.

02:26 Мчатся. Сейчас схва...

На этом хроника обрывается. Я не успеваю как следует накурить-

ся. Тело покрывается холодной испариной, будто это действительно произошло.

Иногда вместо записной книжки я использую диктофон. При этом записать удаётся больше, зато накуриться не успеваю не то что как следует, а совершенно.

2

Итак, я схвачен и меня долго куда-то ведут, гораздо дольше, чем я записывал. За это время я б смог написать страницу. Мы всё идём и идём, и я не понимаю, зачем так долго идти. Потом вспоминаю слова Бердяева о том, как наши пространства действуют на нас, и понимаю, что этим длинным путём как раз и действуют сейчас на меня. И оттого, что я догадался, становится как-то легче. Мы будто идём по кишечнику, миллион поворотов, запомнить которые невозможно. Но, наконец, приходим.

Дежурный офицер отпускает приведших меня и предлагает мне сесть. Обо мне он, конечно, знает уже не меньше тех, кто меня задерживал и привёл сюда. Начинаются бесконечные вопросы, им нет числа, что и зачем, почему и как. Все они об одном и том же, офицер удерживает меня в жёстком фокусе этих вопросов, в моих ответах он почему-то не усматривает устроившей бы его полноты. Вопросы всё задаются, и я уже знаю, что этому не будет конца.

И тогда я объявляю, что я сумасшедший, как и те, что схватили меня. Вы все, говорю я ему, помешаны на безопасности здесь, а я там, вы проверяете нас, а я вас, я из тех налогоплательщиков, которые всегда помнят об Ахиллесе. Мне всё кажется, что вы недостаточно бдительны, и что это может плохо кончиться для страны, говорю я ещё, но мои слова вызывают у него лишь усмешку, и вопросы возобновляются.

До изъятых у меня бинокля и записной книжки очередь пока не дошла, но я прошу его взять в руки бинокль и убедиться, что он бутафория, потому что вместо вынутой оптики я вставил туда две пробки от старых графинов и увидеть в него вообще ничего нельзя. То же самое касается и моих записей, говорю я. Он с недоверием смотрит на меня, но всё же берёт бинокль, вертит в руках, подносит к глазам с разных сторон и убеждается в правоте моих слов. Записная книжка тоже отрезвляюще действует на него. Однако я уже не уверен в исходе, меня мучит сомнение, что и этого недостаточно, и я в страхе жду, что он скажет.

Что если избавления не последует и вопросы возобновятся?

3

Итак, что же он скажет? А говорит он вот что: «Успокойтесь, вам нужно успокоиться, вы даже сами не представляете, как вы взволнованы, так взволнованы, — говорит он, — что ваше волнение пере-

далось и нашим сотрудникам. Так и с ума недолго сойти. Вы хорошо себя чувствуете? Вам не нужен доктор? А вот, кстати, и он. Ну-ка, что скажет доктор?»

Я говорю, что доктор мне не нужен, что я чувствую себя хорошо. Я понимаю, куда он клонит, и что просто так меня не отпустят отсюда, иначе они не будут морально удовлетворены, ведь то, что произошло, можно сравнить с дуэлью, я сделал свой выстрел, теперь выстрел за ними. Но я этого не хочу понимать, всеми силами я противлюсь такому пониманию, но это не помогает.

В конце концов меня всё-таки отпускают, только я не знаю, что они сделали со мной, ибо в течение чуть ли не месяца после того, как меня отпустили и я приполз домой, я чувствовал в теле такую слабость, что не вставал с постели. Лежал пластом и совсем не мог говорить. Нёс что-то нечленораздельное. Думал, что уже и не встану. У меня ничего не болело, но я не мог держать даже ручку. Чтобы пожаловаться самому себе на то, как мне плохо.

ХУДОЖНИК

У художника какое-то бабье лицо, более крупное, чем у поэта Твардовского, с лицами бородатых своих собратьев ничего общего не имеющее. И всё в пигментных коричневых пятнах, а голос тусклый и вообще какой-то уже запредельный. Взгляд тоже тусклый, как бы уже не видящий за серо-голубою мутною плёнкой.

Ростом он высок, а телом грузен, ходит, несколько сутулясь, по залу, где густо и одна над другой, как в галерее Питти, развешены его картины, и тычет палкой то в одну, то в другую, задирает голову и всё говорит, говорит, говорит, но не быстро как молодые, у которых нет проблем с нехваткой воздуха и с моторикой, а замедленно, будто этажируя слова. Скажет слово-два, потом наберёт воздуха и продолжит мысль; потыкает палкой в какую-нибудь картину и начинает о ней говорить.

Ведущий передачу весьма деликатно его закругляет, используя свой богатый опыт в этом деле, ненавязчиво переводит разговор на другое, незаметно добивается своего. Спрашивает про кредо и чувствуется, что для художника нет желанней такого вопроса. Он перестаёт говорить о картине, палка опускается вниз и в качестве перста указующего больше не фигурирует в кадре. Он даже воодушевляется, говорит, что он любит и признаёт и чего не любит и не признаёт и никогда не признает. Конечно, под этими «любит и признаёт» или «не любит и не признаёт» он подразумевает художников, но имён не называет. Но и так ясно, кого он не любит и не признаёт и никогда не признает. Не признаваемые им имена столь известные, что у него самого захватывает дух, и в то же время откуда-то берутся

силы для богоборчества, он настолько увлечён, что даже руки начинают помогать его речи; в какую-то минуту палка, оказавшись свободной от его взволнованной руки, которую потянуло на жест, падает на теперешний паркет с характерным раскатистым круглым звуком. Присутствующий при сём один из его учеников мгновенно поднимает её и стыкует её костяную массивную ручку с похожей на клешню ладонью учителя, который тотчас спазматическим движением схватывает её и больше не отпускает. И при этом всё продолжает говорить, в меру своих сил любит сам своей речью, наглядностью своей мысли, безупречностью своих доводов.

По всему чувствуется, что он весьма рад, что ему задали такой вопрос, хотя и не сомневался, что его зададут. Вопрос, на который можно отвечать без умолку хоть сутки, конечно, если позволит здоровье. Однако, спустя три минуты ведущий мягко закругляет его, даёт ему ещё полминуты, а потом прощается, говорит положенные очень тёплые слова и, главное, пожелания, всё, как и положено, по протоколу, а про себя небось думает: «Каков мракобес, однако же. Но как деятелен, и в его-то годы...»

СОН ДОКТОРА М.

Нынче доктору М., прикорнувшему во время ночного дежурства в районной больнице, приснился весьма странный и удивительный сон. Ему приснилось, будто он видный учёный, светило в науке, придумал средство от какой-то болезни, которая почему-то не соизволила наименоваться в этом захватившем всего его сне.

Сон, действительно, был настолько захватывающий, что куда там было наименоваться ей, отвлекаться на какую-то пусть даже уточняющую деталь. Да сновидец и не стремился к этому, досадная неопределённость не могла ему досадить, он весь был во власти переживания по поводу открывшихся перспектив от придуманного им средства. Хотя он понятия не имел, что это за средство и от чего оно именно, и не задавался таким вопросом, в спящей его голове вдруг всплыло слово «открытие», и он уже оперировал этим словом, находя его самым подходящим, уж тут была полная определённость.

Итак, он переживал в своём сне настоящий триумф, давась, он всю наслаждался им, но этого ему показалось мало, и, как академика Сахарова, его потянуло к новым высотам. Он вдруг вспомнил всех своих недоброжелателей и врагов, которые в его сне вдруг заболели как раз неведомой тою болезнью, от которой он как раз выдумал чудесное средство. И теперь жизнь этих людей вдруг оказалась в его руках. Кое-кого он простил и, так уж и быть, вылечил, а остальным

сказал своё любимое: «А вот уж и дулечки вам». Те с обречённым видом молили его, а он в ответ им стал говорить, что вводит против них санкции. Это латинское слово вслед за словом «открытие» тоже счастливо вдруг всплыло в спящей его голове. Он ухватился за него потому, что оно каким-то чудесным образом морально оправдывало его, будто сам Гиппократ благословил его вооружиться им и озвучить его. Вдобавок ему ещё мнилось, что оно чуть ли не освящено соседствующим с ним не только в словаре, но и по родственной линии словом «санкт».

Под санкции мстительного доктора М. попал и главврач, и завододелением, и более крупные персоны, чуть ли не небожители. Среди мелких, кого он не мог простить, оказался в этой компании и сосед Бодряшкин, в трезвом состоянии бывший вполне сносным, но в подпитии становившийся невыносимым из-за своей неуёмной буйности и сквернословия. Во взволнованном своём сне доктор вполне наслаждался не столько своим открытием, сколько санкциями, он даже пережил что-то вроде умственного оргазма, в момент которого его стала трясти медсестра Вера, говоря, что в шестой палате у больного открылось кровотечение, и он теряет сознание, а она не знает, что именно нужно делать. Во всех отношениях фантастический сон доктора М. сняло как рукой, и оба они рысью понеслись в шестую палату.

ОЧЕРЕДЬ

Ночью мне снилось, будто я стою в очереди в какое-то банно-прачечное заведение. Какая у меня была при этом цель, мне неизвестно. По-видимому, прошло достаточно много времени, и стояние должно было скоро кончиться; и действительно, вдруг объявили, что все, кто пришёл, чтобы занять ребёнка, должны пройти в такое-то помещение, в какое именно, я не расслышал. Я увидел, как почти что вся очередь тронулась и куда-то строем, как у Дейнеки, пошла, и женщины, и мужчины, а я остался на месте, потому что меня это не касалось. Зачем же я тогда стоял в ней, неужто ли, чтобы это увидеть, спросил я себя и пошёл прочь оттуда, видя, как последние, явно стоявшие сзади меня, заходят в здание и за ними закрываются двери. Значит, всё кончено, все ушли, осталось несколько праздных зевак, неизвестно зачем пришедших туда. Я ушёл, потому что не счёл себя таковым.

Я так спешил покинуть то место, что тут же проснулся, ощущая себя никудышным толкователем снов.

БАЛКОН

Я однажды видел, как стоящий на балконе мужчина держал за ножки двухлетнего мальчика и крутил его во все стороны и даже вывешивал за перила. В такую минуту он будто демонстрировал смертельный номер. Мальчику, наверное, было страшно, и он кричал, но криков не было слышно, расстояние и городской шум делали его крики неслышными.

Скорее всего, то был отец мальчика. Потому что кто, кроме отца, решится на подобные опыты. Отец, по-видимому, был так уверен в себе, что у него даже и в мыслях не было, что с мальчиком может что-то случиться. Несмотря на то, что на такие вещи я не могу смотреть, я всё же смотрел, чувствуя неподдельный ужас, потому что балкон был маленький, как в столицах северных стран, а этаж высоким.

И хотя мужчина был атлетического сложения, я всё смотрел, ожидая чудовищного конца, и меня поражало, что никто больше не смотрит туда, все идут мимо, не поднимая голов. Я тоже шёл по улице, как и все, глядя большей частью вниз или, в крайнем случае, на встречные лица, но что-то заставило меня посмотреть наверх. Я поднял голову, но не сразу увидел. Я стал водить головой и даже замедлил шаг.

В воздухе было что-то тревожное, невольно принуждавшее меня озираться, угроза шла откуда-то сверху и, в конце концов, я увидел голого по пояс мужчину, каруселящего над бездною мальчика.

Это какие же нужно иметь нервы, чтобы отважиться на такое, сказал я себе, когда всё благополучно кончилось и мужчина, отпустив мальчика, скрылся в глубине комнаты. Какое-то время я продолжал смотреть туда, где ничего уже не было, и потому мой глаз периодически терял фокусировку, отчего, когда картина вновь становилась чёткой, я уже не мог определённо сказать, на каком же именно балконе было это леденящее душу зрелище. А потом и вовсе возникла вдруг мысль, будто всё это только привиделось мне или приснилось.

Я пошёл себе далее с каким-то гнетущим чувством, что завтра эта картина вновь повторится, и теперь эту улицу придётся обходить стороной. Улиц для прогулок становится всё меньше, потому что то там, то здесь происходят поражающие воображение вещи, и если так будет продолжаться и дальше, придётся прекратить всякое общение с миром. Печальная эта перспектива всё чаще заставляет меня на улице опускать глаза вниз, дабы последняя прогулка как можно дольше не наступала.

Лейля АЛЯДИНОВА —

член союза журналистов Республики Крым, член крымскотатарского союза писателей.

Родилась в г. Ташкенте (Узбекистан) в интеллигентной семье. Отец — известный крымскотатарский писатель Шамиль Алядинов (1912–1996), мать — актриса довоенного Крымского Государственного музыкально-драматического театра Фатма Аметова (1920–2008). Окончила Ташкентский государственный университет узбекского

языка и литературы имени Алишера Навои, аспирантуру.

В 1964 г. с семьёй возвратилась в Крым. Почти 40 лет работала журналистом в СМИ. Победитель ряда журналистских конкурсов. Автор книг повестей и рассказов на крымскотатарском, русском и украинском языках.

В настоящее время живёт в Симферополе.

ТЮРКАН — ДОЧЬ ВЕЛИКОГО КАГАНА

Ишбар-каган, склонив голову, сидел на золотом ложе в зелёном шатре, расшитом шёлковыми узорами. Ложе изготовил золотых дел мастер Денгиз. Ножки были сделаны в виде павлинов, распущенные хвосты которых украшали драгоценные камни: рубины, изумруды, сапфиры.

С утра хану нездоровилось. Чтобы согреться, он накинул на плечи толстый стёганый халат из бархата, украшенный золотыми нитками, обложил себя мягкими, набитыми шерстью подушками. Перед властителем стоял низкий деревянный инкрустированный золотом столик, уставленный серебряной и золотой посудой, сосудами с яствами и напитками.

Держа перед собой чарон, Ишбар-каган думал о том, что не всё гладко в его ставке.

Когда умер Тобо-каган... Он прекрасно помнил тот печальный день 581 года (были устроены торжественные проводы его в загробный мир, являющийся продолжением земного; казнили четырёх пленных гуннов, которые должны были сопровождать его в последний путь). А затем собрали Курултай тюркских башбугов, где каганом великой и могучей державы беки избрали его, Шету. Это была

очень торжественная церемония. Сановники на войлочном ковре десять раз, как того требовал древний обычай, проносили Шету по направлению движения солнца под приветственные крики присутствующих. А затем, усадив на лошадь, стягивали горло шёлковой тканью и, быстро ослабив петлю, спрашивали, сколько лет он желает быть ханом. Эта традиция сохранилась со времён, когда хан был выборным племенным вождём. Вот так Иль-Кюлюг Шад, принц крови, был провозглашён Ишбар-каганом. И беки вместе с ним произнесли клятву верности в форме присяги.

Минуло пять лет. Он не подвёл своих сторонников. Империя тюрков процветала, князья богатели. Добыча при захвате противника во время войн или дань от покорённых народов и племён делилась поровну между рядовыми воинами и правящей верхушкой. Определённую часть дани Ишбар-каган оставлял себе для содержания многочисленной семьи. Но в последнее время начало расти недовольство среди беков. Преданные ему люди рассказывали, что распространяется слух будто он увеличил свою долю. Он знал, кто сеет эти слухи.

Кара-Чурин (чёрная напасть) Тюрк по прозвищу Боке — его двоюродный брат, самый сильный из князей, внук великого Муган-кагана претендовал на место прославленного предка. Однако дед не внёс его имя в завещание на этот пост. Он не был тегинем. Причина была веская. Мать внука Муган-кагана не была тюркчанкой. Его отец, Истеми-Ягбу, или Визавул, как звали его византийцы, был талантливым полководцем и политиком. Он сумел установить контроль над западной частью Алтайских гор, достиг в Средней Азии Аральского моря, Казахстана, Семиречья, Хорезма. Он подчинил народы приуральских степей. Вернувшись в 572 году на Итиль, он объединил все тюркские племена, включив как улус в западный каганат, которым умело правил. Но через несколько лет он внезапно умер при довольно странных обстоятельствах. Во главе армии и западного каганата Тобо-каган поставил его сына Кара-Чурина с титулом Тардуш-хан. Он считался первым после кагана. После смерти Истеми-хана на государственные дела продолжала влиять его жена, дочь китайского императора. Красавица Ци-Джуй была предложена хану в жёны для поддержки дружественных отношений. Постепенно она стала совмещать роль супруги хана с функциями секретного агента. О, это была очень властная и коварная женщина. Она возглавила прокитайскую партию и всячески пыталась противостоять центральной власти Ишбар-кагана после смерти Тобо-кагана. Она сделала игрушкой в своих нежных, но цепких руках сына, Кара-Чурина.

Храбрый воин Ишбар-каган, сидя на золотом ложе, думал о том, что действия этой женщины зашли слишком далеко. Сын её, его двоюродный брат, ведомый умелой и властной рукой коварной интриганки (ходили слухи, что это она отравила мужа), исполняя её волю,

собирал вокруг себя недовольных, слабых, завистливых. Ишбар-каган нередко слышал на собраниях ставки их недовольные высказывания...

Властитель заметил, как в шатёр тихо вошла дочь. У хана не было сыновей. Смелый воин имел трёх дочерей от трёх жён-тюркчанок. И любимую дочь Тюркан он научил всему, что умел сам. С семи лет она прекрасно сидела в седле, а в тринадцать уже знала как обращаться с саблей и луком со стрелами.

Она, видимо, только что вернулась с охоты и, узнав о недомогании отца, которого боготворила, не переодевшись, сразу последовала к нему. Тюркан было семнадцать лет. Её чаще видели в мужском, чем в женском наряде. Как и все мужчины, она носила длинные распущенные волосы. Невозможно было заставить её, как полагалось девушке, заплести густые чёрные вьющиеся волосы в две девичьи косы. На голове был металлический шлем, стройное девичье тело облегал короткий до колен кожаный халат, подпоясанный узким пояском, с высоким до подбородка воротником, защищённым сверху панцирем из металлических дисковидных блях с коричнево-красной каймой. Рукава короткие, выше локтя. Её боевой пояс имел уже достаточное количество блях и наконечников, говорящих о социальном положении и боевой подготовке. На ногах были мягкие чёрные войлочные сапожки. А шаровары — из шкуры барса. Отец очень любил и гордился дочерью. Недавно он подарил ей свистун-стрелы, от которых она пришла в такой восторг, что он уже два дня не видел её в своём шатре. Но сегодня, вероятно, устав от бесконечной охоты, она пришла к нему. Подойдя к отцу, положила руки ему на плечи, что сразу отвлекло его от грустных дум.

— Вам нездоровится, отец, или вы просто хандрите? — весело обратилась она к грозному воину.

Он нежно снял её руку со своего плеча.

— А ты опять ловила грызунов? — пошутил он над дочерью.

— Вовсе нет! — не обидевшись на шутку, ответила она. — Мы соревновались на саблях с Тобо, и я победила.

Дочь немного развлекла его. Он с удовольствием разглядывал её ладную фигурку. Снаряжение воина сидело на ней отлично. Он опять пожалел, что она родилась не мальчиком. Но не сладко придётся её будущему муженьку. Уж очень строптивый у неё был характер. Она не ограничится домашними делами и воспитанием детей, а возможно, захочет принять участие в битвах. Он засмеялся от таких мыслей.

— Ну, вот вы смеётесь, значит всё в порядке, — улыбнулась довольная дочь. — Отец, — ласково погладив его по щеке, произнесла Тюркан. — Разрешите мне присутствовать завтра на приёме послов из Византии. Я буду в мужской одежде, они не узнают во мне женщину. Ну, пожалуйста! — уговаривая отца, она подлила ему кумыса в чарон, стоявший перед ним.

Она давно приставала к нему с этой просьбой. Встав перед отцом на колени, Тюркан умоляющими глазами глядела на него.

Ишбар-каган не выдержал, сдался.

— Хорошо, я согласен, но ты не должна произносить там ни звука, и не попадайся мне на глаза. Уйдёшь сразу, как я приму подношения, — нарочито сурово произнёс Ишбар-каган.

Тюркан, моментально поднявшись с толстого мягкого ковра, поцеловала отцу руку, в изобилии усыпанную роскошными кольцами, с массивным золотым фамильным перстнем на указательном пальце, и молнией вылетела из шатра, опасаясь, как бы отец не передумал.

А Ишбар-каган вернулся к своим невесёлым размышлениям. Из головы не шёл Кара-Чурин. Уж слишком дружны стали братья в последнее время. Лазутчики доносили, что Або-хан, таков был титул Торэмена, часто шлёт гонцов к Кара-Чурину. Какие у них могут быть общие дела? Но если вспомнить ярость Тардуш-хана (Кара-Чурина), когда он узнал, что дед, Муган-каган, не признал его наследником на свой пост, можно догадаться в чём причина дружбы родственников. И всё это козни китайской принцессы. Старуха никак не уgomонитcя. Она всячески подогревает амбиции сына. Пора пристегнуть Ци-Джуй. Эта лиса знает на каких струнах Торэмена можно играть. Ведь его мать тоже китаянка. «Но я положу этому конец! — решительно произнёс вслух Ишбар-каган и поднялся с ложа. — Да поможет мне Тэнгри!» — воскликнул он, вознося руки к небу.

Ишбар-каган был сильный красивый мужчина сорока лет; он отличался храбростью и умом, был решителен и справедлив, пользовался уважением своего народа и беков, считавших его настоящим волком — Бозкуртом-спасителем рода.

У Ишбар-кагана была ещё одна забота. Назавтра ожидался визит послов из Византии, и к их приходу необходимо было закончить каменную книгу, письмо, обращённое к потомкам. Он поручил Тоньюкуку проследить за работой каменотёса, который должен был вытесать на каменных листах историю его праведных дел. Сегодня истекал срок, отведённый для работы.

Стоящие за шатром с пиками наперевес стражники двинулись вслед за вышедшим каганом. Идти было недалеко. Ишбар-каган остановился перед каменной стелой в тот момент, когда каменотёс высекал последнюю точку. Смирненно согнувшись перед властелином, он отошёл в сторону. Стела была сделана в форме усечённой пирамиды, высотой более трёх метров; основание её было больше одного метра и около полметра толщиной. Верхушка плиты была высечена в виде пятиугольного щита, на одной стороне которого было изображение каганской тамги, на другой — дата сооружения памятника — 1 августа 586 года. Все четыре стороны были испещрены надписями.

Ишбар-каган начал читать, медленно обходя камень по кругу, вдоль левой руки: «Небоподобный, неборождённый тюркский

Ишбар-каган, я нынче сел на царство. Речь мою полностью выслушайте идущие за мной, мои младшие и молодёжь, союзные мои племена и народы. Когда вверху возникло голубое небо, а снизу — бурая земля, между ними обоими возникли сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Муган-каган, Истеми-каган. Сев на царство, они создавали и поддерживали государство и установление тюркского народа.

Четыре угла света все были им врагами: выступая в поход, с войском, народы четырёх углов света они все покорили. Так они царствовали... Они были мудрые каганы, и их «букюруки» были мудрыми и мужественными, и их беки и народ были прямые. Потому-то они и правили столько долго государством и, управляя государством, устанавливали законы.

Когда они скончались, пришли народы в качестве «плачущих и стонущих». Народы спереди, с востока, из страны солнечного востока, народ степи Беклийской, тибетцы, авары, кыргызы, отуз-татары — эти народы, придя, плакали и стонали: такими знаменитыми они были каганами.

О, тюркские беки и народ. Слушайте это. Вы, беки и народ, собрав тюркский народ, созидали государство. Смотри на него, знайте, учитесь, вы, тюрки, теперешние беки и народ!»

Далее было написано о битвах и походах, в которых участвовал сам Ишбар-каган, о его делах и подвигах.

Строки каменного письма постепенно размывались в темноте. Хан почувствовал вечернюю прохладу и двинулся назад к шатру, запахнув поплотнее полы своего роскошного халата из бархата, который в изобилие присылали северные китайцы в качестве ежегодной дани.

Ставка кагана располагалась в районе Прикамья и находилась здесь всё лето. Вместе со ставкой шли сюда и торговые люди, которые под охраной орды чувствовали себя безопасно.

Торговцы везли серебро, золото, ртуть, железо, добываемое в горах, на юге, шерстяные и хлопчатобумажные нити, выделяемые женщинами кыпчаков, карлуков на веретенах, домотканую бязь, пёстрые ткани, шерстяные непромокаемые плащи (кемак), богатые шёлковые платья и простую одежду из хлопка и многое другое. После разгрома эфталитов и северо-китайского царства тюркуты достигли политического и экономического могущества. Надо заметить, что, объединив в VI веке Великую Степь и Согдиану, тюркуты открыли для себя неограниченные возможности. В их руках оказался Великий караванный путь, соединяющий Запад и Восток. Он брал начало в Чаньани, шёл вдоль склонов Тянь-Шаня через многочисленные плодородные долины, орошаемые стекающими с хребта ручейками. Затем был, правда, весьма тяжёлый переход через пустыню до оазиса Хами, затем караван попадал в Люкчунскую впадину к Турфану.

Эти два оазиса и несколько соседних составляли независимое княжество Гаочан, где жили потомки китайских военнопоселенцев. А за пределами княжества караванный путь раздваивался: одна ветвь пролегла по южному склону Тянь-Шаньских гор, через Карашар, Кучу, Аксу, минуя озеро Иссык-Куль, в долину реки Чу и оттуда через Таласскую долину в Исфару. Северная ветвь шла по южной Джунгарии через Урумчи, Манас, Куркара-усу, преодолевая горы Ирэн-Шабирган, в долину реки Или, оттуда — на юг, в Среднюю Азию. существовала ещё одна труднопроходимая дорога через перевалы в Тянь-Шане, из Карашара через долину Юлдуза в долину Или, но ею пользовались очень редко.

Достигнув Средней Азии, делали отдых. Один из крупных переводных пунктов находился в городе Пайкенде. Далее, через Хорасан, путь следовал на Рей и Хамадан, затем через византийскую крепость Насевию (Низию) в Сирию и Константинополь. Путь был, естественно, нелёгок и продолжителен. От Китайского моря до границ Персии — 150 дней пути, до Низиба, на римской границе — ещё 80 дней. Но прибыли торговцы имели огромные, так как обслуживали предметами роскоши социальную верхушку. Цель, как говорится, оправдывала средства. Они платили проценты правителю каганата, который нередко одновременно являлся и партнёром в торговле. В ставке торговля шла бойкая. Причём использовали монеты из серебра, которые принимали на вес, и он был не случайным. В разных странах и разных областях страны цены на серебро были разные. Нередко монету использовали всего лишь раз. Приобретший её не расставался с ней до самой смерти и брал её с собой в могилу с личными вещами.

...Близилась осень, пора было возвращаться в город. А пока многочисленные стада набирали вес, находя здесь сочные корма, воины занимались джигитовкой, охотой, отмечались праздники, встречали иностранных послов.

Пред тем, как отойти ко сну, Ишбар-каган вызвал к себе Амрак-бека. Он был его правой рукой, на него он мог положиться. Однажды тот уже доказал ему свою верность.

Это произошло два года назад. Китайский император через своих агентов послал Амрак-беку в подарок редчайшей красоты золотую брошь, выполненную в форме головы воина, намекая тем самым на поддержку со своей стороны, если тот согласится участвовать в заговоре против Ишбар-кагана. Верный Амрак-бек не принял подарка и предупредил об этом старшего брата. А тот лишь ждал теперь случая отомстить императору.

— Мы готовы к встрече византийцев? — обратился Шету к брату. — Что сказал разведчик? Близко ли подъехали они к ставке?

— Они будут завтра к полудню, — ответил бек. — Всё готово для встречи. Приём будет в красном шатре. А как быть с Тюркан? Это правда, что вы разрешили ей присутствовать?

— Пусть развлечётся, — улыбнулся хан. — Заодно послушает язык византийцев. Она будет в мужском платье. Пусть Тобо не отходит от неё ни на шаг,

— Хорошо, брат, — ответил Амрак-бек и вышел из шатра.

* * *

Несколько дней назад Торэмен приехал в ставку со своим внуком и беками на праздник — обряд принесения жертвы Богу Неба — Тенгри.

Как и все принцы крови, Торэмен, имевший титул Або-хана, владел уделом на севере государства, где благополучно правил. Во время войны на Западном Кавказе погиб сын Торэмена Бури-хан, когда пытался пробиться с войсками в Византию через Западный Кавказ. У него остался сын. Дед воспитал любимого внука. Звали его Тобо.

Ему исполнилось девятнадцать лет. Внешне он был очень красив. Среднего роста, широкоплечий, раскосые зелёные глаза смотрели смело и по-юношески задорно. Длинные волнистые волосы спускались до плеч.

Прибыв в ставку кагана, он поменял коня и сразу присоединился к охотникам. У тюрков именно охота воспитывала настоящих воинов, учила тактике и стратегии боя.

Загоняли вепря. Впереди был хан, в зелёном атласном халате, голова не покрыта, только узкая шёлковая лента перехватывала лоб и удерживала волосы, ниспадавшие на плечи. Свита состояла из двухсот всадников, одетых в дорогие парчовые халаты, волосы у всех заплетены в косы. Одни воины были на верблюдах, другие — на лошадях. Вооружены они были длинными копьями с флажками и прямыми луками. Их было очень много. Конца войску не было видно. И было оно очень колоритно, красочно: переливались атлас и шелка, горела на солнце парча, мягким блеском отливала меха. Играли сытые кони. Гордо качали головами верблюды. Всё было очень празднично.

В пылу охоты Тобо вырвался вперёд. Целясь в животное, он уже натянул тетиву лука, сделанного из рогов горного козла, как вдруг услышал странный неприятный свист, и вепрь на глазах изумлённого охотника повалился набок. К нему приближался всадник. Соскочив с коня, он оглядел юношу, а затем, вызывающе глядя ему прямо в глаза, спросил: «Кто ты? Я не знаю тебя!»

Тобо был разъярён. «Перехватил прямо перед носом добычу, а теперь ещё дерзит. Но, что это был за звук?» Не отвечая на дерзкий выпад незнакомца, он склонился над бьющимся в предсмертных судорогах вепрем и, выдернув стрелу, стал её внимательно разглядывать. На древко стрелы надето необычное приспособление типа мундштука из кости, в котором были просверлены несколько отверстий. Таких стрел он ещё не видел.

— Что, нравится?

— Поэтому стрела издаёт такой неприятный звук? — спросил Тобо.

— Да. Но кто ты? Ты не из ставки отца!

Тобо оторвал взгляд от стрелы.

— А кто твой отец?

Молодой воин гордо выпрямился и торжественно произнёс:

— Великий Ишбар-каган!

Тобо был удивлён. Дед говорил ему, что они едут к Великому хану, но он рассказывал, что Тенгри не дал тому сына, что у него — три дочери. Вглядевшись внимательно в лицо охотника, он отметил, что у того очень уж длинные ресницы, чересчур алые губы и слишком нежное лицо.

— Ты — Тюркан, — догадался он, — дочь Великого кагана.

Так состоялось их знакомство. А в отдалении, почтительно ожидая, стояли верноподданные кагана. Охота закончилась. Надо было возвращаться домой. Подобрал сражённое меткой стрелой принцессы животное, охотники вернулись в ставку.

* * *

Проснулся юноша рано. Но выйдя из шатра, увидел — вокруг уже всё пришло в движение. Женщины суетились у больших, стоящих на конических ножках котлов, в которых жарилось мясо. Двигались телеги, полные разной снеди, привозимой из ближайших аулов. Кувшины наполнялись свежим кумысом. Готовились к встрече послов.

Тобо зашёл в конюшню, где отдыхали его кони, отвязал одного. Ему захотелось оглядеть окрестности. Отдохнувший конь нетерпеливо бил копытом по земле, ему надоело стоять на месте. Юноша вывел коня и, легко вскочив в седло, поскакал за пределы ставки. Поднявшись по крутой тропе на гору, он огляделся вокруг. Как здесь было красиво!..

Совсем не похоже на места, где жил его дед. Конечно, степь тоже красива весной, но зимой там скучно и пустынно. А здесь леса, горы и такая сочная трава. Вдали огромные стада овец, табуны лошадей. Приложив руку ко лбу, он всматривался в даль. Неожиданно услышал топот копыт. Со стороны ставки к нему галопом мчался всадник. И снова юноша услышал резкий, но уже знакомый звук. Стрела вонзилась в растущее рядом деревце. Меткий стрелок. Он улыбнулся. Конечно же, это — Тюркан. На лице её сияла широкая улыбка. Она была очень довольна собой.

— Я искала тебя, — заявила она, поглаживая гриву своего ухоженного скакуна. Грудь коня украшала бляха в виде серповидной пластины с отогнутыми краями и шпеньками в центре для прикрепления к вертикальному ремню сбруи, украшенной белыми круглыми бляхами из серебра с сердцевидными с оранжевыми или бурными кистями, висящими на нагруднике, подхвостнике и узде. Хвост завязан в узел. — Тебе нравится здесь? — спросила Тюркан.

— Да, здесь всё по-другому, не так, как у нас. Эти горы и река вдали... Красиво...

— А там, далеко, — девушка показала рукой в сторону, куда всегда заходило солнце, растут высокие деревья, и живут под землёй люди, которых зовут славяне. Они не умеют скакать на лошадях и ходят пешком. Так рассказывал мне мой дед — Великий воин Кара-Иссык-хан. А ещё мой учитель, старый Буда, рассказывал, что раньше они жили не там, а ещё дальше, но, когда Великий Аттила дошёл до самого западного моря и покорила все народы, славяне разбежались по лесам, выкопали себе землянки, их даже продавали в рабство. Они не знают железа, не умеют писать. А завтра к нам придут послы из далёкой Византии, но это совсем другие народы, — пояснила она. — Отец разрешил мне присутствовать на приёме гостей, — радостно добавила девушка.

Сообщив последние новости, Тюркан легко соскочила с коня и обратилась к юноше:

— Хочешь сразиться? Я знаю несколько приёмов. Ведь ты будешь участвовать в соревнованиях на байраме. Как жаль, что я не родилась мужчиной! — с досадой воскликнула она и снова стала его тормозить, — Ну, что же ты? Слезай с коня! Испугался что ли?

Юноша не привык к такому обилию слов, да к тому же предложение девушки было несколько неожиданным. Но его учили уважать женщин. Он соскочил с коня, вороного красавца, и в растерянности стоял перед Тюркан, ожидая, что же будет дальше.

— Возьми саблю! — приказала принцесса, выхватив свою из ножен, и сделала первый выпад. Тобо отразил его твёрдой рукой.

Тюркан умело владела оружием, и он понял, что она не новичок в этом деле. В левой руке девушка держала небольшой круглый щит, защищающий верхнюю половину туловища; правой — саблю, однолезвийный меч, со слабоизогнутым клинком. Тобо в изумлении следил за её странными вращениями. Она как будто двигалась в ритуальном танце, делая круги и спирали. И в то же время эти движения надёжно защищали её, он никак не мог достать соперника. Время от времени она использовала незнакомые ему приёмы ногами, толчки. Бросившись на противника, девушка внезапно резко отошла в сторону, а затем, используя свою силу и энергию Тобо, сбила его с ног. Юноша оказался на зелёной траве, а Тюркан стояла над ним, победоносно попирая его своей маленькой ножкой.

— Я — Кара-Каплан (Чёрный Тигр)! Растерзать тебя или пощадить? — грозно нахмутив брови, воскликнула она.

Но Тобо неожиданно потянул её за изящный сапожок, и она оказалась рядом с ним на траве.

— Кто научил тебя всему этому? — спросил он, первым поднявшись на ноги, и протянул руку девушке.

— Руа. Телохранитель отца. Но некоторые приёмы показал мне

отец сам. А ты что, не знаком с «Кара Капланом»? У тебя странная манера схватки. Хочешь, я покажу тебе один захват ногами?

— Согласен, но не сейчас, пора назад, в город, я проголодался, — ответил юноша, легко вскакивая на рысака. Тобо должен был признаться, что его школа борьбы (а это была китайская школа, на этом настояла мать) сильно уступала «Кара-Каплану». Его обучили приёмам отбора оружия, броскам и захватам. Но китайцы в боевом искусстве опирались на философию конфуцианства и буддизма, которые сильно отличались от философии боевого искусства тюрков, основанной на древнетюркских традициях: почитании Тэнгри-Голубого Неба. Она имела свою, ни с чем не сравнимую тактику и стиль, вызывала стремление к духовному, моральному и физическому совершенствованию человека.

И всё же Тобо припрятал для своей очаровательной подружки один сюрприз. Дед его, по материнской линии, подарил юноше нечто, чего не было, как уже заметил, ни у одного здешнего воина, — алебарду. Она стреляла дальше шестисот шагов, в то время как тюркские луки поражали цель лишь на триста шагов.

Тобо непременно хотел взять реванш у красавицы Тюркан. «Это будет лучше твоей свистун-стрель», — мысленно произнёс он.

Тюркан не пришлось подсаживать. Разбежавшись, она запрыгнула в седло через круп коня и помчалась галопом, оставив юношу позади. Тобо оторопел. «Какие фокусы она покажет ещё, сам Тэнгри не сможет предсказать. Ну, ничего, я тоже удивлю тебя», — решил он.

Тобо вытащил арбалет из кожаного футляра, украшенного драгоценными камнями и привешенного к седлу коня, стрелу из седока и, прицелившись в движущегося впереди Тюркан зверька, пустил стрелу. Кругом было полно всякой живности. Тюркан, увидев поверженного зайчонка, на полном скаку пришпорила коня и с удивлением оглянулась. Её дружок был на значительном расстоянии. «Что это? Как он смог убить зверька, если даже я не достала бы его стрелой?»

— Как ты это сделал? — спросила она у подъехавшего юноши. — Ну-ка, дай посмотрю! — скомандовала девушка, протянув руку к невиданному ей ранее оружию. Взяв арбалет в руки, она с восхищением стала рассматривать его.

— Подари мне, — умоляюще проговорила Тюркан. — Что хочешь дам за него. Хочешь свистун-стрелы?

— Нет! Стрелы мне не нужны, — решительно отверг предложение Тобо. Он уже знал, что хочет попросить.

— Отец даст всё, что захочешь! — продолжала уговаривать Тюркан, не выпуская арбалет и ласково поглаживая его. — Проси, что хочешь!

— Поцелуй меня, тогда получишь, — улыбаясь, произнёс молодой воин и насмешливо посмотрел на девушку.

— Всего-то! — воскликнула она, чмокнув в щёку ошарашенного юношу и, победоносно потрясая легко добытым оружием в поднятой руке, громко улюлюкая, рванула коня в сторону ставки. Тобо кинулся вслед...

Дмитрий АФЕНЧУК — родился в 1991 году (г. Горловка, Донбасс, Россия). Выпускник Автомобильно-дорожного института и Педагогического института иностранных языков. Прозаик, поэт. Руководитель объединения творческих людей «Новый взгляд» при городской библиотеке для юношества, член ЛитО «Забой». Публиковался в городской, областной и республиканской прессе, а также литературно-художественных альманахах «Пять Стихий», «Горловка литературная», «Восхождение»,

«На крыльях Пегаса» (г. Тула), «Рассвет» (г. Донецк) и многих других. Автор ряда научно-публицистических статей и докладов о роли книги в повседневной жизни и популяризации её в молодёжной среде. Автор отдельных изданий «С любовью о любви», «Книга — мой спутник по жизни», «Уроки жизни». Соавтор историко-краеведческого сборника для студентов и преподавателей высшей школы «Великие имена Донбасса».

СЕМЕЙНЫЙ ОЧАГ

(Рассказ)

Однажды, укладывая малыша спать, мама обратила внимание, что ребёнок долго ворочается и никак не может уснуть. Уже и сказка с любимыми героями была прочитана до конца, а сына всё никак не брал в свои объятия сон. Открыв большие выразительные глаза, малыш посмотрел на маму и сказал:

— А ты меня насколько сильно любишь?

Мама, улыбнувшись, промолвила:

— Так сильно люблю, что и словами не передать.

Сынок не унимался:

— А если бы меня не было, счастье всё равно поселилось бы в нашем доме?

Мама на минуту задумалась и ответила:

— Наверняка нет. Ведь ты — наше счастье!

Малыш засмеялся.

— Как я могу быть счастьем?! Я ведь ребёнок...

Мама что-то хотела сказать, но в эту минуту в комнату вошёл папа и подтвердил:

— Ты наше счастье, и наша любовь способна зажечь огонь в семейном очаге жизни.

Сынок удивлённо осмотрелся по сторонам. И понимая, что любопытство одерживает верх, спросил у родителей:

— А где же находится этот семейный очаг?

Отец присел на кровать. И обняв малыша, успокоил:

— Не ищи его. Я тебе скажу больше... — И тут, осмотревшись, добавил: — Он находится в нашей семье.

Сын не мог поверить, он ведь уже нафантазировал себе что-то необычное, а тут такой поворот. Отец поднялся, включил их любимый ночник и прошептал:

— Засыпай, малыш... И пусть тебе приснятся дивные сны. А в нашем доме будет искриться неугасаемый огонь семейного очага. Мы в свою очередь постараемся, пока ты спишь, сберечь этот огонёк для тебя до утра.

Мама завела песню о мечтах-облаках, и глазки малыша медленно закрылись, и он погрузился в сладкий сон.

А утром, поднявшись с постели, сынишка позвал маму и спросил:

— Зажглась ли вчера искорка семейного очага? А то я уснул и так её и не увидел...

Мама поспешила его успокоить:

— Конечно, зажглась... Я тебе больше скажу: она горела всё время, пока ты спал. Она загорается всегда, когда вся семья собирается вместе. Ведь огонь семейного очага находится в нас самих!

Мама подошла к сыну и крепко его обняла.

— А почему я не увидел его? — спросил малыш.

— Потому что любовь нельзя потрогать руками, её можно только почувствовать!

НИКОЛА

(Рассказ)

1

— Наша земля всегда была богата талантами. И каких только умельцев она рождает... Главное, чтобы дело было любимое... Вот тогда выйдет толк. А ведь зачастую бывает, что и работа хорошая, но не по душе она...

— Да как же так, бабушка?! — слышался голос под одеялом, и потом появилась голова мальчика лет семи.

— Бывает внучек, ой как бывает. Жизнь, как большое неспаханное поле, и от каждого зависит, как он это поле перейдёт и будет ли за ним по пути ухаживать.

Глазки мальчика следили очень внимательно за жестами рук пожилой женщины, которые в воздухе описывали очертания того самого поля.

— Бабушка, а это поле большое? — поинтересовался внук.

— Всевышний отмерил каждому свой отрезок.

Мальчик не унимался:

— А как ухаживать за ним?

В комнате повисла пауза, немного задумавшись, пожилая женщина, громко рассмеявшись, дала волю эмоциям.

— Очень легко и просто! Добрыми делами и хорошими поступками.

Внук недоумевал:

— И ничего больше не нужно?

Бабушка оглянулась по сторонам и молвила:

— Вся премудрость жизни состоит в том, что не нужно держать на людей ни малейшей капли зла. Добром побеждать! Помни: даже после самой сильной бури будет солнце!

2

На следующее утро Никитка, так звали мальчика, собирался в школу. На всю квартиру разносился запах бабушкиных фирменных оладушек. Быстро собрав вещи, школьник залетел на кухню.

— Никитушка, доброе утро! Присаживайся к столу, завтракать будем, — пригласила бабушка.

Кладя в рот один оладушек за другим, малыш поделился воспоминаниями о сне.

— Мне сегодня такое снилось!

На лице у бабушки появилась слегка заметная улыбка.

— Что на этот раз?

Она с любопытством посмотрела на внука.

— Наш вчерашний разговор. Ты помнишь, о поле говорила?

— Конечно, помню, милый

— А мне оно приснилось, красивое такое, люди на нём разные. И старец был, подошёл ко мне и улыбнулся.

И тут в дверь позвонили. Это была соседка Катя, они обычно вместе с Никитой шли в школу. Звонок служил условным сигналом, которым ребята (друзья не разлей вода) условились вызывать на улицу с самого раннего детства. Спohватившись, Никитка, надев куртку и прыгнув в сапоги, с портфелем наперевес побежал догонять Катюшу, которая уже ждала в коридоре.

3

После занятий Никита сразу же сел за компьютер делать уроки. Но дома, кроме него, никого не было, и он решил поиграть в виртуальные игры. Вскоре хлопнула входная дверь, и слышался голос бабушки:

— Заждался? Я уже дома! Пойдём на кухню скорее!

За обедом Никита рассказал свежие новости из школьной жизни, а также похвастался полученной пятёркой по рисованию. Потом напомнил:

— Бабушка, мы так утром и не договорили...

— На какую из тем?

Взгляд скользнул с поверхности очков в сторону внука.

— Насчёт поля. Мне ещё старец снился. Такой доброжелательный и улыбочивый.

Пожилая женщина задумалась, а через минуту встала, вдруг всплеснув руками:

— Ах, ну неужели это он?!

Внук ничего не мог понять.

— Бабуль, а кто это «он»?

Валентина Ивановна, так звали добрую старушку, улыгнувшись, сказала:

— К тебе Святой Николай Чудотворец приходил! Он покровитель всех людей: детей и взрослых. Кстати, — женщина взглянула на календарь, — завтра его день, жди сюрприз!

Вечером, уложив внука спать, Валентина Ивановна решила выполнить одно важное дело.

Никите же не спалось, мысли о сюрпризе не давали покоя.

— Что это может быть? — думал он и даже не заметил, как веки сомкнулись, и он уснул.

4

Утром мальчик огляделся. Нет ничего...

Ожидание сменилась разочарованием. Но с приходом бабушки всё изменилось. Заметив растерянные глаза внука, пожилая женщина, указав на подушку, молвила:

— Хорошим детям за послушание Святой Николай дарит подарок, который находится именно там!

Никитка откинул подушку и увидел шоколадного зайца, а рядом красовался цветной картинкой маленький календарь.

— Ух ты! — воскликнул Никитка и обнял бабулю.

— Подожди, дорогой, у меня для тебя есть ещё кое-что.

С этими словами пожилая женщина отлучилась в соседнюю комнату. Когда она вернулась, в её руках была икона с изображением старца. Внимательно присмотревшись, Никитка воскликнул:

— Да, это он мне приснился! Я узнал! — лицо внука озарилось лучезарной улыбкой.

Валентина Ивановна тоже улыбнулась.

— А я и не сомневалась, что это был действительно Он.

5

День Святого Николая в этом году выпал по календарю на выходной день, поэтому бабушка с внуком никуда не торопились.

— А знаешь что, бабушка?

— Что? — спросила Валентина Ивановна.

— Давай икону поставим в моей комнате на тумбочке, которая у кровати. Я по утрам буду всегда смотреть на образок...

Бабушка подошла и крепко обняла внука.

— Конечно, мой милый!

* * *

В силу своего возраста Никита многого ещё не знал. Не знал и того, что рано утром, пока он спал, бабушка поехала в храм на службу, помолвившись, приобрела для внука икону. Интересной и непредсказуемой порой бывает наша жизнь. Множество поворотов, того и гляди, можно сбиться и пойти не по истинному пути...

6

Быстро летит время. Никитка перешёл во второй класс.

— Совсем уж взрослый стал! — одобрительно вздыхали сидящие на скамейке у подъезда старушки-соседки.

Однажды мальчик застал бабушку за чтением книги. Когда Валентина Ивановна отлучилась, внук взглянул на обложку. Надпись гласила: «Молитвослов».

— Так вот что читает бабушка! Наверное, нужная книга, — подумал мальчик.

Зайдя в комнату, бабушка обнаружила, что книга открыта не на той странице, где была изначально, а рядом стоял её внук.

— Бабуль, расскажи мне о книге, которую читаешь, — смутился Никитка, увидев Валентину Ивановну.

Бабуля рассмеялась и добавила:

— Конечно, расскажу! — улыбка согрела по-родственному теплотой, и Никитка, уместившись рядом на кровати, приготовился слушать.

— Я рада, что ты заинтересовался этой книгой, она не простая — это Молитвослов. Книга, в которую входят молитвы к святым.

— Бабушка! А меня научишь молитвам? — заволновался Никита.

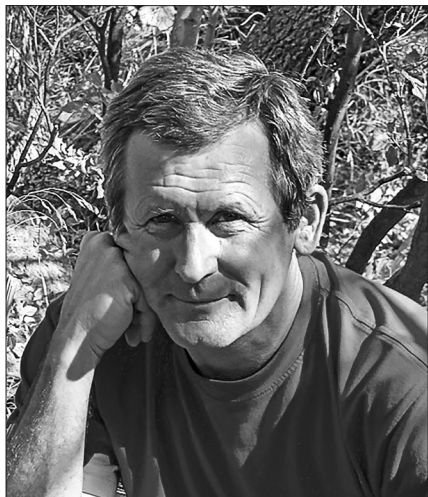
— Конечно, научу, но нужно истинное твоё желание! Прислушайся, что велит тебе сердце и душа?

Мальчик помолчал пару минут, а потом шёпотом ответил:

— Научиться понимать других людей, надеяться, верить и... любить!

Валентина Ивановна обняла и поцеловала внука.

Борис ТЕНИГИН —
*родился в Крыму и через всю жизнь
 пронёс любовь к родным местам.
 С детства его влекли небеса, но за-
 кончив среднюю школу и не став
 лётчиком, о чём мечтал, поступил
 в Рижский Краснознамённый ин-
 ститут Гражданской Авиации.
 Желание писать началось со школь-
 ных стихов. Ими парень исписал не
 одну тетрадь.
 С первого курса тренировался в сек-
 ции альпинизма. Вся дальнейшая его
 жизнь после учёбы связана с горами.*

*После учёбы в Риге жил и работал
 в средней Азии, в отпуск отправляясь в горы. И в 1978 году он выпол-
 нил норму мастера спорта.*

*Проработав три года в аэропорту Ош, возвратился в Крым. Рабо-
 тал инженером в Симферопольском аэропорту, научным сотруд-
 ником Института Геофизики АН УССР. Его научные статьи по
 сейсмологии опубликованы в международном журнале «Геофизика».
 С распадом СССР и прекращением финансирования по теме, ушёл
 профессионально в альпинизм. Руководил рядом экспедиций агент-
 ства «Диамир» на высочайшие вершины Памира и Тянь-Шаня. По-
 лучил образование и диплом учителя горных лыж.*

*Последние годы живёт в старинном городе Германии Трир. Летом
 по-прежнему работает гидом и учителем лыж в Альпах.*

*В 2020 году издательство «Zelta Rudens» опубликовало его книгу ли-
 рических рассказов «Жозефина», а спустя полгода в этом издатель-
 стве вышла следующая книга — «От вершины к вершине».*

РОЖДЕНИЕ ДНЯ

В пятидесятых-шестидесятых годах в Ялте была традиция: отды-
 хающие в различных санаториях на стареньком автобусе подни-
 мались по серпантинам дороги Ай-Петри к метеостанции на пла-
 то, чтобы увидеть с вершины восход солнца из моря. Картина эта
 неповторима, трудно передаваема. Потому романтики ждали этого
 момента, проделав длинный путь и пренебрегая холодом ночи на
 приличной высоте.

... Далеко в глубине лежал в темноте город, подсвеченный лишь
 огнями фонарей. Но небо быстро светлело, и в следующую минуту лез-
 вием бритвы красный луч на горизонте разделял небо и кромку моря.

И солнце всходило. Медленно огненный шар всплывал из воды. И тут
 же простиралась солнечная дорожка по глади моря в сторону альпи-
 нистов, касаясь лишь зубцов Ай-Петри. Скалы розовели. Уже было
 больно смотреть в сторону солнца, оно стремилось вырваться из пу-
 чин моря и осветить землю. Через несколько минут это свершалось.
 Вначале блестели в его лучах верхушки сосен, уцепившиеся за ска-
 лы, потом освещался золотом света лес. И наступал торжественный
 момент: диск солнца отрывался от кромки моря. Залитый золотистым
 светом город просыпался, наступал день, оставив короткую летнюю
 ночь позади.

Альпинисты начинают восхождения на Эльбрус, Монблан, другие
 высокие горы очень рано, в ночи. И картина восхода в горах всегда
 впечатляюща, так же неповторима. Но этот завораживающий восход
 солнца в горах несравним с восходом солнца из моря. Эту картину
 я вижу на четырёхтысячной высоте, поднимаясь к вершине Монблана.

Вначале лишь фонарик высвечивает в кромешной черноте ночи
 десяток метров пути, и ещё не видно даже ярких здесь, в поднебесье,
 звёзд, потому что фонарь слепит ваши глаза. Далеко внизу лежит
 залитая ночными огнями Женева, где в казино ещё кипит жизнь,
 гуляют в поздний час влюблённые...

Холодный электрический свет радует взор, но не греет вас. Но
 глядя на огни ночного города, восходить к вершине становится легче,
 веселей, и холод более не дожимает вас. Ещё через час огни Женева
 бледнеют, а силуэты гор становятся ярче на фоне чёрного неба. И ско-
 ро, минутами спустя, цвет неба уже другой, оно светлеет, чёрный цвет
 превращается в лазурь. Я всегда на восхождении жду этого момента,
 когда можно отключить ненавистный мне свет фонаря и любоваться
 звёздным небом. Для восхождения света звёзд в этот предрассветный
 час достаточно.

И вот наступает час восхода солнца из-за вершин гор. Он всег-
 да необычный. Внизу, в долинах, не увидеть этой картины, только
 альпинистам доступна она. Внизу этот эффект совсем другой. Синие
 ледники в один момент розовеют, и наливаются светом снежные скло-
 ны окружающих вершин. Звёзды угасают, а небо из светло-голубого
 окрашивается в космические цвета. Я люблю этот час, этот момент.
 Я всегда на восхождении жду его. Фиксирую в памяти, иногда на фото.

А потом, при солнышке, происходит обычная работа: многоча-
 совое восхождение на вершину, когда открываются всё новые заво-
 раживающие пейзажи, в новом ракурсе разворачиваются вершины
 окрест. Восход солнца из-за гор остаётся самым ярким за весь путь
 к вершине.

В родном городе, в Ялте, я встаю за четверть часа до рассвета,
 спускаюсь к морю, бегаю по набережной Массандровского пляжа,
 поглядывая на восток. Наступает рассвет. От кромки моря тянется
 к берегу солнечная дорожка. В это время я ныряю и плыву навстре-

чу солнцу. Как всплывает подлодка, красно-оранжевый диск на горизонте вырывается из морских пучин. Щёлкают камеры, редкие в ранний час туристы спешат запечатлеть на фото красивый восход. Местные бабушки уже плавают или гуляют по берегу. Одной-двум парам влюблённых не хватило ночи. Я плыву как можно дальше по солнечной дорожке до тех пор, пока не остановит холод или разлетится отблесками по глади моря мой путь. Тут же освещаются горы, розовеют скалы, очаровывающие глаз своим цветом. Теплом и светом наполняется город.

Во все времена года можно увидеть эту сказочную картину. Блестящие крыши домов, кулиса розовых гор, перламутровый сосновый лес над Ялтой... Как можно быть равнодушным к подобной красе природы?! Однажды, вспомнив, как я ночевал на плато Ай-Петри, я решил сделать ночной поход в горы. С налобным фонариком в час ночи я вышел из Ялты. «Тарахташскую» тропу я хорошо знал. Днём путь до плато не более двух часов, ночью дольше. Но до раннего летнего рассвета было далеко, и я не торопился: останавливался, любясь огнями ночной Ялты. Когда я был на середине пути, с моря потянулись облака. Далее я поднимался в густом тумане, но не думал поворачивать назад. Я чувствовал и знал из опыта, что облачность низкая, и скоро я буду выше её. Выйдя на плато, увидел звёздное небо над собой. Ожидания сбылись, и теперь оставалось ждать восхода, но не из Чёрного моря, а из облачного моря. Это не расстроило меня. И я дождался этого момента. Взошедшее под облаками солнце рассеивало свет в облаках, а на верхней кромке облаков высветился огромный красно-оранжевый диск. Потом бледно-оранжевой стала вся поверхность плотных облаков, когда солнце поднялось до их края...

ПОЭЗИЯ

Пётр ПЫТАЛЕВ —

поэт, прозаик, драматург, литературный критик. Родился 25 июня 1941 года в селе Семцы Брянской области.

Окончил Семеновскую среднюю школу в 1958 году с Золотой медалью (в этой школе сейчас — музей его имени, его книги изучаются в школьной программе «Литература родного края»). Получил два высших образования — Одесский электротехнический институт связи и Литературный институт имени А. М. Горького. Член Союза писателей СССР с 1986 года, член НСПУ (Национального союза писателей Украины) и МСП (Межрегионального союза писателей); лауреат литературной премии имени Микола Кулиша и Бориса Лавренёва. На стихи Петра Пыталёва написали музыку (песни и романсы) композиторы: Г. Крылов, А. Шейченко, Н. Шершень, Ю. Бережко-Каминская.

Окончил Семеновскую среднюю школу в 1958 году с Золотой медалью (в этой школе сейчас — музей его имени, его книги изучаются в школьной программе «Литература родного края»). Получил два высших образования — Одесский электротехнический институт связи и Литературный институт имени А. М. Горького. Член Союза писателей СССР с 1986 года, член НСПУ (Национального союза писателей Украины) и МСП (Межрегионального союза писателей); лауреат литературной премии имени Микола Кулиша и Бориса Лавренёва.

На стихи Петра Пыталёва написали музыку (песни и романсы) композиторы: Г. Крылов, А. Шейченко, Н. Шершень, Ю. Бережко-Каминская.

НОВОЗАВЕТНОЕ

МОЯ МОЛИТВА

Что бы ни могло со мною стать —
Из ночной безмолвной темноты,
К самой Высшей для людей Инстанции
Обращаюсь устно и на «ты».
Днём куда б ни вывела кривая,
Что познал — уродство иль красу:
«Слава тебе, Господи!» — сперва я,
Как пароль души, произнесу.
Неудачи ли переносил я,
Доставала ль быта дребедень,

Говорю я: «Господи, спасибо
 За прожитый в осознанье день».
 Даже если я отдал все силы
 Для свершенья праведности дня,
 Я молю: «О, Господи, помилуй
 И прости, прегрешного, меня».
 И с надеждою на новый день я
 Только две лишь просьбы отберу:
 Сна глубокого, как полное забвенье,
 Доброго здоровья поутру.
 Я молитву заключаю: «Боже,
 Пусть Тобой дом будет мой храним:
 И прости им, и пошли им то же —
 Всем моим и близким, и родным».
 ...Мысленно ли, шёпота ли тише
 Я к Тебе всем сердцем воззову:
 Знаю я, что я Тобой услышан,
 Потому что я живу,
 Живу!

ОТ МАТФЕЯ, 5–44

1.

Разве хомо — сапиенсы? С нами
 (Вод сколь утекло и утечёт)
 Не землетрясения, не цунами —
 Сами сводим беспощадный счёт.

Не уразумелся человеку
 Мировой пропащести секрет:
 Драки, битвы, войны — всё спродвеку
 Сводят то, что строим мы, на нет.

Получив от Господа скрижали:
 «Не убий!» своих или чужих, —
 Мы детей во множестве рожали
 И учили убиванью их.

Вновь и вновь воинственно кричим мы,
 Метим ставить Каина печать,
 Ищем: нетерпимости причину,
 Ненависти как бы оправдать.

Вроде, вспомнили святое слово,
 Но душа по-прежнему глуха
 К заповеди, к л ю ч е в о й, Христовой:
 Возлюби врага!

На державном уровне и в быте:
 Бог — один, различны алтари...
 Помолись за тех, кто нас обидел,
 Ненавидящих тебя благотвори!

2.

...Был закон у Древнего Востока,
 Что и в нас, в крови, спродвеку есть:
 «Зуб за зуб» и «око чтоб за око» —
 Долг святой, святое чувство — месть!

Вдруг явился... Непонятный...
 Станный...
 Будто предков честь недорого,
 Исповедовал бесстрашно, неустанно
 Свой Завет Он: «Возлюби врага!»

Возлюбить того, кто близких губит?
 Душит всех, владеть нагрязнул всем?
 «Возлюби!» И если враг возлюбит —
 Вот решенье мировых проблем.

Стало ли за тыщи лет спокойней?
 Удалось искоренить беду? —
 Всё масштабней, всё ужасней войны,
 Плюс — разборки дикие в быту...

Люд не чувствует в чаду угарном
 Под ногами гибельной зыби...
 А Христос всё так же лучезарно
 Верит в каждого и просит: «Возлюби!»

Только потому не гаснет вера,
 И всё стало б ладно, если б вы
 Для Христовой, н а ш е й н о в о й э р ы,
 Прибавляли собственной любви.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

С неба сыплется снежная манна —
 Чистота её не обманна.
 Всё, до видимых нами пределов,
 Стало вмиг удивительно белым. —
 Цвет не тронутой ложью бумаги!
 Всюду — переговорные флаги!
 Где б ты ни был и кем бы не был —
 К примиренью взывает Небо —
 Непредвзято и бескорыстно —
 Гнева всякого гасит искры.

г. Херсон, 07. 01. 2017 г.

* * *

Отшумело рождество Христово,
 Снова — суета рабочих мест.
 И казённое тоску наводит слово,
 И опять нести с л у ж е б н ы й крест.
 Подними, всё ж, взгляд свой от работы.
 Есть всегда отрада, не секрет:
 За стеной у Матушки Природы
 Нету праздников — но будней тоже нет!
 Все дела бумажные отринув,
 Глянь в окно — захватывает дух:
 Облаков разорваны перины —
 Плавно падает лебяжий пух.
 Снегопад, нам с Неба свет несущий, —
 Нам, закомплексованным уже, —
 Скажет: добывая хлеб насущный,
 Не забудьте, люди, о душе!

* * *

Гениальный хирург Пирогов,
 Христианских полон идей,
 Никогда не делил людей
 На хороших своих и — врагов.

Он во франко-прусской войне
 Был враждующими равно зван:
 Он спасал от тяжёлых ран
 И на сей, и на той стороне.

И чтоб врач остался живой,
 Фронта линию перехода,
 Гром орудий стихал загодя
 И свист пуль над его головой.

А поэт — лекарь душ — опять
 Служит непримиримости... Рад
 На одной стороне баррикад
 Конфронтацию воспевать...

Но заветнейшее скажу:
 Ради общей лучшей судьбы, —
 Вот, стереть бы взаимной злобы
 Разделительную межу!

* * *

Всюду-всюду поздно иль рано
 (Из любви, а не по злобе)
 Из кумиров творим мы тиранов,
 Не давая отчёта себе.
 Всюду-всюду поздно иль рано
 (Из высокой державной любви)
 Нас пропальывают тираны,
 Бросив жребий: живи — не живи...
 На кумиров меняем тиранов
 В гневе праведном (как бы не так!):
 Режем их, как старых баранов,
 И стреляем их, как собак...
 В генах, что ль, роковое что-то,
 Будто Каинова печать?
 Из кровавого круговорота
 Только Господу прокричать:
 «SOS!»

ОВИДИЮ¹

Один мы на один. Стою у края сквера:
Ты — сосланный сюда, в командировке — я.
Меж нами — 5 шагов, меж нами — н а ш а э р а, —
Поэтам ли молчать, боль Времени тая?

Ты помнишь, человек бродил нагим и босым
(Коль шкуру надевать не звали холода)?
Сказать, подвергся ли
каким метаморфозам
За 20 он веков упорного труда?

Он стал теперь летать — куда быстрее птицы,
Быстрее рыбы плыть... И всё вперёд, вперёд!
Он превзойти богов в могуществе стремится
И, зная, что их нет, в соперники берёт.

Сиюминутных благ всё больше добывает,
И самого себя он стал изобретать.
Изобретеньями Природу добывает —

И чтоб её лицо
                                перед самосожженьем
Не досаждало, он, самообманом пьян,
Любуется её былым изображеньем,
Уставясь в книгу, холст или в цветной экран.

На что растратил лет отпущенные тыщи?
На что он разменял
                                трильон разумных дней?
Быть может, стал добрей, отзывчивей и чище?
И любит глубже он, возвышенной, нежней?

Вот парочка идёт, и, Бронзовый Овидий,
Взволнованное «да» услышишь, может, ты...
Но, чтоб ты не страдал, все наши беды видя,
Всё скульптор воссоздал —
Глазницы лишь
Пусты.

г. Бухарест, 1988 г.

¹ Памятник *Овидию* в Бухаресте близ нашего посольства.

Хлеб взошёл ли, молоко ли скисло,
Червь ползёт, иль человек поёт, —
Всё полно Божественного Смысла:
И паденье в бездну, и полёт...

Всё в Его неукротимой воле:
Путь спрямит, завяжет ли узлом...
Только для чего Он нам позволил
Делать выбор меж Добром и Злом?

Тщусь напрасно Замысел понять я,
Не продвинусь сам я ни на пядь:
Зло с Добром в смертельные объятья
Бросились, и мне ли их разнять?

И когда мне ни к чему мой выбор,
И не видно впереди ни зги,
Только крик к Спасителю мне выпал:
Боже Правый,
                                Боже, помоги!

Когда мы любим: «Каждый день я, —
Природа тихо шепчет нам, —
Тепло, и свет, и наслажденье
По щедрости великой дам...»

Когда друг другу — как чужие,
Не слышно добрых слов уже,
Природа смолкнет. А Стихия —
Настороже. Настороже...

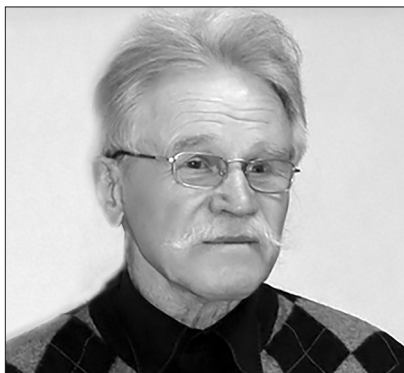
Когда мы ненавистью пишем,
Гвоздя друг друга, входим в раж,
Мы связь теряем со Всевышним —
Он больше не защитник наш.

Град, буря, дым — чернее ночи,
Гром, грохот, рёв — как в Судный Час:
Природа докричаться хочет
До обезумевших, до нас.

* * *

На земле жизнь всегда убога,
 Рай на небе, но отчего
 Верят люди не то чтобы в Бога, —
 В толкователей Слова Его.
 Толкователь Слова всё выше
 Жезл святой поднимает в руке,
 Будто только он со Всевышним
 Был воистину — накоротке.
 Не что с ы ш е, а нечто иное
 Проповедуют изнутри:
 И церковные чиновники,
 И сектантские «бунтари»...
 Не тревожу я всуе Имя,
 Но я верю: в час Судного дня
 Сам Господь непременно примет, —
 Без посредников этих, — меня.
 Покаянно склоню я плечи
 С ношей той, что уж не по плечу:
 Лишь Ему откровенно отвечу
 И своё от Него получу.

Александр НИКИТИН —
 крымский писатель, член Крымско-
 го регионального отделения Союза
 писателей России имени А. И. Дом-
 бровского и Литературного обще-
 ства имени А. П. Чехова в Ялте.

Я ГОРД, ЧТО В КРЫМУ ПРОЖИВАЮ

НЕОЖИДАННЫЙ ТРОФЕЙ

*«... Пока не похоронен последний убитый солдат,
 война не закончена...»*
А. В. Суворов

В экскурсии на Камень красный...
 В одном из живописных мест
 Немецкую нашёл я каску,

Железный крест,
 Полуистлевшую перчатку,
 И в ней «костяшки» от руки.
 Хоть повод был, по сути, зряшный,
 Но вот заставил загрустить.
 По каске кто-то бил прицельно,
 Отверстий пять и всё — сквозных.
 В сорок четвёртом, в день апрельский
 Стрелок из недр весны возник.
 Врага увидевший воочию
 Шепнул: «Держи! За нас, за всех!»
 И жирную поставил точку.
 Упал противник, захрипел...
 А на цветах шмели гудели,
 Между камней ручей звенел,
 Дрозды почти безумно пели,
 Вокруг подснежники белели,
 И от пролесков склон синел.
 Но ни словечка, ни дыханья
 Не слышалось из мёртвых уст,
 А на ремне, как заклинанье,
 Сияла надпись «Got mit uns!»
 Блажен, кто верует, и всё же
 Гораздо больше нужно знать.
 Ведь это ж надо, в Крым приехать,
 Чтоб жизнь отдать!

А там, в далёком Дюссельдорфе,
 На Рейне — фрау, киндер, дом,
 Стол у окна, лежит на нём
 Письмо: «Я на восточном фронте...
 За храбрость награждён... крестом».

Есть на земле места, где грустно,
 И Крым — одно из этих мест —
 Дырявый шлем на стенке русской,
 В коллекции железный крест...

У победителя, — как странно! —
 Полуразрушена страна,
 И не закончилась война,
 С плеча до полы ордена
 И перемены, — беспрестанно...

ЭКС-ДРУГ

...И было слово... Слово — друг!
Его не произносят вдруг:
Ведь где-то там... три пуда соли,
Делили радости и боли,
Там были найдены подковы...
Лещём хлестнула фраза: — Кто вы?
Я вас не помню... Нет, не помню...
И сердце отозвалось болью.
Зальёт лицо и уши краска,
Когда «дешёвая отмазка»
Души его захлопнет створки...
«Ну, что ж, тебе удобней в норке...»
Кто ж по живому тупо режет?...
И долго будет рана свежей.
Как тронешь, так кровит и ноет.
«Да ну его, оставь в покое!.. —
В ночи бессонной скажет разум, —
В нём время учинило кражу...»
Но юности тревожит зуммер:
Гораздо лучше, если б умер...
Душа могла б слететь к застолью,
Её б встречали хлебом, солью.
А взаперти — одни печали...
Друзья! Ну что вы замолчали?
.....
И вновь идёт кувшин по кругу
От друга к другу...

* * *

Удача — она, как птица —
Не каждому на плечо...
Ко мне иногда садится,
У птиц ведь своё чутьё...

Кровь в голову... Спесь зашкалит...
Создатель одёрнет: «Стоп!»
Прими валерьянки, шкалик, —
Ты для стихии — «клоп».

И где ж твоё чувство меры?
Дарами не подавись.
Лишь тем, кто не жаден к перлам,
Полёты назначены ввысь.

И тот, кто не падал духом,
И тот, кто душой не сер,
Услышит внутренним слухом
Благовест высших сфер.

О РОДИНЕ

Здравствуй, друг! Как дела за кордоном?
Говоришь, наслаждался Армстронгом,
Кока-колой, Голливудом, «Versace»...
Взять меня с собой поставил задачу...
Мне не надо начинать жизнь сначала,
У чужого колобродить причала.
Ветер Родины в лицо — поднят парус,
Обо всём, что натворил здесь, — не каюсь!
Всё, что нужно мне для счастья, — в комплекте:
Это дом родной, друзья, жена, дети,
Музы, флейта, гармошка трёхрядка...
Друг, поверь, что у меня всё в порядке!
Не нужны, пойми, чужие мне тропы.
Я прошёл тайгу, торосы и топи...
Я не против, если будет попутчик,
Если только не слабак, а покруче.
В сердце Русь! Пытай огнём — мучай мезью,
За неё и жизнь отдать — дело чести.
В лоб скажу правду-матку, — не скрою —
За слова всегда плачу я с лихвою...
Видишь, шрамы — украшение и гордость,
Потому на зависть многим — не горблюсь.
От России к России... «гуляю»,
И другого не надо мне «рая».
За кордоном у тебя — всё иначе...

Я тебе, дружок, желаю удачи!..

О дальней сторонке расскажет мне птица,
 Что хочет в саду моём старом гнездиться,
 Пока все не станут птенцы на крыло...
 Вот время прошло и листвы намело,
 К заборам, к домам. Ветер рваные тучи
 Задёргал, характером вредным измучил.
 Они заспешат за моря, к горизонту
 По мрачному с ночи Аксинскому понту.
 И птицы туда. Слышу крики печали.
 И так дважды в год, то в конце, то в начале.
 А эхо в душе в эту позднюю осень,
 Отбившись от стаи, уюта попросит
 И в тёмные зябкие зимние ночи
 Уляжется в строчки.

КАФА

(Невольничий рынок)

Фрагмент из истории Родины выну:
 Древнейшая Кафа — невольничий рынок:
 Налево — окрестности ирбиса шкурой,
 Направо — дувал с серо-грязной фактурой.
 Верблюды, ослы, кони в танце и люди
 Одних Бог лелеет. Других он не любит...
 Вот целится палец, вот замер: «Мне эту!»,
 И падают в алчную руку монеты...
 Смуглянка покорная с мраморным ликом
 Склонилась. Зашлось её сердце от крика:
 — Всё кончено!
 — Что там за странные звуки?
 Младенцы кишат,
 — Эти — будут мамлюки:
 Не зная родства... Тренированы с детства.
 Не дрогнет рука. Меч, направивший в сердце —
 Предельно жесток. Нет любви и нет братства...
 Обучен в бою до последнего драться,
 Он предан султану...
 Как овцы в отаре
 Томится ясырь, а торговец в угаре:
 — Работников пару за сотню динаров!
 — Нет! Этот не нужен! Какой-то «огарок».

Тот! Мышцы-верёвки. А зубы в порядке?
 — И этого тоже... Устроили прятки!
 — Якши! По рукам!
 И получена плата
 И снова хватают за крылья халата,
 Товар предлагая.
 Торговля в разгаре...
 Жжёт солнце в зените... Всё меньше «в отаре»...

А проданных скопом и врозь — на причалы
 Аскеры в тюрбанах сгоняют. Качала
 Погода шаланды, где не до простора...
 ...А там до Босфора...
 И гвалт затихал...
 Только кучи навоза
 Вокруг источая не запах амброзии,
 Лежали, как фактор гнуснейшего дела,
 и мёртвое тело...

А время текло, как песчинки с обрыва...
 Уборщика ослик стоит сиротливо
 под спелой сливой...

ПИСЬМО

Письмо пришло. Весть на листе
 Донёс мне почерк ровный...
 С тобой мы братья во Христе —
 Надёжней, чем по крови.
 Добро, коль вера глубока,
 Сплошь: крест на лоб и мимо.
 Хранит Всевышнего рука
 В хламиде пилигрима.
 Хоть верить трудно, счастлив ты,
 Ты пишешь слогом лёгким,
 Слова, как яркие цветы,
 С тем запахом далёким
 Тех стран, где ты пером водил
 На крыльях впечатлений.
 И мысленно я тоже был
 С тобой под этой сенью.
 Спасибо, друг! Спасибо, брат!
 Скажу я многократно.
 И, принимая звёзд парад,
 Шепчу: «Дойди обратно!»

ПИСЬМО ИЗ АРХИВА

Обнаружил в архиве недавно письмо,
 Перетянутое благородной тесьмой...
 Лирик я, и душа не гранит и не сталь...
 Почему же читать его в прошлом не стал?
 То ль обида, то ль глупость, иль что-то ещё
 Переполнили в юности жизненный счёт.
 А Фортуна швырнула посланье небрежно.
 Были в нём: крик души, ожиданье и нежность...
 И признанье в любви, извинения, грёзы...
 Жаль, что я посчитал нашу встречу курьёзом.
 А её поведение — игрою удачной.
 Потому пил и пел, и не ставил задачи.

Тесен мир, повстречались спустя четверть века.
 Так бывает, коль ты под небесной опекой...
 Утопая в глазах, что, скажите, ответить,
 Слыша стон: Ах, какие красивые дети,
 У тебя, дорогой!.. Затихающий цокот
 Каблучков прозвучал, словно танковый рокот,
 Раздавивший душевный покой... И в дальнейшем
 Ощущаю я душу путаной... иль гейшей...
 Всё ведь в прошлом, но хитрое чувство вины
 Часто колкости шепчет мне из-за спины...
 Я не верил, что память способна на мщенье...
 Дай нам встречу, Создатель!
 Нуждаюсь в прощенье!..

Я ГОРД, ЧТО В КРЫМУ ПРОЖИВАЮ

Есть шанс совершить мне на Мальту бросок,
 Могу я достичь и альпийских высот,
 Лишь сутки мне до Эвереста,
 Но всё же не сдвинусь я с места...
 Не спорю, прекрасны Афины и Рим,
 Но здесь — необъятный мой маленький Крым,
 Здесь горы, здесь степь, даже броды,
 Следы приходящих народов:
 И скифов, и греков, литовцев, хазар.
 Здесь небо — лазурь, а вино — что нектар,
 Закаты у тёплого моря,
 Здесь музы по-доброму спорят.

Здесь Русь начиналась, светились кресты,
 Великие здесь «наводили мосты»...
 Царит атмосфера благая...
 Я горд, что в Крыму проживаю!

ТРЕТИЙ ЗВОНОК

Третий звонок... Поезд тронул.... До встречи!..
 Память, бывшее в копилку прими.
 Мы очень заняты. Мир переменчив.
 Я из Гурзуфа, а ты из Перми.
 Лето короткое, не до вопросов.
 Вот отзвучало, и в сердце печаль.
 Кажется: душу швырнул под колёса —
 Это финал... И начало начал...
 Жаль, оказался совсем не готовым
 Я к переменам. В слезах ты звала...
 Правда, признаюсь: я очень взволнован...
 Были...

полёты...

в четыре крыла...

В адресной книге гербарий — не шутка:
 Крокус, фиалка, подснежник, нарцисс;
 Странно, но ты до сих пор — незабудка!
 Вспомнишь, о встрече Творцу помолишь.
 Может, услышит, кивнёт и планеты
 Где-то в галактике выстроит в ряд.
 Наша планида в розовом свете
 Снова наденет весенний наряд.
 Третий звонок... Поезд тронул...
 До встр-е-е-е-чи-и!
 Память, бывшее в копилку прими...
 Мы очень заняты. Мир переменчив.
 Я из Гурзуфа, а ты — из Перм-и-и!

* * *

Я, как яхта, стою у «причала»,
 Моя гордость всегда на часах,
 Если только ты скажешь мне: «Чао!»,
 Я тотчас подниму паруса...

У бродяги в морях море смысла,
А иначе, какой он моряк?
Вот опять за кормою повис он,
«Южный крест». Не исчезнет никак,

Все зовёт... На мякине гадаю,
Вновь смогу ли войти в эту дверь?
И никто мне не скажет, я знаю,
И надежда одна — на апрель.

Когда цвет, когда буйствуют соки,
И Эола весенний дурман,
Я услышу твой голос, далёкий,
И за словом «полезу в карман...»

У РУБЦОВА

Я был на родине Рубцова в тот месяц май.
Рассвет раскрашивал пунцово холодный край.
Он после зимней спячки грустен, лишь склон парил,
И эхо откликалось хрустом. А соловьи,
Наверно, были на подлёте, как и тогда,
Когда войной в семью Рубцовых пришла беда.
И запуржили, закружили судьбы снега...
Оно б неплохо быть двужильным. Ведь берега
Круты у матушки-России, и в кровь сдирал
Ладони. Сколько было силы, путь выбирал.
Один, без компаса и лоций. Далёк причал...
Он — кладезь образов, эмоций, вдруг зазвучал.
Сначала «Горницей», «Букетом», потом ещё...
Как долго жить с душой раздетой? И вот он, счёт:
За жизнь убогую, сиротство и за прорыв...
Сражён на поле минном — плотском. Не жизнь, а миф!
За что, судьба, ты так с Рубцовым? Ответь... Молчишь?
Ты, Вологодский край, в два слова, мне нашепчи...

Илья АРГЕНТУМ
(Илья Олегович Приходченко) —
родился и живёт в Павлодаре.
Филолог-русист по образованию,
работает в университете, учит-
ся в аспирантуре. Стихи пишет
с детства.

Неоднократно публиковался в об-
ластных и республиканский перио-
дических изданиях, литературных
журналах («Айдын», «Найзатас»,
«Простор»), на литературных
интернет-сайтах («Российский
писатель», «Литературная газета»), альманахах («Нигилист»,
«Балтика»), сборниках («Ертыс толкыны», «Казахстан-Россия»,
«Первая книга», «Июнь, шестое, Пушкин...»). Лауреат многих ли-
тературных конкурсов.

Сотрудничал с народным молодёжным театром «Промень» (г. Пав-
лодар) как поэт-песенник, принимая участие в создании мюзиклов
«Бурлеск» (2014), «Ромео и Джульетта» (2015), «Хорнады» (2016).

* * *

В моём маленьком мире играет задумчивый джаз,
Пыль танцует углами, колышется вязь паутин,
На часах уже полдень, сегодня я в мире один,
Выключаю себя — зажигается медленный газ.

Пришло время готовить катрены — нехитрый обед:
Хруст рифмованных строчек, забытого крепкий глинтвейн,
Что, как кровь искупления, горек и благословен,
Что весенним лучом заливают шершавый паркет.

В моём маленьком мире играет отчаянный блюз,
День качается с музыкой в такт и дробится в стекле.
Этот маленький мир бытовой поэтический плен,
И едва ль кто способен избавить от радости уз.

В моём маленьком мире закаты нежны и долги.
Смерть приходит на ужин, мы пьём монастырский кагор,
Мы смеёмся и шутим, заводим какой-нибудь спор,
Обсуждаем обязанности, вспоминаем долги.

В моём маленьком мире среди сумерек бьётся печаль,
Мотыльком прилетая на жёлтый фонарик окна.
Густо красен кагор, и мы пьём эту гадость до дна,
Провожая апрель, поминая минувший февраль.

В мои окна порой наклоняется вдумчивый бог,
Наблюдает за стиркой, готовкой и чем-то ещё —
И поймёшь между делом: очищен, отпущен, прощён,
И на что-то способен, и в целом не так уж и плох.

Там, в мирке, где шатаются ноты и ткуются стихи,
Там, где в шторах запутался львятами солнечный свет,
По соседству живёт никому не известный поэт,
Что не самый плохой среди самых, возможно, плохих.

Он мешает глинтвейн, сочиняет строку за строкой,
Бредит день ото дня и смешит хохотунью с косою,
Где задумчивый джаз напевает стихам в унисон,
В этом маленьком мире, где так широко и легко.

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Светлана ТРУБНИКОВА

(г. Симферополь Республика Крым, Россия) — студентка факультета непрерывного образования по подготовке специалистов для судебной системы Крымского филиала Российского государственного университета правосудия.

Победитель и лауреат различных творческих конкурсов и фестивалей, в числе которых «Весенний кубок по Литературному СЛЭМу-2023», VIII открытый

Крымский фестиваль-конкурс художественного слова «О главном на родном языке», Творческая мастерская молодых литераторов Крыма, XX Балаклавский поэтический фестиваль «Пристань менестрелей», Международный литературно-музыкальный фестиваль «Седьмое небо». Участница XIII Республиканского литературного семинара молодых авторов Крыма «Начало». Автор сборника стихотворений «Диалог сквозь монологи» (2022).

ГЕРОЮ, ОГНЮ, СЕРДЦУ

*Вставайте, пойдём в лес
и пройдем его сквозь,
ведь имеет же он конец —
всё на свете имеет конец!
Идёмте! Ну! Гей!..
М. Горький*

Узоры застывшего льда
Отводят великое пламя;
Иссохшая в грязи рука
Возносит горящее знамя.

Люди всей вечности!
Люди мгновенья,
Погружённые в собственный шум...

Люди беспечности!
Люди сомненья,
Познающие завтрашний штурм...

Пламя последнего снега —
Выжимает до боли рука;
Грудь от всевечного бега
Отдаётся всей дрожью в висках.

Люди солнца!
Люди прощенья,
Уснувшие в годы войны...
Люди сходства!
Люди влеченья,
Минувшие звук западни...

Пламя всеобщего времени
Сгорает в прозрачном песке;
Созданный воин тотемами
Так гибнет в жестокой строке.

Люди огня!
Люди победы,
Вернувшие стоны и клятвы...
Люди — стена!
Люди — заветы,
Скорбящие в мире утраты...

Горит — как во сне высота —
Застывшее в разуме пламя;
Иссохшая в грязи рука
Поднимет великое знамя...

2022 г.

ИДЯ В НАЧАЛО

И грома раскаты — тревога начальных событий:
Грозою бросаются призраки звёзд.
Сегодня с тобою, как солнце в зените,
Кидаю слова на сгорающий мост.

Сверху нескладные, рваные мысли,
Собираюсь к тебе — пустой тучей с кривыми краями.
Дождь на меня приговорами брызнул!
Я домой возвращаюсь — к единственно-любящей маме...

2022 г.

Над пропастью дымятся звуки
Внутриутробного порока...
Сегодня творческие руки
У кисти

истинного
Бога!

Маяковский!

Пожарами строим поэмы сердец,
Живыми листьями выложили сюжеты!
Скажите, может, нас подожжёт
безупречный
конец

Начал революций в
искусствах
поэтов?

Маяковский!

Тонический стих
прочтём за потери
С надеждой на новый внутренний мир;
Сегодня в твоей безупречной манере
Даю
на себя
ориентир!

1. МИРУ

Оркестр души ноту одну
берёт а капелла,
А мы в листопадах забудем осень:
Эта мелодия
новой
эры
Красным оттенком
сияние просит!

Я знаю,
 придёт первозданная,
 Компас поставит на мнимый магнит,
 Скажет, что в лунных потоках летая,
 Сумасшедший
 будет
 велик.

Лучше сейчас,
 в это мгновение,
 Всем своим телом поторопиться!
 Может,
 другая такая потеря
 И через
 тысячу
 лет не повторится.

Вселенная возносит новые ландшафты,
 Вечность обновляется с людьми.
 Бесконечно и верно
 облетают астронавты
 Плоской материи
 сферы-корабли.
 А миллиметры земного шара
 Химерами
 закрыли
 поезда:
 У гения ночь — магнитом пульсара —
 Идею
 на вокзале
 родила.

2. ЛЮБОВЬ

Сквозь призму слов
 пронеси меня,
 искажая реальности;
 Через ливень читай мои монологи.
 Собственной мыслью любя,
 действием милости
 Отпусти,
 сохраняя тревоги.

И в печалях — безумная сила.
 И в счастье — кричащая слабость.
 Как бы меня паруса не носили,
 Всё время
 к тебе
 возвращаюсь...

Нет! О любви нужно кричать!
 Искать в этом крике
 бури сердца!
 Чтобы уже никто не смог отнять,
 Твой праздник грусти —
 стужу солнца.

Знаю,
 ты никогда не уйдёшь:
 Я в этом мире
 такая
 единственная.
 И наша любовь — сингулярности брошь —
 Как вакуумный космос — простая,
 таинственная.

3. ДРУГУ

Мой друг,
 я тебя во снах уже не вижу!
 Дружелюбные уносятся сияния.
 Ты меня отдай
 влюблённому Парижу:
 Не столице,
 а состоянию.

В зеркале морями мои глаза
 Выплёскивают воспоминания.
 И где-то в преломлениях
 бунтуют голоса.
 Мне кажется, они уже на грани...

И где-то там,
 на параллелях явлений,
 Памятью подарено будет мгновение,
 Когда миллиарды моих падений
 Уже не твоё —
 спасение.

4. РОДИНЕ

Вихрями дат изрыдалась душа,
Знойный порыв не откроет глаза.
Знаешь,

сегодня особенная пора:
Белым инеем
застревают фразы.

И в переломах
невыносимых строк
Неизгладимым покровом в лице анемия
Откроет сердечный
невинный порок,
А в нем аритмией
моя любовь
к России.

5. НАЧАЛУ

Ураганам слов приютом станет
Питер,
В рождениях метафор
воспевая свет.
На начальных этапах
поэтических
событий
Открывают сияния планет.

К сожаленью,
я не харизматичный гений.
Позвоночник сломился в утробе слов.
И если будет рожденье моих значений,
Прошу,
закройте меня
громадой строений
Маяковских строк!

31. 05. 2022 г.

НОВАТОРСТВО

Трансформация общества-разума
Доведёт до кричащего мнения:
Подростковая шаг-девиация¹
Уникального темп-поколения²?

Ни герои, ни образы — гении!
И ландшафты — дороги сверх судеб:
Это здания нового времени,
Это гимны разобранных студий.

И как хроносы³ между мгновением
Зародившейся пристани строчек,
Под забытым хрустальным течением
Появляется бардовский почерк.

Сумасшедший откроет дороги,
А новаторы строят империю:
Мы подводим другие итоги,
Мы с нуля перевозносим материю!

Это творчество веной ранений
Разрушает стандарты минувшего.
Мы на пике высоких падений
Для открытий резерва — идущего!

Мы на дне, но при этом великие:
Поколение нового ритма!
Из сердец поднимаем открытия
Сквозь ходы креативного флирта.

Не обуздана будет теория,
Но изрезана чувствами мускул —
Мы! — новейшая степень истории,
Создающая имя искусства!

¹ Первые шаги социального отклонения — подростковые.

² Поколение, живущее в темпе.

³ Частицы вечности, выражаемые в слишком быстром для человека ритме за короткий промежуток времени, поэтому недосыгаемы (от «Хронос» — олицетворение времени: прошлое, настоящее, будущее и вечность).

Технология цифрами падает,
Интеллекты страдают в агонии.
Но мы всё-таки строим парадными
Бесконечные смыслы симфонии.

Если сервер разгонится рельсами,
И машинами рухнет эпоха...
Мы по-прежнему, будучи честными,
Не скрываем, что нам одиноко...

Не воздвигнутся гайками страны,
Не взойдет между близкими ненависть,
Если словом заменят вулканы
На палящую скромную искренность.

Мы испишем альбомы каскадами,
Стадионы откроем лексемой:
Наши смыслы построит цикадами⁴
Андеграунд масштабной премьеры.

Современная ёмкость культуры
На фасадах трагедий сюжета
Впишет строки великой фигуры
Сквозь просторы особого света.

Это баттл объёмом феерий,
Это в вальсе сойдутся планеты:
И оставшийся простенький гений
Сможет быть в это время поэтом.

И на ринге победа рельефами
Измеряется новым сознанием:
Это ритмы великого века —
Для поэтов — триод⁵ мироздания.

В центре смыслов — сплетение истин:
Будет слышен ещё один город.
На развалинах творческой призмы
Каждый ждёт одного разговора...

⁴ Режущее, пронзительно, многоголосое.

⁵ Электронная лампа (в значении: маяк мироздания).

Егор ЯВОРНИЦКИЙ —
окончил МБОУ СОШ 4 им. А. С. Пушкина.
«Третий год пытаюсь понять, что есть поэзия и кто в ней я. Поэзия третий год пытается понять, что есть она и кто она во мне».

1

с чьих витрин я спадаю лучом или тенью от мира,
не от мира сего, то есть не от себя, от других.
кончается строчка, сменяя мотив на свободу пунктира,
на свободу от стаи отбившихся птиц.

я посадил свою жизнь под замок из застёжек пальто,
толстая ткань преломляет лучи, не давая пробить оборону,
но какие-то тёмные мысли свили внутри гнездо,
приходится обращаться за помощью к капюшону.

как различить рассвет, если белки залились закатом,
если сплелись в морской узел извилины, как канат.
и каждый прожитый год раздражается звонким раскатом,
как снятый с предохранителя автомат.

а печаль умножается, покоряя искусственные рубежи,
распахивается пальто и душа выплёвывает весь морок.
к счастью — жизнь возврату не подлежит,
даже в случае форс-мажора.

2

в списках не значатся, как и в будущем,
наши взгляды,
плюнув друг другу в лица, расходимся,
будто молния на джинсе.
но какие-то части нас может быть, даже рады.
не внутри, но где-то там, на другом конце

догорают обломки шаттлов, что не приняли невесомость,
они отвергнуты космосом, как гений — обществом.
мы как торчки, зависимые от истомы,
только чувства имеют свойство стираться с возрастом,

как пятно покидает ткань, различая мыло
или хрусталик, теряя фокус, становится вещью быта.
похороним же чувства под слоем пыли,
попав под статью за размеры сбыта.

3

память не в силах стереть ни один «постскрипtum»,
ни один мотив, с которым бы он возникнул,
она — пирамида, нетерпящая подражания,
за исключением главного — содержанья.

теперь по понедельникам не вспомнить, где начало
у конца эпохи.
эхо, волной отгалкиваясь от причала,
возвращается в чьи-то бронхи,

а мне не воскликнуть: «Стой!»

Ведь буквы не складываются в слова,
в алфавитном порядке влетая обратно в полость,
откуда сбежала с первым «прости» слюна,
бросив на растерзанье и в безысходность.

память отбелит прошлое, в вены залив известку
и если печаль пройдёт по перекрёстку,
со временем встретившись, как враги,
— готовься страдать. а потом — беги.

4

бойницы бруствера глядят сквозь безумье глазниц,
скупая слеза вытекает, как каменный ополз.
всевышнего просим спасти, сегодня — простить,
потому что компАс нас ведёт не на север, а в пропасть.

что чувствует поле, некогда бывшее золотым? —
его истоптали берцы, забыв о нужде пшениц.
душа становится цинковым гробом, внутри — пустым,
догорают в закатах тела жар-птиц.

что чувствует воин, когда шум отрезает сигнал радиста? —
будто лезвие входит в биосистему ткани.
смерть дарует возможность ещё один раз родиться,
только никогда не спрашивай о войне. Когда-нибудь

амбразура не будет местом для догонялок
или игр по типу: король горы.
каждому в детстве твердила мама
— «не обращай внимания и будешь король войны».

а мы — убеждённые атеисты, не чтим ни отца, ни мать,
входим в церковь, не снимая с голов грехи.
быть воином значит — не умирать.
лети, война. лети. лети.

5

утро вечера мудренее, подумай а смерти утром,
пока вослед взгляни перелётным уткам,
их крылья вырезают свободу из облаков,
покоряют звук, им будущее подвластно.
пернатый умнее нас и смотрит на дураков
с высоты недостижимого пространства.

будь тише воды, ниже себя из детства, о смерти думая про себя,
когда вдруг скрипнет паркет — это и есть сигнал.
когда, как по волшебству дёрнется половица,
распахнутся окна, разольётся холод,
это тебе не снится,
так подступает морок.

себя в преисподней не различить, тем более не окликнуть,
занавешены зеркала, ангелу не возникнуть.
подумай о смерти утром, в путь проводи пернатых,
раскрой на груди сорочку, вздохни, как в последний раз.
ад тебе станет родней пенатов,
посему пернатый умнее нас.

Мария ДЕМЧЕНКО, 19 лет.
Окончила Крымский Театральный колледж. «Не хочу ничего такого хорошего о себе писать, ибо возвышающий себя будет унижен».

* * *

1.

На самом деле в мире всё просто
Нет ничего прекраснее крымского полуострова
Я навсегда останусь низкого роста
Самая красивая душа у моего мужа взрослого
Потому что добрее него не найдётся ни одной панды
Ни одной продавщицы лимонада
Он божественный, как комедия Данте
Он — правда.

Если воспринимать все трудности как провокации Бога
Будет намного легче по жизни дорога
Я вот так и живу. И будь я им
Сама бы придумывала покудрявее себе пути
Он, наверное, просто режиссёр, который любит этюдный метод
Смотрит на мою импровизацию

в предлагаемых обстоятельствах. Лето

И я могу только любить и бояться медуз
Я влюблённая в мужа усну, и проснусь и опять влюблюсь
И так всю нашу жизнь,
В которой я буду мечтать работать в театре
Потом плюну и рожу детей
А у него всё равно останется душа красивой моей
Но он ей поделится, и мы птицей сделаемся.

Никто никогда не замечал, но я плачу на спектаклях
Каждый раз, (когда аплодируют — громче)

И не от переживаний актёров и их горечи
И не от ещё чего-нибудь, чтобы вы сказали
А оттого, что я страшно боюсь остаться в зрительном зале
Обычными восхищёнными глазами
Обычными тонкими руками,
Которые купили билет на плохую премьеру
Я хочу быть частью этой плохой премьеры
Но напоминаю, это всё божья провокация
Поэтому путь мой кудрявый, поэтому я — овации
На балконе, в самом краю зала, на месте тридцатом
Я плачу и боюсь в зрительном зале остаться.

2.

Люди уходят
Машут руками как дети
Шлют воздушные поцелуи
Смотрят до последнего вслед
Фотографируют на память глазами
Зачем мы всё это запоминаем?

Не просто же так Господь дал
это огромное пространство в сердце
В котором аккуратно упакованы последние встречи
Уходящие навсегда спины человечьи
Я надеюсь, это всё пригодится в вечности
Я очень и очень надеюсь.

Спины уходят в красивых летних рубашках
По каким-то из них бегут, озираясь, мурашки
За спиной уходящие лица влажные
Спины идут по улицам. И это важно.

Я помню позвонок каждый этих спин уходящих
В моём пространстве грудном оттого тяжело — там ящик
С чужими лопатками, разными осанками и плечами
Спины уходят медленно и в молчании.

Пусть эти спины будут всегда невинны
А мои прощальные взгляды так же глупы и слезливы
Каждый второй человек на планете Земля знаком,
С тем, что спины должны исчезать вдали улиц —
Просто такой закон.

3.

Нас не будет, а море не высохнет,
 Совсем не высохнет, останутся брызги,
 И камни слизкие, и девичьи визги,
 Исчезнут слетевшие в шторме лифчики
 Всех наших девочек, сгоревших бешено,
 Мы в море маленькие, перемешанные,
 Мы между детством и взрослостью между,
 У нас пока нету парадной одежды,
 Мы где-то вежливы, где-то невежды,
 Не то чтобы быдло и интеллигенты —
 Мы между
 И мы исчезнем.

Исчезнем стекляшками зелёными в море,
 Мы в нём искупались и в нём похоронены,
 Последний учебный день в театральном колледже —
 Трагедия мира, для этих ребят, похоже,
 Мы помним и любим, мы помним и любим,
 мы помним и любим,
 Но долго ли могут помнить смешные люди?
 Смывается в душе песок, прилипший к девичьим грудям,
 Никто не заметит тот день, когда мы друг друга забудем.

Ксения СЕМЕНИХИНА, 16 лет.
Любит мечтать о космосе, бродить ночью у моря, гулять под дождём и рассказывать своей кошке о том, какая она у неё чудесная. Мечтает найти своё предназначение.

ПОКОЛЕНИЕ МОЛОДЫХ ДЕДОВ

В мире невзрачных, серых дедов
 Я буду самым ярким!
 От разноцветных смешных носков
 До мыслей в стеклянных банках.

Они постоят в забытом углу,
 Как закатки с прошлого года.
 Я, может, их никогда не найду,
 Или они обретут свободу.
 Будут летать, как газетный лист,
 Или плыть, как кусок деревяшки.
 А я достану ручку и кисть
 Из кармана хлопчатобумажной рубашки.
 Запишу их и спрячу в старом комодке,
 А быть может, забуду где-то.
 Такой круговорот мыслей в природе
 Происходит каждое лето.

* * *

Вы любите розы?
 А я на них вечно смотреть готова!
 Незабудки, пионы, клематиса лозы
 Всплывают в памяти снова и снова.
 Вереск, ромашка и василёк
 Навсегда проросли в моём русском сердце.
 В нём есть степи, леса и бежит ручеёк,
 Я лежу здесь в цветах, чтобы согреться.
 А ирисы — это особая тема,
 В них сладость и свежесть детских мечтаний.
 Они заслужили не стихи, а поэму
 О детстве, о памяти, любви, осознании.
 В цветах красота, эмоции, чувства,
 Они открывают новый язык.
 Цветы — это природы искусство,
 Мой живой вдохновения тайник.

СЛУЧАЙ

Над серо-зелёным городом летают бледные тучи,
 Их тень накрывает дома, переулки, меня.
 Во всей бытовой суматохе нечасто выпадет случай
 Оглянуться вокруг. Пора мне что-то менять.

Моё близорукое тело мешает вникать в детали,
 Без очков не рассмотришь прохожих и даже листья.
 Я щурюсь, но бесполезно, старания плодов не дали.
 Надев «глаза», замечаю, как формы мира остры.

Сквозь свои стёкла я вижу — помятый кот.
За что его, рыжего, жизнь так потрепала?
Говорю ему: «Здравствуй, милый», — но тот
Ускользнул под забор. Чем его я напугала?

Я, может, не Белоснежка, но чтобы так убегать...
Забудем, он, может, бежал куда по работе,
Там нужно ловить каждый день мышей по пять,
Постойте, я ж тоже спешила куда-то, вроде?

А может, и нет... И опять убегаю в мысли!
Тряхнув головой, возвращаюсь к миру вокруг.
Две капли упали с неба, на стёклах моих повисли,
А ещё три коснулись остывших на холоде рук.

Ещё капель десять упали в серую речку,
Я все не считала, доверила дело жабам.
Они с черепахами вместе живут беспечно,
Пусть так хоть займутся делом, а я побежала.

До дома осталось немного — родная улица
Встречает приветливо зеленью вишен и серостью стен.
На парапете сонная кошка жмурится,
Её разбудил чёрный ворон, что у гнезда теперь сел.

В серо-зелёном городе, где летают бледные тучи,
Тень которых укрыла дома, переулки, меня,
Я сижу под ветками вишни, я рада, что выпал случай
Оглянуться вокруг и дозу весны принять.

Екатерина БРЕГА —
прозаик, участница XIII Республиканского литературного семинара молодых авторов Крыма «Начало», проходившего в Ялтинской библиотеке-филиале № 8 им. С. К. Славича, где много лет назад делала свои первые шаги как читатель.

ГОД НА ЦЕЙЛОНЕ

Всё, что описано ниже, произошло со мной на самом деле.

Прошлой зимой я отправилась в отпуск на Шри-Ланку — тропический остров в Индийском океане.

Я планировала прожить там всего две недели, поэтому прилетела одна, с маленьким рюкзаком. Улетела только через год. С двумя чемоданами и с мужем.

Год на Цейлоне был настолько невероятным, что я решила, что должна сохранить воспоминания о нём. Может быть, моя история вдохновит вас на путешествия и на веру в чудеса.

Было бы здорово.

Как я здесь оказалась?

Я сижу на кровати в маленькой комнате старинного дома в самом центре Канди — второго по величине города Шри-Ланки.

Пахнет краской. Несколько дней назад мы с мужем закончили в спальне ремонт. Стены теперь — фисташково-зелёные. Мой новый дом.

Я изо всех сил стараюсь что-нибудь написать, но отвлекаюсь на гору разбросанной одежды, лежащую у кровати.

Я приземлилась на Шри-Ланке с одним маленьким рюкзаком — теперь мой шкаф ломится от платьев, шёлковых юбок, бархатных топов и пёстрых разноцветных платков. Подарки от мамы мужа. Нашей мамы.

За дверью я слышу её голос. Мамми разговаривает с кем-то на нашем заднем дворе. Знаю даже с кем: конечно, с кошками. Их, кстати, у нас четверо. И половина из них беременны. Очень беременны.

Так что весьма скоро (если не сегодня) у нас будет две вечеринки в честь рождения котят. Если, конечно, кто-то может назвать такое времяпрепровождение вечеринкой.

За стеной комната моих сестёр. Две шри-ланкийские девушки, которые любят смотреть кино по ночам и слушать песни группы One direction.

Я всегда мечтала о большой семье... Но мои родители почему-то после меня на детях остановились — 25 лет я была единственным ребёнком в семье. Теперь я старшая сестра. С ума сойти.

Дом, милый дом. Простая счастливая жизнь.

Теперь мне кажется, что я всегда так жила. Но всего три месяца назад я была совсем другим человеком.

Большой город. Офисная причудливая жизнь. Работа топ-менеджером в крупной корпорации...

А что дальше?

Впервые этот вопрос пришёл мне в голову, когда я сидела в одиночестве в пустой лофтовой кухне нашего офиса и жевала бутерброд с лососем.

Я получила всё, что хотела. Девушка из маленького города всего за год стала большим начальником в большой компании.

Хорошая зарплата, друзья работают со мной в одном офисе, и мы вместе проводим пятничные вечеринки и субботние похмелья, запускаем новые проекты по понедельникам и обсуждаем рабочие сплетни всё время между этими ключевыми моментами графика.

Счастлива ли я?

Я продолжала думать и жевать кусок лосося. Холодный бутерброд из холодильника, приготовленный каким-то мужчиной в белой форме шеф-повара и смешной шляпе, как в мультфильме «Рататуй». Это был мой завтрак несколько недель подряд. Один и тот же вкус каждый день. Каждый день. Одно и то же.

Это и есть жизнь?

Мысль застряла у меня в голове, как лососевая кость в горле.

Это то, на что будет похожа моя жизнь, прежде чем я умру?

Конечно, я знала, что когда-то умру. Довольно скоро по сравнению с космическим временем. Наша Галактика живёт миллиарды лет, а мне всего 24. Мой конец был не так далёк. При всех хороших условиях он должен был наступить лет через 50–60. Кажется, именно столько они живут в больших городах.

Как я проведу эти 50–60 лет перед смертью?

Учитывая, что я собиралась спать как минимум 30 лет, готовить и есть около 15-ти и принимать душ ещё 5 лет, времени мне явно не хватало.

Может быть, поэтому жители больших городов постоянно куда-то спешат?

Неважно, куда вы спешите — на урок математики, в первый день на новой работе или на день рождения бабушки — от этого чувства мурашки бегут по спине и потеют ладони. Вы бежите в метро, пыта-

ясь успеть и выиграть эту гонку, но ничего не получается. Секунда за секундой, стрелка всегда впереди. Тик-так-тик-так.

И я физически чувствовала, что опаздываю жить, сидя в офисе и жуя бутерброды 5 дней в неделю. День за днём. Месяц за месяцем. Но я не знала, что делать.

Переехать в этот город и жить именно так было моей мечтой. Я достигла её. А на мечты о чём-то новом у меня не хватало ни сил, ни времени.

Так что я заставляла себя наслаждаться тем, что у меня было. Получалось так себе. Даже бутерброды с лососем мне больше не нравились.

Всё вокруг стало пресным. Замерло. Покрылось паутиной.

И тут зазвонил мой телефон.

— Дорогая, я проведу эту зиму на Шри-Ланке. Может быть, ты хочешь прилететь?

Мой психолог Алёна (конечно, в большом городе у вас есть психолог. Без терапии все были бы ещё более сумасшедшими, чем они есть) даже не осознавала, как эта фраза кардинально изменит мою жизнь.

Это были завершающие слова нашей последней сессии, подводящей итоги года работы над моим психологическим здоровьем.

— Кажется, это именно то, что тебе нужно.

— Мне надо подумать.

Мой самолёт приземлился в Коломбо пятого января.

Новогодние каникулы в тропиках. Серфинг, пляжные вечеринки, кокосы и смузи из манго. Две недели отпуска только для себя. А потом обратно — в город, шумную жизнь и январские морозы. Такой был план.

Рейс Коломбо — Дубай — Киев должен был состояться 19-го января.

Утром 18-го января я совершила звонок, ставший поворотным пунктом на моём пути.

— Таня, я не вернусь.

— Ты сошла с ума?

Мой босс идею не оценила. Понять меня, наверное, было и правда сложно. Я много работала и последовательно строила карьеру почти два года.

— Я просто чувствую, что если сейчас я вернусь в Киев, я совершу огромную ошибку. Не могу я вернуться в этот город, в этот холод, в эту офисную рутину. Я только здесь, на острове, поняла, что такое жизнь. Они здесь ходят босиком по пляжам и едят руками. А ещё улыбаются. И все такие приветливые. Счастливые. Просто так счастливые, без повода.

— Но ты же не станешь бросать работу? Может, останешься с нами хотя бы удалённо, а потом, когда тебе надоест Шри-Ланка, вернёшься в офис?

— Таня, ты не понимаешь. Я не хочу возвращаться. Совсем. А насчёт работы... Это был очень крутой карьерный путь и опыт, но я чувствую, что это больше не моё. Перестало вдохновлять. Вообще, знаешь, я решила, что хочу стать диджеем. Вчера я включала свой плейлист диджеем из Лондона, им понравилась музыка. И мне понравилось им играть. Я, конечно, не разбираюсь в том, как устроен диджейский пульт, но я научусь и буду выступать в местных клубах. Такой теперь план.

— Катя, у тебя точно всё в порядке?

— Да. Здесь мне хорошо. Сердце подсказывает, нужно остаться. А я верю, что к сердцу нужно прислушиваться. Здесь начала верить.

Я должна была вернуться в Киев 18-го января 2022-го года. По плану, уже 19-го января у меня был корпоратив на горнолыжном курорте. Из купальника в лыжи — мне казалось, что это интересный опыт.

За несколько дней до рейса я сдала обратный билет.

Весь тот день я провела, слушая музыку и разбираясь в том, как работает диджейский пульт.

Вскоре я нашла работу в местном баре у океана. Местные ланкийцы любезно предоставили мне комнату на крыше и бесплатную еду в обмен на мою музыку.

Каждое утро я отправлялась на серфинг по волнам Индийского океана, завтракала фруктами в моём баре, а затем весь день слушала музыку и включала её рандомным встречным — путешественникам со всего мира.

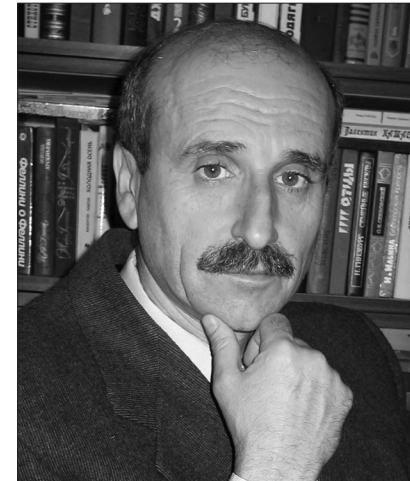
А по вечерам я устраивала вечеринки, на которых мы все вместе танцевали до поздней ночи.

Это были самые беззаботные дни января в моей жизни. У меня не было плана. Деньги заканчивались. Но мне было всё равно. Я была счастлива.

Я чувствовала: совсем скоро произойдёт что-то очень важное.

Я была права.

ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир СПЕКТОР — (г. Бад Зоден, Германия) поэт, публицист, заслуженный работник культуры Украины. Член исполкома Международного сообщества писательских союзов (г. Москва) и Президиума Международного Литфонда (г. Москва), председатель правления Межрегионального союза писателей и сопредседатель Конгресса литераторов Украины (г. Киев), главный редактор альманаха и сайта «Свой вариант». Лауреат международных литературных премий им. Юрия Долгорукого

(2008), «Облака» им. Сергея Михалкова (2010), им. Арсения Тарковского (2011) и премии им. Фазили Искандера в 2018 году. Автор более 20 книг стихотворений и очерковой прозы. Постоянный член жюри Международного литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского в течение пяти лет.

БЕЗДНА ПРОСТРАНСТВА

«Пушкин! Он и в лесах не укроется: Лира выдаст его громким пением...» — так прозорливо писал о своём великом друге поэт Антон Дельвиг ещё в пору их общей юности. Он был прав. Пушкину нет нужды скрываться. Он и сегодня на виду у всего мира как лучший поэт России. Да и не только. «Полагаем, что имя поэта А. С. Пушкина сохранится в 2037 году и что не только поэтические его произведения, но и прозаические сочинения будут собраны и перепечатаны...» И в этом тоже не ошибся другой современник гениального поэта, Фаддей Булгарин. Пушкина издают и будут публиковать всегда. Ведь он, как метко замечено Аполлоном Григорьевым, «наше всё». И подтверждением всему сказанному могут стать полки книжных магазинов, на которых произведения Александра Сергеевича всегда на видном месте, и которые постоянно пополняются новыми изданиями, такими, к примеру, как собрание сочинений «Весь Пушкин», подготовленное издательством Александра Стручкова.

И стихи, и проза Пушкина удивительно современны и актуальны. Это свойство гениальной литературы. Так же современны сегодня пьесы Шекспира и Шиллера, проза Толстого, Достоевского, Чехова, поэзия Лермонтова, Байрона, Гёте... Как бы ни менялся мир в своём движении по пути к совершенству, открывая всё новые возможности, превращая некогда фантастические идеи в реальность, природа человека неизменна. И, по-прежнему, точнее и трогательнее, чем Пушкин, о жизни и надеждах, мечтах и разочарованиях сказать невозможно:

*«Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.*

*Сердце в будущем живёт;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдёт;
Что пройдёт, то будет мило».*

Вот уже два столетия эта формула остаётся неизменной и неопровержимой. Как всё гениальное. И о любви лучше, чем Пушкин, тоже не скажешь. Можно по-другому, тоже хорошо и талантливо, оригинально и трогательно, как делали это Цветаева, Пастернак, Ахматова, Петровых, Есенин, Юрий Кузнецов... Но Пушкин сказал так, что сегодня его слова помнят и повторяют все влюблённые, говорящие на русском языке (и не только):

*«Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты»...*

*«...И сердце бьётся в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь».*

*«Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.*

*Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим».*

Любовь к Пушкину не тревожит, она радует и вдохновляет. Его лирика — это *«чистойшей прелести чистойший образец»*. В ней воплощение изящных чувств и возвышенных качеств человеческой природы, данное в лаконичных, ярких и запоминающихся на всю жизнь строках. Добавим — в гениальных строках. Это понимали его современники, с этим согласны их потомки вот уже на протяжении более чем двух столетий. Казалось бы, в технократический век, подаривший людям мощные компьютеры, способные слагать стихи, выбирая из множества рифм самые оригинальные, популярность поэта и его гениальных творений могла бы пойти на спад. Но этого не происходит. Магия его строк, их волшебное звучание по-прежнему чарует всё новые поколения, и всенародная любовь к поэту остаётся неизменной. Не зря, обращаясь к Пушкину, писал столь же незабвенный Тютчев: *«Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет!..»*.

Кроме поэтического гения, в Пушкине привлекают, восхищают такие благородные свойства, как честь и достоинство, смелость и решительность, стремление к самосовершенствованию и готовность к самопожертвованию во имя идеалов, искренний патриотизм. Поражают пророческий дар, глубокий ум, эрудиция, умение мыслить не просто образно, красиво и оригинально, но и с философским размахом, на полное постижение которого не хватит и целой жизни.

*«...Зачем от гор и мимо башен
Летит орёл, тяжёл и страшен,
На чёрный пень? Спроси его.
Зачем Арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Гордись: таков и ты поэт,
И для тебя условий нет»...*

И всё же, для поэта и патриота Пушкина гражданственность лирики была негласным, но твёрдым условием, которому он следовал неизменно. Он не был ни шовинистом, ни злорадным ненавистником других народов, нетерпимым к иному мнению. Он просто любил своё Отечество, даже обличая недостатки, которые видел и желал их исправления. Но при этом одно из главных свойств автора и его поэзии — справедливость, уважение к читателю, независимо от его убеждений и места проживания. Удивился ли бы он, глядя на нынешние, совсем не братские взаимоотношения стран, бывших некогда одной общей державой? Вероятно, и да, и нет. Да, потому что каждому здравомыслящему, совестливому человеку больно смотреть

на злые распри родственных людей или народов. Нет, потому что, имея дар пророка, он всё это предвидел.

*«...Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполни волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».*

Пушкинский глагол всегда духоподъёмен и «сладостно вольнолюбив». Любовь к родному отечеству для него — не пустые, дежурные слова. Это основа жизненной позиции, выстраданной и неколебимой. Она прослеживается во всём его творчестве, увлекающая, волнуя, подавая пример читателям и поэтам, всем, кто душой следует за ним, не предавая своих идеалов, убеждений, Родины и друзей.

*«...Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!»*

Впрочем, предательство известно в мире с древнейших времён. Удивительно актуально звучат пушкинские строки, обращённые к политикам западных стран. Такое впечатление, что написаны они совсем недавно:

*«О чём шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?..
...Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?..
...От потрясённого Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов».*

Сколько лет прошло... Но неизменно лишь удивление: «Почему не учит время политиков, президентов, генералов, простых людей, которые готовы так легко верить проходимцам, ломая жизнь себе и всем во имя мифических завоеваний». Не хватает Александра Сергеевича, который писал, будто предвидел. И ему можно верить.

*«...Украина глухо волновалась.
Давно в ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны...
...Зачем дрожащею рукою
Ещё он носит булаву?
Теперь бы грянуть нам войною
На ненавистную Москву!»*

Но ненависть без любви бесплодна. Она обречена на поражение. Пушкин утверждал это всем своим творчеством. Дефицит понимания этого разрушает общество, мораль и, в целом, жизнь ещё страшнее, чем пандемия. Тем не менее, поэт дарит надежду, что победа будет на стороне правды и любви. Как верно оценивал другой гений Фёдор Достоевский: «...Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. Но Бог судил иначе». Пушкин жив в нашей памяти, и его предсказания торжества справедливости звучат по-прежнему утешительно и вдохновляющее.

*«...Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Ещё напор — и враг бежит».*

Бегут который век, который год не только враги отечества, отяжелённые грехами, гонимые судьбой, по воле рока все мы мчимся неведомо куда и зачем, пытаясь догнать ускользающую тень мимолётного счастья.

*«Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий».*

Относительно молодой человек, каким был Пушкин в 1836-м году, создал этот четырёхстрочный шедевр философской поэтической мысли.

И в нём, собственно, вся человеческая жизнь с её мучительными проблемами и попытками их преодоления, познанием себя и тернистого пути к божественному совершенству (возможно ли оно?), борьбой с собственными заблуждениями и предрассудками, ибо зачастую главный враг сидит в нас самих.

Друзья и враги, прошлое и будущее, любовь и ненависть, надежды и разочарования — всё это мир пушкинской поэзии, мир на-

шего бытия, в котором есть место для всего, в том числе, и для безмятежного счастья (которое редко, но случается). И чаще всего это бывает в детстве. Вот уже более двух столетий детство немислимо без сказок Пушкина, которые приходят к нам в первые годы жизни и остаются в ней навсегда. Его сказки — это, как целебный источник для души и ума, который дарит заряд добрых чувств и светлых мыслей, воспитывая милосердие, сочувствие, сострадание. Справедливо и провидчески сказал о себе Александр Сергеевич:

*«...И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал».*

Он будет любезен нам не долго, а всегда, а его чудные сказки читаются, издаются, экранизируются и помнятся в любом возрасте. Его Лукоморье давно уже стало нашим. И, как сказано, дураки его сказок умнее сказок современных дураков.

*«У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;
Идёт направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит...».*

Сказочный мир Лукоморья, в котором отважный Руслан борется за свою любовь, хитрый поп повержен смекалистым работником, а старуха своей жадностью и гордыней выводит из себя не только старика, но и золотую рыбку, немислим без сказочных картин природы. Описания её у Пушкина волшебны не только в сказках, но и в лирических стихах, в «Евгении Онегине», поэмах, везде, где речь заходит о красоте и чарующем обаянии окружающего нас пространства, будь то лесные заросли или степные просторы, речная гладь или небесная высь. Причём, красота их не зависит от поры года или суток, погоды или настроения. Эти картины, и наяву, и особенно в стихах поэта, всегда остаются неизменно прекрасными.

*«...Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса...»*

*«Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь...»*

*«...Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит...»*

В детском саду или школе каждый из нас учил, читал и декламировал какие-то из этих пушкинских строк или четверостиший. Да и потом вся жизнь не только в России, но и везде, где звучит русская речь, в какой-то мере проходит под знаком Пушкина. Его книги и собрания сочинений издавались миллионными тиражами. И продолжают издаваться. Его день рождения давно стал всенародным праздником, и именно в этот день отмечается День русского языка. Кстати, очевидцы рассказывали, что в день его 150-летия салют в Москве был таким же потрясающе ярким и масштабным, как в День Победы. И это не удивляет. Ведь Пушкин любим всенародно и искренне, как одно из главных достояний русской и мировой культуры. Не зря даже строгий Белинский говорил о нём: *«Он навсегда останется великим, образцовым мастером поэзии, учителем искусства. К особенным свойствам его поэзии принадлежит её способность развивать в людях чувство изящного и чувство гуманности».* «Неистовому Виссариону», как называли знаменитого критика, можно верить. Но более всего нужно доверять гению поэта, его стихам и прозе, которые сопровождают нас по жизни уже более двух столетий. Сменяют друг друга поколения, *«летят за днями дни»*, но Александр Сергеевич Пушкин стоит на своём постаменте и будет стоять на нём вечно, ибо русская речь и культура окончания не имеют.

*«Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоём
Предполагаем жить, и глядь — как раз умрём».*

*На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег».*

«Тут всё: и наслаждение, и простота, и мгновенная высота мысли, вдруг объёмлющая священным холодом вдохновения читателя... Слов немного, но они так точны, что обозначают всё. В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт. Отсюда происходит то, что эти сочинения

перечитываешь несколько раз...» Это оценка великого Гоголя, который, как все гении, тоже был пророком. Бездна пространства — в каждом пушкинском слове, мысли, чувстве, и это пространство подарено, завещано всем нам. Осваивать его — это значит читать и перечитывать Пушкина, наслаждаясь мудростью и красотой Слова, величию простоты и простотой величия. Это значит помнить и любить то, что забывать нельзя — свои истоки, Родину, родную речь и культуру. В которой есть солнце, чьё имя — Пушкин.

Лицейский сад. Осенний дым. И сквозь него всё менее заметны последней реставрации следы, и в помутневшем зеркале воды мерещится мне Всадник Медный. Здесь всё знакомо по стихам — и эти воды, и аллеи, и ветер, вольный дух Борея, что гонит лист к моим ногам, а тучи — к дальним берегам, всё тот же... Память не стареет. Над непокорной главой гудят деревья вековые, и, продолжая волшебство, звучат, звучат стихи его, над Украиной и Россией, над целым миром... Вопреки нелепым козням и запретам. Стихи воздушны и легки, Они близки и далеки, как слово. Как любовь Поэта...

Ольга БАРАКАЕВА —

(г. Москва, Россия) автор 5 книг. Выступала на телеканале «Россия 2» и радио «Россия», литературные и музыкальные произведения звучали в эфирах радиостанций России и Белоруссии. Публиковалась в ряде журналов, среди них — «Глаголь» (Франция), «Формаслов», «Вольное слово» (Россия), «Метаморфозы» (Белоруссия), «Крым» (Россия), в газете «Бульварные новости» (США). Лауреат национальной литературной премии

Российского союза писателей «Поэт года»; международных премий Союза писателей Северной Америки; международного конкурса радио «Голоса планеты» при поддержке ВКС Министерства обороны РФ; VIII Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2022»; XXXVI фестиваля-конкурса «Витебский листопад»; VIII международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман 2023»; дипломант «Волошинского конкурса»; обладатель Гран-при открытого областного литературного конкурса им. Г. Н. Кольцова «Звёздное перо»; победитель конкурсов Международного союза писателей им. Святых Кирилла и Мефодия; всероссийского конкурса «Музыка

За Победу!» и международного литературного конкурса «Мгинские мосты»; премии Кубка издательства «СТУХИ»; II открытого литературного конкурса им. Всеволода Остена; призёр парижского литературного альманаха «Глаголь» и др. Председатель Правления Литературной ассоциации «1 место», организатор Союза литераторов «Перо и слово». Член Российского союза писателей и Союза писателей Северной Америки.

ВЕРЬ В НАС, МУАММАР!

Четыре месяца — четыре месяца! — вы бомбите нашу страну, и все боятся даже сказать слова осуждения. Будь ещё в мире Россия, настоящая Россия, единая и великая Россия, защищавшая слабых, вы не посмели бы. Но её нет, её нет, и вы торжествуете. А зря. Вы забыли одно: жизнь умеет разворачиваться, и многое может случиться в будущем. Ваши стрелы могут вернуться к вам!

(Муаммар Каддафи, 2011 год)

Полковник Муаммар бен Мухаммад Абу Меньяр Абдель Салям бен Хамид аль-Каддафи, лидер Великой Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии с 1969 по 2011 год, пришёл к власти в результате бескровного военного переворота в год моего рождения. Биографы утверждают, что Муаммар родился в 1940 году. Сам Каддафи уверял, что появился на свет 19 июня 1942 года в бедуинском шатре.

Диктатор? Безусловно. Но именно при нём государство добилось расцвета, именно им в 2002 году был создан Африканский Союз, объединивший пятьдесят пять стран, зацементированный мощными войсками и щедрыми деньгами Ливии. «Мы хотим африканских военных, чтобы защитить Африку, мы хотим единой африканской валюты, мы хотим один африканский паспорт для поездки в Африку», — говорил он. Популярность Муаммара на африканском континенте, начиная с девяностых, не имела границ. Через годы мёртвый Каддафи смотрел на меня с плакатов в Мали и Буркина Фасо живыми глазами, чуть выцветшими от белёсых солнечных лучей, чуть поцарапанными песчаными бурями. После его гибели Ливию раздраконило хаосом гражданской войны.

В 1986 году американские самолёты нанесли бомбовый удар по резиденции Братского вождя в пригороде Триполи; жертвами стало свыше сотни ливийцев, среди них — полуторагодовалая приёмная дочь Каддафи.

В 2010 году Ливия была самой богатой и развитой страной Африки. За годы правления Каддафи грамотность населения увеличи-

лась с 10 до 90 %; продолжительность жизни выросла с 57 до 77 лет; женщины стали равноправны; появились бесплатное образование, жильё, здравоохранение, лекарства, питание; для студентов внедрена стипендия; запрещена эксплуатация человека человеком (узнаёте плановую экономику?); темп роста ВВП составил 10,6 %; ливийцев обеспечили жильём, водоснабжением, электричеством и спутниковым телевидением; младенческая смертность снизилась в восемь раз; люди стали получать процент от нефтяных доходов.

«Сорок лет или даже больше, я не помню точно, я делал всё, что мог, чтобы дать людям дома, больницы, школы, и когда они были голодны, я дал им пищу. Я превратил пустыню вокруг Бенгази в сельскохозяйственные угодья. Я стоял под бомбами ковбоя Рейгана, когда он убил мою приёмную дочь. Он пытался убить меня, но вместо этого убил бедного невинного ребёнка. Тогда я стал помогать братьям и сёстрам из Африки деньгами для Африканского Союза. Я сделал всё возможное, чтобы помочь людям понять концепцию реальной демократии, распространив народные комитеты по всей нашей стране.

Но этого никогда не было достаточно: некоторые люди говорили мне (даже те, что имели десять домов, новую мебель и одежду), что их самолюбие не удовлетворено, что они хотели бы иметь ещё больше. Они сказали американцам и другим иностранцам, что им нужно «демократии» и «свободы», не понимая, что это горловина системы, в которой самая большая собака пожирает остальных. Ливия принадлежит моему народу. Я делал это, чтобы сохранить мой народ свободным от колониальной зависимости — от воров, которые ограбили бы всех нас.

Сейчас я под атакой крупнейших сил в военной истории; маленький сын Африки Обама хочет убить меня, чтобы отнять свободу нашей страны, чтобы отнять у моего народа бесплатное жильё, бесплатную медицину, бесплатное образование, бесплатное питание и заменить его американским стилем грабежа под названием «капитализм». Но все мы в Третьем мире знаем, что это значит. Это значит: корпорации правят странами, правят миром, а народы страдают.

Таким образом, для меня нет выбора, я должен занять своё место, а если Аллах пожелает, я умру, следуя Его пути» (М. Каддафи).

Весь западный мир объявил ему войну, но Муаммар не сбежал, а принял бой. Его так и не смогли победить. Просто убили.

Когда Каддафи встал во главе страны, в Ливии было всего пять человек с высшим образованием. Пять! Необразованной толпой управлять легче. Но он стал развивать систему образования. Шла эпоха больших перемен. Несогласные отправились в тюрьмы.

Началась война, и кто-то из обиженных его режимом встал на сторону захватчиков, а кто-то — рядом с ним, к плечу плечо. Сейчас в Интернете все размещают архивную запись с Сергеем Бодровым: «Во время войны нельзя говорить плохо о своих. Никогда. Даже если они неправы». Те, что бились вместе с Каддафи, видимо, считали так же.

Я смотрела, онемев, захолодев локтями, слитую в сеть видеозапись его убийства. Не могла смотреть и перестать смотреть тоже не могла.

Не плакала, когда его пытали, не плакала, когда оскверняли изувеченное, бесстыдно оголённое тело, вывезенное садистами и брошенное на пол в магазине. Тупо вглядывалась в кадры, зажав ладонями рот, не пытаюсь выключить компьютер; на экране озверевшая толпа плевала в чёрную кровавую корку на разбитых губах своего лидера, человекообразное зверьё дружно фотографировалось на фоне трупа.

А потом посыпались статьи, англоязычные статьи, авторы которых даже после смерти пытались очернить его имя; фейкомёт работал на полную катушку. В трубу швырнули труп, достоверно сняли, а «честные» западные журналисты написали, что Муаммара достали из трубы, куда он удрал.

И вот тут я заревела и заматерилась в голос.

Десять лет пытаюсь вычистить из памяти тот проклятый видеоряд — не получается. В утреннем невнятном промежутке между сном и явью ко мне приходит окровавленный, израненный, изнасилованный Каддафи, поднимает руку и по-восточному мягко обращается к убийцам: *«Вы неправы, дорогие мои!»* Физические страдания почти не меняют каменного лица.

* * *

Муаммар, ты знал, какой была *«настоящая Россия, единая и великая»*, но что мы, проигравшие в холодной войне, в то время могли? Не спасли Ливию, до Ливии не спасли Сербию, разве что развернули самолёт над Атлантикой... Помнишь, как США без резолюции Совбеза ООН демократизировали томагавками Ирак? Мародёры разграбили национальный музей — ценное утащили, а шеститысячелетние черепки разбили. Директор музея умер от разрыва сердца, а я, сидя перед телевизором, прижималась щекой к щеке мужа, и по нашей одной на двоих коже текли одни на двоих слёзы.

Что мы могли, Муаммар? В результате оглушительного поражения державу разломали на пятнадцать кусков, а затем уничтожили фундаментальную систему образования, медицину, науку, высокотехнологичные заводы перепрофилировали на выпуск кастрюль или кроватей и настроили народы друг против друга, умело размайданивая национальные разногласия. Тут самим бы отдышаться. Не до Ливии.

Но ты прав, «стрелы могут вернуться».

Не первое столетие с Россией воюют англосаксы на территории Крыма, Горного Бадахшана, Кавказа, Казахстана, Украины...

Если ты видишь о т т у д а, верь в «Россию, защищавшую слабых», как сейчас верят в неё Сирия, ДНР, ЛНР*. Как мы сами в неё верим. Сегодня уже мы сражаемся против всего западного мира. Верь в нас, Муаммар!

* На момент написания очерка ДНР и ЛНР ещё не вернулись в состав России.

Юрий ТРУЩЕЛЁВ — (г. Аксай Ростовской обл., Россия) — по образованию журналист (окончил РГУ — ныне ЮФУ), работал в газетах «Победа» и «Отражение» (г. Аксай), «Приазовский край», «Академия» и «Южный рынок» (г. Ростов-на-Дону). Стихи, рассказы и очерки публиковались в районных и областных газетах, в журналах «Дон» и «Ковчег Кавказа» (г. Ростов-на-Дону), «Крым» (г. Симферополь), «Рабоче-крестьянский корреспондент» и «Литературные

знакомства» (г. Москва), в ростовских альманахах «Рукопись», «Донской временник», в электронных изданиях «Органон» (г. Москва), «Ёже-правда» (г. Рига; не путать с ЕЖЕ-ПРАВДА), «Литкультпривет!» (п. Нижний Ингаш, Красноярский край), «ИнтерФокус» (г. Ганновер); а также в коллективных сборниках. В 2005 г. издал книгу «Странная птичка удод» (проза, поэзия и публицистика), в 2018 — книгу краеведческих очерков «Аксайскому военно-историческому музею — 70 лет» (на базе материалов, собранных историком и первым директором АВИМ В. Д. Гладченко). Лауреат и дипломант различных творческих конкурсов в Аксае и Ростове-на-Дону, в 2015 г. стал победителем международного конкурса, проведённого ИП «Справедливая Россия» к 70-летию Великой Победы (номинация: История семьи в художественном произведении о войне — рассказы «Горбушка» и «Новый год под бомбами»). В соавторстве с композиторами из России и зарубежья написал тексты более 80-ти песен, часть из которых вошла в альбомы Рады Рай, Зиновия Бельского, Рустама Штара, Алексея Аппина, Евгения Ворошилова (Россия) и Марка Тайтлера (США).

Грядущий год¹ объявлен в России годом экологии. А ещё — столетие назад Россия вступила в эпоху великих потрясений и преобразований, значение которых мы до сих пор пытаемся осмыслить. Но начать разговор я предлагаю с живописи. Какая тут связь? Поверьте, она есть, нужно только запастись терпением и дочитать до конца.

Я не художник, хотя в детстве мечтал им стать. Просто интересуюсь живописью по мере возможности. Возможности мои обычно не простирались дальше того, чтобы почитать что-то на эту тему или полистать альбомы с репродукциями.

Но в октябре 2010 года мне повезло — я, в числе других экскурсантов, шёл за гидом по залам галереи Уффици во Флоренции. Нашего гида — бывшего соотечественника, обосновавшегося в Италии, звали Саша, хотя возрастом он был хорошо за сорок. Саша предупредил, что «объять необъятное за положенное на экскурсию время невозможно, поэтому я покажу вам "свою" Уффици».

В галерее запрещено фотографировать, меня ничто не отвлекало от созерцания шедевров и рассказа об их авторах. Так было до зала Боттичелли. Увидев «Рождение Венеры», я ощутил подступающий к горлу ком, на какое-то время мне стало трудно дышать и глаза наполнились влагой. Честное слово, я не знал, что сделать, чтобы не заплакать у картины. Всё это длилось мгновение. Каким-то образом мне удалось сдержаться. Никто ничего не заметил. Кроме Саши, но и он не подал виду.

Мы шли дальше по залам. Я окончательно пришёл в себя и даже вспомнил у полотна Тициана «Венера Урбинская» рассказ знакомой художницы о том, как преподаватель напутствовал уезжающих в Италию старшекурсников: «Счастливики, вы увидите, как Тициан пишет белое». Я подошёл к полотну и тоже увидел. Мастер играл на контрасте: белоснежная простыня вблизи была сероватой, и лишь изгибы были выписаны несмешанными белилами. Кипенную белизну создавали окружающие краски.

Но что же всё-таки произошло тогда со мной? Глубиной психологизма сюжета эта картина не отличается. Как я понял, Саша строил «свою линию» в залах Уффици именно от простого к сложному. Европейская живопись, как взрослеющий человек, тоже прошла все положенные стадии становления: детство, отрочество, юность, зрелость. Осмотр мы начали с залов, где живописцы ещё не владели основами перспективы, их полотна не имели глубины изображения. Вот и я, стоя у «Рождение Венеры», увидел, что великий Боттичелли

¹ 2017 год.

не справился с изображением морской стихии, да и береговой пейзаж был условным. Чем же он сумел задеть во мне что-то глубинное?

Тогда я объяснил произошедшее тем, что увидел полотно, знакомое с детства по репродукциям. Впрочем, особо размышлять было некогда — это же Италия! За Флоренцией были Рим с Ватиканом, Неаполь с Помпеями — и везде было чем восхищаться. И я восхищался полотнами и гобеленами музеев Ватикана. Шея заболела, пока смотрел потолочную роспись Микеланджело в Сикстинской капелле (а сколько здоровья это стоило Мастеру — отдельный разговор).

Но, кроме шедевров итальянских мастеров, в Риме можно увидеть египетские обелиски и другие трофеи былых триумфов. В «Вечный город» за тысячелетия свезли почти всё лучшее, что было создано руками Человека-творца. Сначала завоёвывали и грабили при помощи огня и меча. А потом тактика изменилась, и уже во имя Бога устремились потоки с подношениями.

Признаюсь, испытывал двойственные чувства. Триумфальные арки, атрибутику которых императоры меняли, а по сути, крали у предшественников, переписывая историю. Колизей, где, казалось, до сих пор немо звучит тысячеголосый вопль ужаса. Роскошь дворцов, когда задумаешься, что за ней стоит, внушает множество чувств, среди которых практически не остаётся места восхищению. И лозунг, ради чего совершались преступления, был вполне современным: если упрощённо — хватай всё, что сможешь. Этакое общество потребления без моральных и нравственных ограничений. Ничего не напоминает?

Все восстания и революции питались чувством возмущения из-за попорченной справедливости. Другое дело, что и после них, та самая Справедливость оставалась только в лозунгах. Просто право «попирать» её, а заодно и широкие народные массы, возмущавшиеся НЕСправедливостью, получали другие.

И всё равно, даже в самые мрачные времена, абсолютное зло не осмеливалось заявлять о своих целях открыто. Не декларировало их посредством настоящего искусства. Было много поделок, прославляющих тиранов и кровопийц, но и в этих случаях они подавались не в своём настоящем облике. Создатели этих поделок просто вынуждены были идти в общем тренде. Но время смывало шелуху и пену, оставляя в веках шедевры настоящих Мастеров.

И только супрематизм, появившийся чуть больше ста лет назад, дерзнул прервать эстафету нравственного кода человечности. «Чёрный квадрат» Малевича — это даже не противоположный полюс. Применяя слово «полюс», мы как бы соглашаемся с неизбежным дуализмом: север/юг, плюс/минус, добро/зло. А «Чёрный квадрат» — это бездна, небытие, мертвечина. В небытие нет ничего: ни отрицательного, ни положительного. Оно — конец всего.

Но именно этому «шедевру» посвящено множество исследований, на спорах вокруг него озолотилось и сделало себе «имя» не одно поколение экспертов.

Так в чём же феномен «Чёрного квадрата»? В том, на мой обычный взгляд, что он стал знаменем сил, которым невыгодно, чтобы искусство, как говорил А. С. Пушкин, пробуждало «чувства добрые». За это — за отсутствие чувств (добрых или нет, без разницы!) они готовы оплачивать подобные «шедевры» любыми деньгами. Нет, конечно, не первого встречного озолотить, а избранных. Они превратили искусство в свою песочницу, и сами назначают «гениев» и «шедевры». И всё это — именно ради беспредметности. Ради тупика, чтобы нравственный код человечности больше не передавался от поколения к поколению.

Казимир Малевич был бы счастлив, если бы дожил. И если предположить, что он относился к людям, способным разделить такое светлое чувство, как счастье. Что сомнительно. Иначе не появился бы в его жизни «чёрный квадрат».

Не осуждаю тех, кто упражняет чувство юмора по этому поводу: «Из-за вопиющей халатности работников Третьяковской галереи, "Чёрный квадрат" Малевича две недели висел вверх ногами». А вот ещё: «Пять раз из музея был похищен "Чёрный квадрат" Малевича... И пять раз сторожу дяде Васе удавалось восстановить эту картину до рассвета».

Но, пожалуй, не до смеха. Платит кто-то за подобные «шедевры» десятки миллионов долларов — на здоровье! Если у них они лишние, почему бы нет. Дело в другом — в сути, которую несёт «Чёрный квадрат», и в поставленных с ног на голову критериях оценки Творчества.

«Чёрный квадрат» — отрицание предметности, то есть природного начала в искусстве. Квадрат — потому что солнце круглое, чёрный — потому что солнце даёт свет. Это — краткая суть идеологии супрематизма, изложенная самим К. Малевичем в 1915 году. За пару лет до революции 1917 года. Одни считают, что Малевич поставил «жирную чёрную точку» в истории мировой живописи. Другие объявили его непревзойдённым гением. Мол, у полотна можно стоять часами и домысливать, в меру своих способностей. В России есть два места, куда можно прийти, и глубокомысленно стоять у «Чёрных квадратов» Малевича: Государственная Третьяковская галерея и Государственный Русский музей.

Важная деталь, чтобы понять, куда метил Малевич. На выставке в 1915 году «Чёрный квадрат» висел не как обычные картины, а опираясь сразу на две стены. Дословно: «"Чёрный квадрат" в красном углу». А в красном углу испокон века на Руси православные иконы висели.

Казимира Малевича, наверное, можно бы и пожалеть. Никому не навязываю, просто моё предположение. Художник он был заурядный, бился-бился над картиной (может, заказ или себе что-то хотел доказать) — ничего не выходит. В минуту отчаяния замазал всё чёрной краской. И тут его осенило! В ход пошла «цветная геометрия»: круги, квадраты, треугольники. Креативный маркетинговый ход.

Но почему во времена, когда картины из запасников Советской России попадали на мировые аукционы, чтобы на вырученную валюту закупить хлеб для голодающих или станки для индустриализации страны, не пустили в оборот хотя бы один из шедевров Малевича? Благополучно пережили творения Малевича и все атаки на абстрактное и космополитическое искусство.

Как нам опять не забрести в очередной «чёрный квадрат», то есть в бездну бунта? Технологии организации цветных революций за эти сто лет усовершенствовались. Хорошо, что мы уже не стесняемся слова патриотизм и начали понимать, что без национальной идеи мы снова можем потерять страну. И школа у нас из «поставщика образовательных услуг» постепенно возвращается к тому, что на Руси привыкли называть Школой. Невозможно почувствовать себя Гражданином Великой Страны, только лишь заучивая правильные ответы к ЕГЭ.

Нельзя ограничивать мир ребёнка только точными дисциплинами, только тем, что пригодится для карьерного роста. Он должен иметь возможность прикоснуться к великому наследию Человечества, будь то музыка, живопись или литература. Причём, такая возможность должна быть у всех, а не у избранных.

После посещения Сальского художественного музея² у меня перед глазами картина Бориса Неменского «Последнее письмо». Скупыми лаконичными средствами отображена трагедия молодой женщины и её сына, получивших страшную весть с фронта. Там, в музее, к картине я возвращался дважды, а дома нашёл в сети всё, что смог, о её авторе. Художник-фронтовик Борис Неменский до сих пор в строю, его работы недавно выставлялись в Берлине. Он 1922 года рождения, и ему тревожно за будущее страны: «Изобразительное искусство и музыку вообще пытаются вывести за пределы обязательной школьной программы. Но без сохранения и дальнейшего развития нашей культуры государству грозит распад. Сегодня мы обязаны это понимать и возрождать в людях чувство ответственности».

К этим словам я добавил бы и странную инициативу — заменить в списках литературы, обязательной к прочтению в старших классах, Александра Куприна и Николая Лескова на Людмилу Улицкую

² г. Сальск — райцентр в Ростовской области

и Виктора Пелевина. Слава Богу, не прошла. Но не думаю, что это — последняя попытка заменить классику поделками.

Что же касается секрета картины Боттичелли «Рождение Венеры», видимо, он в том, что художнику удалось передать чувство быстротечности и хрупкости красоты, да и самой жизни. Прообразом Венеры была легендарная красавица того времени — Симонетта Веспуччи, в которую автор был безответно влюблён. Прообразом, а не моделью, так как писал её Боттичелли по памяти — Симонетты к моменту написания картины уже восемь лет не было в живых, она ушла из жизни в 23 года.

Работы настоящих мастеров хранят и передают из поколения в поколение своеобразный нравственный код, делающий человека Человеком. И только в начале XX века эта традиция была прервана. У нас в стране её продолжателями были художники советской школы, принявшие эстафету Добра. А что будет дальше?

По мнению тех, кто сейчас стремится вершить судьбу планеты, Код Человечности не нужен. Без него проще управлять человекоподобной биомассой. И никакая охрана экологии окружающей среды не поможет, если мы не сумеем сохранить его нравственную экологию.

P. S.

Прошло шесть лет. С Россией ведётся открытая война, пока руками неонацистского киевского режима, снабжаемого вооружением и деньгами в неограниченных масштабах. Надо будет, и страны НАТО подключатся, потому что Россия, по их доктрине, должна быть расчленена на несколько удобных к поглощению государств. Боятся, что целиком не проглотят. Разрушение Кода Человечности в странах Запада приобретает необратимый характер: уничтожаются традиционные институты семьи, брака, нравственные ценности. По сути, это война сатанизма против Человечества. И мы обязаны в ней победить!

Руслан СЕМЯШКИН — родился в 1983 году в г. Симферополе. Окончил Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского по специальности «историк, преподаватель истории» и Одесский региональный институт государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, магистр государственного управления. Публицист. Печатался в журналах «Наши современники», «Простор», «Памир», «Литературный Азербайджан»,

«Литературная Армения»; всероссийских газетах «Правда», «Советская Россия», «Красная звезда», «Литературная газета», «Литературная Россия», «День литературы», а также в крымских газетах «Крымская правда», «Крымские известия», «Коммунист Крыма», «Южная столица». Трудится в ГУП РК «Черноморнефтегаз» ведущим инженером отдела гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и пожарной безопасности. Живёт в г. Симферополе Республики Крым.

КОРОЛЮ КИНОКОМЕДИИ МИХАИЛУ ПУГОВКИНУ 100 ЛЕТ

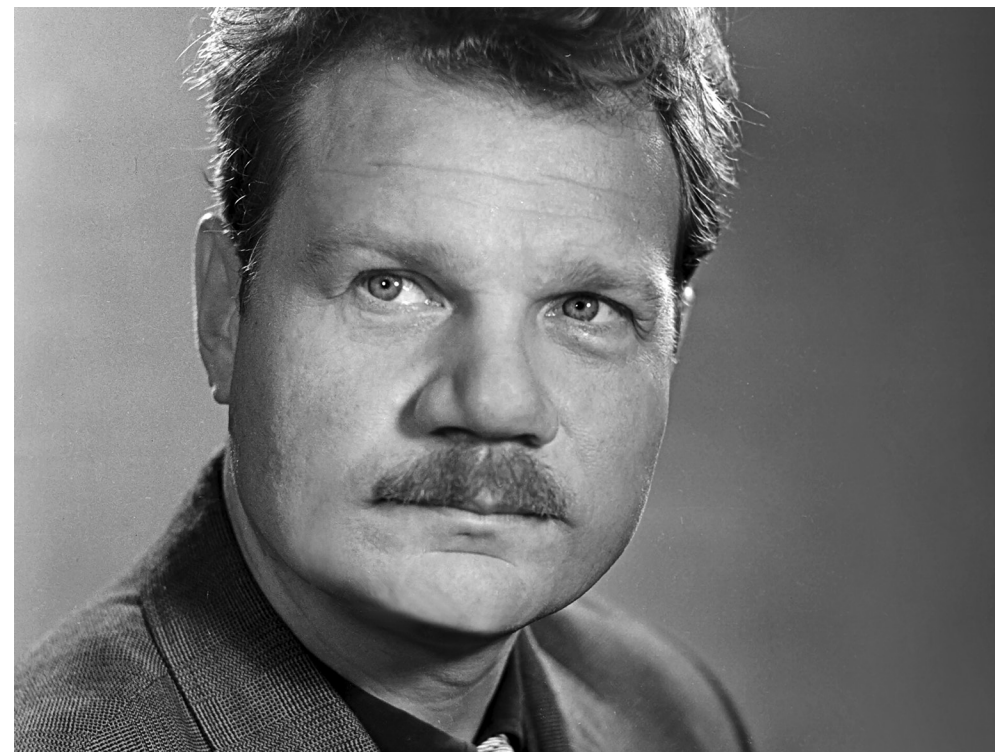
Мог ли в юные годы крестьянский сын из Ярославской области в своём воображении представить, что станет народным артистом Советского Союза? Вряд ли. Не задумывался он о славе и тогда, когда уже в Москве, прибавив себе пару лет, работал учеником электромонтёра на тормозном заводе им. Кагановича, а после работы бегал на Новослободскую улицу, в клуб им. Каляева, где находился драматический кружок, с которого, собственно, и начнётся многолетнее служение искусству, позволившее Михаилу Ивановичу Пуговкину, чей 100-летний юбилей со дня рождения приходится на 13 июля текущего года, сыграть 20 ролей на сцене и 100 ролей в кино. Причём среди них будут и такие, которые в народе помнят и любят до сих пор.

Неужели можно забыть прораба из «Операции Ы и других приключений Шурика» или отца Федора из «12 стульев» Л. Гайдая? А возможно ли не помнить режиссёра Якина из культовой комедии

«Иван Васильевич меняет профессию» и Сан Саныча из «Спортлото-82», снятых также незабвенным Леонидом Иовичем? Или может быть, забылся Яшка-артиллерист из «Свадьбы в Малиновке» А. Тутьшкина? Да, тот самый неунывающий Яшка, залихватски отплясывавший с героиней З. Фёдоровой и исполнявший ей шуточную песенку, давно полюбившуюся в народе: «Приготовьтесь, фрау-мадам, я урок вам первый дам...»

Незабываем в исполнении Пуговкина и Захар Силыч из фильмов «Солдат Иван Бровкин» и «Иван Бровкин на целине» И. Лукинского. Помнят наши сограждане старшего поколения и Сафрона Ложкина из «Дела пёстрых» И. Досталая и, конечно, электрика из фильма «Девушка с гитарой» А. Файнцимера. Нельзя забыть и блестящую роль Шельменко в фильме «Шельменко-денщик» А. Тутьшкина. Хорошо запомнился зрителям также и завмаг Горбушкин из знаменитой комедии «Не может быть», и полицмейстер из прекрасной комедии «За спичками» Л. Гайдая. Помнят соотечественники и капитана Врунгеля из картины «Новые приключения капитана Врунгеля» Г. Васильева. Того самого Врунгеля, который в белоснежном кителе распевал песенку «Я без моря жить на свете не могу».

Михаил Иванович Пуговкин — советский и российский актёр театра и кино, народный артист СССР

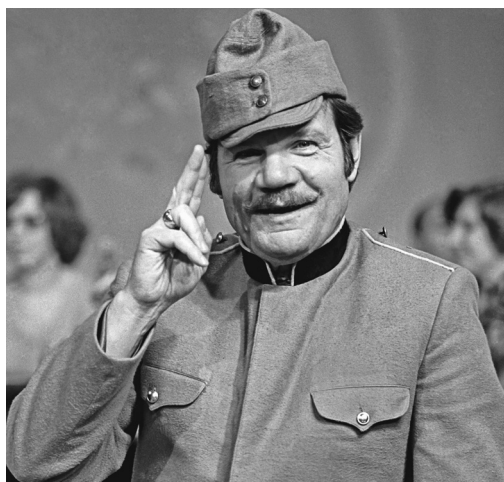

Фильм «Операция "Ы" и другие приключения Шурика», 1965 год. Пуговкин М. И. в роли прораба

Помнят они и многочисленные роли Михаила Ивановича в великолепных советских фильмах-сказках, его сказочных царей, королей, разбойников, которых можно было с детских лет лицезреть в таких фильмах, как «Илья Муромец» А. Птушко, «Огонь, вода и медные трубы», «Варвара-краса — длинная коса» А. Роу, «Финист — ясный сокол» Г. Васильева, «Русалочка» В. Бычкова, «На золотом крыльце сидели» Б. Рыцарева.

Перечисление заметных и хорошо запомнившихся ролей Пуговкина, естественно, можно было бы и продолжить. И каждый, кто искренне любит советский кинематограф, и особенно фильмы комедийные, запросто вспомнил бы какую-то лично ему полюбившуюся роль Михаила Ивановича, проработавшего в кино в общей сложности более шести десятилетий. Вспоминая же работы воистину народного артиста и выделяя среди них одну или несколько самых любимых и навсегда запомнившихся, любой из многочисленных поклонников творчества

Михаил Пуговкин — в роли солдата Швейка (на репетиции новогоднего «Голубого огонька», 1976 год)

Пуговкина мог бы сказать: «А у меня свой Пуговкин, исключительный, неповторимый и именно таким буду его помнить». Да, таким, всегда весёлым, улыбчивым, с незабываемым, но простоватым лицом, менявшимся и бывшим способным отображать различные настроения; поющим, танцующим, балагурящим, а если необходимо, то и серьёзным, сосредоточенным. Хотя, положив руку на сердце, серьёзные роли Михаилу Ивановичу, что называется, не шли, как-то после ролей комедийных в другом амплуа его представить было трудно. Что, в общем-то, и не удивительно, ведь недаром же Пуговкина ещё при жизни коллеги стали называть королём кинокомедии. И таковым в отечественном кинематографе он был один. Собственно, так и должно было быть, если уж короновали, с вручением символической королевской короны, так непременно одного, двух королей, причём в любом благородном деле, наличествовать никак не могло. Двух и более королей отечественная кинокомедия бы не выдержала...

Михаилу Ивановичу, вне всякого сомнения, в жизни повезло. И артистическая стезя, захватившая его в совсем юном возрасте, станет для него даже и не служением, а призванием, без которого жить, причём полнокровно, во весь рост, с высоко поднятой головой, по-настоящему творчески, вдохновенно, споро, открыто и радостно, он просто бы не смог. Таким Пуговкин до самых последних своих дней и оставался, — общительным, жизнерадостным, неунывающим, умевшим создавать хорошее настроение, и не только себе, но и всем окружающим. Посему и любили его коллеги-артисты, режиссёры, работники киноиндустрии и театров, представители власти, и, что самое главное, — простые люди, видевшие в нём доброго человека и удивительного актёра, блестяще овладевшего профессией артиста, артиста комедийного, призванного веселить, создавать хорошее настроение, дарить радость, оптимизм, веру в идеалы добра, которые, всё же, сильнее и мудрее зла, к сожалению, научившегося умело мимикрировать...

Начиналась же артистическая карьера будущего заслуженного артиста РСФСР, народного артиста РСФСР и СССР, кавалера советских орденов «Знак Почёта» и Отечественной войны II степени, российских орденов «За заслуги перед Отечеством» IV степени и Почёта, украинского ордена «За заслуги» III степени, почётного гражданина Автономной Республики Крым и Ялты, с участия в самодеятельности драматического кружка московского клуба им. Каляева, куда однажды заглянул заслуженный деятель искусств РСФСР Ф. Каверин, возглавлявший в то предвоенное время Московский драматический театр. «Он был удивлён и поражён моей игрой, ведь мне тогда было всего шестнадцать лет, — вспоминал Михаил Иванович много лет спустя. — Вскоре Фёдор Николаевич пригласил меня в профессиональный театр артистом вспомогательного состава. В моей семье все были против, ведь, работая на заводе, я получал зарплату 450 руб-

лей, а в театре всего 75 рублей в месяц. Только одна мама благословила меня — сказала: «Иди, раз душа просит. Правда, с таким лицом разве берут в артисты?»

Позже режиссёр Рошаль говорил: «Миша, у вас не лицо, а целая кинобудка, так и передайте своей маме».

Трудностей у меня в профессиональном театре было много. Одна из них — речь. В то время я, как ярославский парень, ещё не научился говорить «чаво». И Каверин сказал: «Хочешь быть артистом — поработай над речью». <...>

1941 год принёс мне ещё одну удачу. Режиссёр Г. Л. Рошаль пригласил меня сняться в роли Степаша Барского в кинофильме «Дело Артамоновых». Я сразу согласился. Рошаль спросил на пробах:

— Петь можете?

— Могу, — ответил я.

— Плясать можете?

— Могу, — ответил я.

— А играть?

— Могу, — ответил я.

Все засмеялись, а Рошаль сказал:

— Вот — молодость, что ж, будем его снимать».

Не обошла стороной Пуговкина и Великая Отечественная война. Прибавив себе год, он ушёл добровольцем на фронт, где попал в 1147-й стрелковый полк в качестве разведчика. «Воевать пришлось в полевых условиях, — писал артист в своих воспоминаниях. — Как сейчас помню, как на Смоленщине принял вместе с такими, как

Михаил Пуговкин в фильме Леонида Гайдая «12 стульев», в роли отца Фёдора, 1971 год

Кадр из фильма «Девчата», 1961 год

я, безусыми мальчишками, первый бой. <...> После налёта немецких самолётов из ста машин, в которых мы находились, уцелели только две — и то не полностью. Мне удалось спастись в этом крошечном аде без единой царапины. Ранило меня уже позднее, в августе 1942-го под Ворошиловградом. Ранило в ногу, в госпитале началась гангрена, и меня стали готовить к ампутации ноги. Когда ко мне подошёл главный хирург полевого госпиталя, я взмолился: «Доктор, нельзя мне без ноги, ведь я артист!» На свой страх и риск доктор пошёл навстречу молодому бойцу, уж очень убедительной была моя просьба. Лечение длилось долго, болезнь отступала медленно, меня перевозили из одного госпиталя в другой, пока я не попал в Тбилиси. Оттуда меня отправили домой на амбулаторное лечение, и я ещё целых два месяца добирался до Москвы, плыл пароходом.

Благодаря медикам Пуговкин окончательно стал на ноги и продолжил свою артистическую деятельность, которая с каждым годом совершенствовалась, обрастала новыми ролями и приносила известность, популярность, а затем и заслуженную славу... Но память о той страшной войне в артисте жила всегда. Пройдут десятилетия, и на праздничном концерте в честь 55-летия Великой Победы рядовой разведроты 1147-го стрелкового полка, народный артист СССР Михаил Пуговкин на сцене Кремлёвского дворца исполнит легендарную песню М. Блантера и М. Исаковского «Враги сожгли родную хату». Исполнит проникновенно и душевно, так, что сам патриарх Алексей II скажет ему: «Вы согрели наши души». Что и говорить, души людские Михаил Иванович согревать умел, и занимался он этим делом с полной отдачей сил, самоотверженно, искренне, полностью погружаясь в образы своих героев, вживаясь в роли, будто бы специально для него написанные...

Роли сценические и в кино, сколько их было, интересных, запоминающихся, оставивших неизгладимый след в долгой, продлившейся

целых 85 лет, земной, богатой на события и яркие впечатления жизни. А с какими режиссёрами посчастливилось работать!.. А коллеги-артисты, многие из которых стали добрыми товарищами и даже друзьями... И надо сказать, что всех их Михаил Иванович уважал, ценил, любил, помнил. О многих из них он откровенно поведал в своей книге «Мне 80, но не в этом дело», ставшей своего рода отчётом об актёрской службе и всём жизненном пути, самым теснейшим образом с ней связанным.

Как полагал сам Пуговкин, и, конечно, по мнению огромной аудитории телезрителей, лучшими работами артиста в кино стали те, которые проходили под руководством Л. Гайдая и А. Тутьшкина. Роли по большому счёту небольшие, даже порой эпизодические, но как они были сыграны! С каким творческим размахом, находчивостью, артистизмом! И ведь сколько времени бы не прошло, а роли эти не устаревают, в народе не забываются, их помнит старшее поколение, начинает ими интересоваться и молодёжь...

Некоторые из них могли и не состояться. В кино, тем более в советском, выдвигавшем перед его создателями особые требования, всякое бывало. Кому-то что-то могло не понравиться, кто-то в чём-то запросто мог засомневаться. Так, к примеру, при съёмках бесподобной комедии «Свадьба в Малиновке» профессиональный балетмейстер Г. Шеховская поставила под сомнение танец Пуговкина «В ту степь». Но прозорливый А. Тутьшкин настоял на своём и решительно заявил, что взял на эту роль Пуговкина потому, что «он споёт всё сам, и станцует всё сам».

В 1952 году молодой актёр впервые приедет в Ялту, где ему предстояло участвовать в съёмках замечательной киноэпопеи «Адмирал Ушаков» и «Корабли штурмуют бастионы» самого М. Ромма, признанного киноклассика тех лет. И хотя роль матроса Пирожкова в дилогии не была ключевой, в жизни Михаила Ивановича произошло куда более важное событие. «... Впервые увидел Чёрное море. Впечатление было таким сильным, что я сразу решил, что должен жить у моря, но переехал туда только в июне 1991 года».

Так Михаил Иванович, замороженный Чёрным морем и ялтинскими красотами, стал ялтинцем и крымчанином. Правда, самые последние годы своей жизни он провёл всё же в Москве, где навсегда и упокоился... А в российской Ялте в августе 2016 года на набережной им. Ленина выдающемуся артисту установили интересный и оригинальный памятник, увековечивший его в образе режиссёра Якина из бессмертной комедии Л. Гайдая, давным-давно живущей самостоятельно от её создателей жизнью.

А посему, бывая в красавице-Ялте, прогуливаясь по набережной в сторону гостиницы «Ореанда», подойдите к Михаилу Ивановичу, поклонитесь ему, постоит с ним рядом, повспоминайте, улыбнитесь и порадайтесь тому, что в жизни нашей был и продолжает оставаться Михаил Пуговкин, король кинокомедии, прекрасный и добрый артист на все времена.

ДРАМАТУРГИЯ

Аглая ЮРЬЕВА —

Смирнова Галина Юрьевна. Родилась в Ленинграде. Окончила филологический факультет ЛГУ. Кандидат филологических наук. Исследователь в области русской исторической лексикологии. Один из авторов многотомного «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков».

С 2013 года пишет пьесы разных жанров: пьесы для детей и подростков, фантазии на историческую

тему, драмы и мелодрамы. Ряд пьес отмечен дипломами победителей в разных драматургических конкурсах.

Драма «Мы будем жить» посвящена тяжёлой странице нашего народа — блокадным зимам 1942–1943 гг. В центре судьба двух сестёр — одиннадцатилетней Лиды и девятинадцатилетней Веры. Автор использовала в пьесе факты биографии своих родных и близких.

Пьеса «Мы будем жить» была в числе призёров и дипломантов таких международных конкурсов, как «Ремарка» и «ЛитоДрама».

Маме

МЫ БУДЕМ ЖИТЬ

Драма в 2-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Вера, 19 лет

Лиды, её сестра, 11 лет

Миша, 19 лет

Нюра, соседка Веры и Лиды, 26–28 лет

Тётя Лиза, управдом, 35–38 лет

Капитан, 27 лет

Женщины-оборонщицы:

1-я

2-я (самая молодая из всех)

3-я

4-я

Бригадирша

Ленинград, блокадный январь 1942 года.

Комната в коммунальной квартире. Окна завешены одеялами. Около стены — оттоманка, на которой накиданы одеяла и пальто. Недалеко от неё, почти по центру топится буржуйка, на которой стоит чайник. Около печки на низенькой табуретке сидит Лида в шерстяном или старом пуховом платке, концы которого перепоясывают худенькое тельце, и в валенках. Девочка раскладывает на плиточную часть буржуйки маленькие кусочки хлеба, сушит.

В квартиру входит Вера — замёрзшая, с газетным свёртком под мышкой. Останавливается у дверного косяка, снимает галоши с валенок и оставляет их у двери. Не раздеваясь, заходит в комнату. Лида вопросительно смотрит на сестру.

Вера. Не обменяла. (Кладёт свёрток на стоящую у дверей тумбочку, снимает газету. В свёртке лакированные туфли-лодочки).

Лида. Потому что ещё зима.

Вера. Но мамино крепдешиновое платье ведь обменяла.

Лида. На шрот. Терпеть не могу, до чего противный, чёрный.

Вера. Противный. Но, говорят, питательный. (Медленно развязывает платок). Как мороз начал из меня выходить.

Лида. Не трясись, иди сядь сюда... А туфли весной с руками и ногами оторвут.

Вера. Это у меня чуть ноги не оторвались от холода. Нет, лучше валенок сейчас ничего нет. Хорошо, что у Пани валенки остались. (Начинает потихоньку растёгивать пальто, подходит к буржуйке.) А до весны кто ещё доживёт...

Лида. Вера, не говори так. Мы доживём. Я знаю.

Вера. Ох, Лидуша...

Лида. А сегодня на детскую ещё и крупы отоваривали... (Подходит к столу, который вплотную стоит перед окном, берёт маленькую мисочку, показывает.) Горох.

Вера (грея руки у буржуйки). Замечательно. Можно сварить гороховый суп... Или лучше кашу.

Лида. Конечно, кашу. Но совсем не замечательно. Горох привару никакого не даёт.

Вера. Чего не даёт?

Лида. При варке не увеличивается. То ли дело пшено.

Вера. Но всё равно хорошо... Не отогреться...

Лида. Чайник закипает. Сейчас изнутри отогреешься. (Снимает чайник и разливает кипяток по кружкам, себе в эмалированную, Вере — в алюминиевую. Вера с удивлением смотрит.)

Вера. Откуда такая кружка?

Лида. Тоже Панина. Я посмотрела, она лучше тепло держит: изнутри греешься и снаружи. Посолить?

Вера. Посоли. (Лида солит Верин кипяток и протягивает ей кружку и подсушенный ломтик). Спасибо.

Лида. А я с пальцем буду (Макает палец в солонку, потом облизывает его, пьёт кипяток, сосёт сухарь).

Вера. Видела бы мама, что ты выделываешь!.. Неужели мы одичаем, Лидуша?

Лида. Верочка, ты такая умная, а глупости говоришь! Как мы одичаем?

Вера. Я на барахолке стояла — многого наслушалась. Люди уже людей едят. Одна женщина рассказывала, как старика поймали: свою жену убил и сварил. Развёл огонь, в котёл положил. Мешал да приговаривал: «Ну, милая, кормил я тебя всю жизнь, теперь ты меня корми!» А ещё слышала...

Лида (закрывает уши руками). Вера, не надо-а-а!

Вера (обнимая её). Ну, хорошо, хорошо. Успокойся. (Гладит её по голове). Вот ещё что я думаю... ведь кому-то понадобилось сейчас платье крепдешиновое...

Лида. Может, артистке.

Вера. Какой артистке, Лидуша! Все театры закрыты. Хотя... говорят, Музкомедия работает. Как это так — не представляю...

Лида. Вот видишь!.. А на фронте? На фронте же артисты выступают? А в госпитале перед ранеными?

Вера. Хорошо... Наверное, ты права... артистке... Не помню, рассказывала я тебе?.. Когда я первый раз пошла на барахолку с бабушкиными часами, меня так напугал какой-то дядька. Увидел часы, подошёл, глаза выпучил. Пальцем тычет в часы и говорит. Только говорит непонятно: «Тыто ваты тыты? Тыто ваты тыты?» Я так испугалась, повернулась от него, а он за мной. «Тыто ваты тыты?» Хорошо, милиционер рядом был. Разобрал, что этот дядька контуженный. Спросил: «Это ваши часы?» Мои, говорю я милиционеру. Вернее, бабушкины. А дядька сразу повернулся и ушёл быстро-быстро.

Лида. Может, у него такие часы были, да украли.

Вера. Может. А может, хотел напугать. Чтобы я ему часы отдала.

Лида. А сегодня в очереди у кого-то карточки украли.

Вера. Горе-то какое!

Лида. Это Копчёный. Я видела его около прилавка.

Вера. Что за Копчёный?

Лида. А парень такой. Маленький. Нет, он, конечно, не маленький. Просто рост у него маленький. И кожа у него на лице какая-то смуглая. Даже не смуглая, а какая-то... печёная.

Вера. Как это «печёная»?

Лида. Ну, не знаю. Просто он Копчёный. (Смеётся.) Печёный-копчёный.

Вера. Лидусь, ты поосмотрительней будь. А то давай я вместо тебя буду ходить?

Лида. Нет уж. Ты лучше за водой. И барахолка. Да ты и не знаешь нашу шпану в лицо. А я их всех знаю.

Вера. Милая ты моя сестрёнка! Маленькая взрослая девочка. Мне кажется, что я без тебя пропаду. *(Целует её, гладит ей лицо).* Ой, а что это у нас за девочка чумазая?

Лида. А... это от буржуйки.

Вера. Вся в копоты *(Оттирает ей щёки.)*. Ах ты мой Копчёный-Печёный!

Лида. Баню-то закрыли, раз трубы перебили.

Раздаётся стук во входную дверь.

Вера. Кто это?

Лида. Почтальон?

Вера. Зачем ей стучать? На дверях ящик.

Лида. А телеграмма?

Вера направляется из комнаты по коридору к входной двери, открывает.

Лида *(вслед)*. Почему не спрашиваешь, кто?

Входит тётя Лиза, управдом.

Тётя Лиза. Почему не спрашиваешь, кто?

Вера. Какая разница? Здравствуйте, тётя Лиза.

Тётя Лиза. Большая разница. Кто за чем нынче ходит по домам. Вон дом напротив разбомбили, так живо нашлись охотники до чужого. *(Проходит в комнату.)*

Лида. Здравствуйте, тётя Лиза.

Тётя Лиза. Здравствуй, здравствуй. *(Вере)*. Ну что, девонька! Завтра последняя эвакуация. Давай сестрёнку собирай!

Лида *(почти крича)*. Я никуда не поеду.

Тётя Лиза *(отмахиваясь)*. А тебя никто не спрашивает. *(Вере)* Завтра отправлю её вместе с Люськой из семнадцатой, тоже без матери осталась. Значит так, собери её бельё, тёплого побольше, кружку, миску, ложку, метрики и карточки не забудь.

Вера. Зачем, тётя Лиза? Мы же вместе...

Тётя Лиза. Затем, что не прожить будет на иждивенческую карточку. Тебе нужно на работу устроиться.

Вера. Я ходила на Балтийский завод. Не взяли.

Тётя Лиза. Почему? Там даже подростки работают.

Вера. В отделе кадров сказали, что дистрофиков у них и своих хватает.

Тётя Лиза. Ишь, какие! А где ж они нынче кормлёных найдут? Пстой-ка, поговорю я с Васей, участковым. Может, устроим. А ты собирай Лиду. Завтра я рано за вами зайду. Чтоб уже всё готово было.

Лида. Вера, не отправляй меня. Я умру без тебя!

Тётя Лиза. И здесь, девонька, можешь быстрее умереть.

Вера. Нет, тётя Лиза, спасибо. Уж... если умрём, так вместе.

Тётя Лиза *(сухо и недовольно)*. Ну, как знаете. Думаешь, как лучше людям, а они фордыбачат.

Вера. Спасибо, тётя Лиза. Но мы останемся вместе... А про работу поговорите, пожалуйста. Правда, я ничего не умею. Я ж только школу в прошлом году закончила.

Тётя Лиза. Зато десятилетку! Шутка ли — десять классов. А война быстро всему научит. Ну, ладно... Пошла я... *(В дверях)* Не забудь, завтра ночью твоё дежурство по дому. Твоё и Шурино из одиннадцатой. Надо к ней зайти, посмотреть, жива ли.

Лида. Жива тётя Шура! Мы сегодня в очереди стояли.

Тётя Лиза. Ну и хорошо. Ну и ладно. *(Уходит, возвращается)*. И вот что, девчонки, ссаки свои выносите подальше от дома, а не под самые окна.

Вера. Мы не под самые.

Тётя Лиза. Ну и ладно. Ну и хорошо. *(Вновь собирается уходить)*.

Лида *(повеселев)*. Тётя Лиза, а как там ваша Леночка? Вы ей привет от меня передавайте.

Тётя Лиза. Сидит Леночка! Я ей всё говорю: ходи, ходи. А она сидит. *(Вздыхает.)* Передам привет. *(Уходит, бубня: «Ну вот и ладно, ну вот и хорошо». Вера закрывает за ней дверь.)*

Вера *(возвращаясь)*. Ну вот и ладно. Ну вот и хорошо. *(Засмеялась, поймав себя на том, что повторяет слова тёти Лизы.)*

Лида. Ой, Веруня, как я испугалась, что меня сейчас возьмут и увезут куда-то.

Вера. Нет, Лидуша. Только вместе. Только вместе... Почему семьи специалистов не вывезли за Урал? Ну почему? Тогда бы и мама была жива!

Лида *(утешая)*. Перестань, не надо... Знаешь тогда какой был бы длинный поезд, если б все с семьями поехали: ни один паровоз не дотянул бы...

Вера. А мама совсем и не хотела уезжать. Ты же знаешь, она говорила: «Где родился, там и пригодился».

Лида. И неправильно это! Папа вот не в Ленинграде родился, а пригодился! И вон где ещё! И Паня тоже.

Вера. Но так говорят... Мама говорила. Вчера был месяц, как её не стало...

Лида. Двадцать седьмого умерла... А у Люси мама в начале месяца. Люська почти месяц по её карточкам хлеб получала.

Вера. Лида, что ты говоришь! Это цинично!

Лида. Это как? Плохо? Да? Плохо?

Вера. Да. Особенно для детей.

Лида. Ты же сказала, что я взрослая.

Вера. Взрослая девочка...

Лида (*запихивая в топку буржуйки дощечку*). Сегодня так коптит. Доски такие гнилые — гнилушки в темноте светятся. Я сначала даже испугалась. Открыла дверь в комнату — а в углу огоньки.

Вера. Эх ты, храбрец! Гнилушек испугалась. (*Показывает на тумбочку*). Вот тумбочка сухая и совсем уже ни к чему.

Лида. Попробуй её разрубить! Этажерка... так та лёгкая была.

Вера. Думаю, дедушкины книги... из большой комнаты нужно принести. Он бы нас простил... У Брэма переплёты толстые...

Лида. Нету Брэма.

Вера. Нету?

Лида. И этого... как его... Бругауза тоже нет... Только зря... Сгорают быстро, а тепла мало. Вот стульчаки с унитафов горят хорошо, долго.

Вера. Что? Ты сняла стульчак с унитафа?

Лида. Не с нашего же. Мы с Машкой Шустровой в разбомблённый дом залезли. Она плинтус отдираала, а я стульчаки... Только два успела скрутить. Потом слышим, милиционер кричит: «Кто там ходит?! Стой, мародёры!» Мы с Машкой пробрались с одной лестницы через квартиры на другую. Так и вышли. Жаль, теперь дом оцепили...

Вера. Ах, вот про кого тётя Лиза, наверное, говорила, что шастают. Лидуша, вас же могли забрать в милицию. Или, ещё хуже — застрелить.

Лида. Да ничего не застрелили. (*Подходит к миске с горохом*). Эх, нелущёный, долго размокает.

Вера. А тихо сегодня что-то.

Лида. Завтра бомбить будут. В твоё дежурство.

Вера. Завтра? Откуда ты знаешь?

Лида. Люська сказала: самолёт прилетал. Наверное, бомбить завтра будут.

Вера. Ты видела Люсю? Ну как она там одна?

Лида. Видела. Она меня попросила хлеб выкупить. На завтра и на послезавтра. Но на послезавтра не дали... А знаешь, как она ходит? Вот такой раскорякой. (*Ставит ноги на ширине плеч, наклоняется, опирается ладонями выше колен, идет боком мелкими шажками. Шажок и стон «А-а-а», шажок и стон «А-а-а!»*)

Вера. Бедная Люся! Это цинга. Как же её эвакуировать такую? (*Подходит к окну, чуточку сдвигает одеяло*.)

Лида. Не трогай!

Вера. Я в щёлочку, я не нарушу светомаскировку.

Лида. В щёлочку! Знаешь, как дует из щёлочки?! И чего там смотреть?

Вера. А я когда шла, видела, какой-то военный стоял у разбитого дома.

Лида. Так это постовой.

Вера. Нет, не постовой. Вот его уже и нет.

Стук во входную дверь.

Тётя Лиза опять, что ли? (*Идёт открывать*.)

Лида (*вслед*). Спроси, кто.

Вера открыла дверь. На пороге стоит высокий худой военный в шинели, с вещмешком.

Вера. Вам кого?

Военный. Здравствуйте! Вы меня не узнаете? (*Снимает ушанку*.)

Вера вглядывается, узнаёт, охает.

Вера. Теперь узнаю. Проходите, проходите, пожалуйста. (*Ведёт его в комнату*.) Лида, смотри! Узнаёшь? Это же... это же...

Военный (*подсказывая*). Миша.

Вера. Это Миша из дома напротив.

Лида. Был дом...

Вера (*укоризненно*). Лида!

Лида (*глядя на Мишу*). А... узнала! Музыкант! С папочкой ходил по двору, форсил.

Миша (*смущённо*). Да какой музыкант! Я в хоре пел.

Вера. Садитесь, Миша! Вы с фронта?

Миша (*растёгивает шинель, садится на маленький диванчик с другой стороны буржуйки*). Нет, я из госпиталя.

Вера. Вы были ранены?

Миша. Нет, нет. Я ещё не был на фронте. В декабре повестка пришла. Мне и Юре Павлову, из нашего класса. Пришли мы с Юрой на медкомиссию. Стоим перед врачом — два дистрофика на цинготных ногах. Врач посмотрел на нас и сказал: «Как таких на фронт? Давайте-ка, ребятки, сначала мы вас полечим». Почти месяц мы там, в госпитале, с Юрой пробыли. А завтра в шесть тридцать согласно мобпредписанию... Хотел с мамой проститься, а тут... Даже не знаю, где искать. Она ко мне в госпиталь приходила, сказала, что на работу устроилась на завод какой-то номерной. А вы ничего не знаете, что с жильцами из нашего дома стало?

Вера отрицательно мотает головой.

А ты, Лида, не видела?

Лида медлит, потом качает головой.

Вера. Дом почти пустой стоял. Если мама работала, значит, она могла и ночевать на заводе. Вон у нас соседка Нюра очень редко дома появляется. Так на заводе и живут. Вы не расстраивайтесь... Найдётся ваша мама. *(Трогает рукой чайник.)* Попейте кипяточку, согрейтесь. Вот соль, макайте, пожалуйста. У нас сегодня пир: на Лидину карточку ещё и горох выдали!

Лида *(мрачно)*. Горох привару не даёт.

Вера. Лида, ну как тебе не стыдно! Миша завтра уезжает на фронт!

Миша. Подождите. *(Достаёт из вещмешка жестяную коробочку.)* Вот, здесь каша. Из госпиталя прихватил для мамы. Её только разогреть нужно. *(Ставит кашу на буржуйку.)*

Вера. Ну, зачем вы, Миша. Сами съедите. Когда ещё на довольствие поставят.

Миша. Ничего. Нас в госпитале откормили. *(Открывает жестянку.)* Ешьте! Ешьте, пожалуйста, не стесняйтесь. И вот ещё *(Достаёт кусок хлеба и тоже выкладывает на верх печки)*.

Вера. Давайте всё же вместе. Я сейчас. *(Подходит к буфету и достаёт ложки. Мише столовую, а себе и Лиде — чайные.)* Вот. Будем тогда по очереди. *(Миша, смущаясь, тянется к чайной, но Вера отдаёт ему столовую.)*

Лида. Кто первый?

Миша. Ну, конечно, ты.

Лида, Вера и Миша по очереди зачерпывают кашу из жестянки. Получилось два раза по кругу.

Лида *(Скребёт ложкой по стенкам жестянки, потом засовывает палец в жестянку, собирает со стен прилипшие крупинки и отправляет палец в рот.)* Вкусная. Да! Вот пшено даёт приварок!

Миша. А хлеб давайте разрежем. *(Достает ножик, но Вера закрывает кусок рукой.)*

Вера. Хлеб лучше сначала посушить.

Миша, пожав плечами, убирает ножик.

Миша. А вы одни живёте?

Вера. Да, маму похоронили в декабре, перед самым Новым годом.

Миша. Когда-то Новый год был самым весёлым праздником. У нас всегда была ёлка под потолок. А игрушки мы с мамой мастерили сами...

Вера. А где работала ваша мама до войны?

Миша. Да в нашем Красном уголке на курсах ликбеза преподавала.

Вера. Ой, так туда наша Паня ходила.

Миша. Паня?

Вера. Она меня нянчила, потом Лидушу, а потом так и жила с нами.

Лида. Она курсы закончила, так её наградили Горьким.

Миша. Как?

Лида. Книжку «Мать» подарили. Паня гордая ходила. А читать не стала. Сказала, что букочки мелкие. *(Смеётся.)*

Миша. А где она? Тоже?..

Вера. Она в мае к родным под Смоленск засобиралась. Говорила, помру, не повидавшись. Вот уехала... А как там теперь под Смоленском... кто знает

Миша. Тяжело.

Вера. Как странно! Мы жили в одном дворе, виделись часто, а даже не знали, как зовут друг друга.

Миша. Я знал, что вы Вера. И сегодня сразу узнал, как только вы во двор вошли. Только сразу зайти к вам не решался.

Вера. Но хорошо, что решились.

Лида. Вы как хотите, а я спать ложусь. С утра за хлебом. Спокойной ночи.

Вера. Ложись, Лидуша, спокойной ночи. *(Мише)* У нас на Лиде всё держится. Я без неё пропаду.

Лида. Почему «без неё»? Мы же будем вместе!

Вера. Вместе, вместе. *(Целует её, помогает развязать концы платка. Лида укладывается спать на оттоманку, сняв только платок и валенки. Вера укутывает её с головой одеялом и поверх набрасывает пальто.)*

Миша. Вам тоже пора спать. А мне пора идти.

Вера. Куда же вы пойдёте? Ночь на дворе. Посидите у нас.

Миша. Пока доберусь, как раз и будет шесть тридцать. Согласно мобпредписанию. Спасибо вам, Вера.

Вера. Не за что...

Миша. Вот что, Вера... Дом наш разбит, туда уже мама не вернётся... если жива, конечно. Можно, я вам напишу... вдруг узнаете чего... ну и вообще...

Вера. Конечно, напишите, Миша. Я отвечу. И попрошу тётю Лизу узнать. Она вашего управдома наверняка знает.

Миша. Спасибо. Я рад, что повидал вас ... с Лидочкой. *(Встаёт, надевает шинель. Когда он поворачивается спиной, Вера незаметно опускает ему в карман шинели его кусок хлеба.)* Ну вот, рядовой Гусев готов!

Вера. Гусев. А мы — Соколовы... До свидания, Миша.

Миша идёт к дверям и вдруг резко поворачивается.

Миша. Вера! Я должен вам сказать... потому что у меня... потому что мне некому больше это сказать, а вы меня на фронт провожаете... Я... я... мне страшно идти на войну. (*Садится на соседскую галошницу под Ньюриной вешалкой*). Вот Юре — тому не страшно... А мне страшно, Вера... Вот Лидочка, маленькая совсем девочка, а не боится... Вы теперь презирать меня, наверное, станете, что я трус, но я должен был вам это сказать, потому что... потому что...

Вера (*садится рядом, берёт его под руку*). Знаете, Миша, я сегодня домой возвращалась через клубную площадь. Там дорожка протоптана среди сугробов. Иду я, а навстречу мне женщина идёт, еле-еле идёт. Мы уже почти поравнялись, и вдруг она пошатнулась и прямо в сугроб осела. Я было к ней двинулась помочь, а потом вдруг остановилась. Мне страшно стало: как же я её подниму-то, я же свои силы потрачу на неё, а самой не дойти будет. А она так руку ко мне еле заметно протягивает и губами: «Помоги...Помоги...». Или мне только показалась... А я, Миша, голову опустила и мимо прошла... О Лидочке подумала, которая меня ждёт. А ведь и эту женщину кто-то ждал... ждёт... Страх — это не самое страшное, Миша... Вот как по-дурацки сказала. Вот если от страха на подлость человек способен, вот тогда... А Лидочке тоже страшно, когда обстрел начинается. Знали бы вы, что с нею делается. Станет между дверных косяков, губы закусены синящие, к груди документы и карточки прижимает, вся трясётся, слёзы крупнее гороха и тоненько так стонет: «Мамочка, ой, мамочка!»... И Юре, наверное, тоже страшно... будет. Главное, Миша, чтобы не подлость, чтобы не подлость...

Миша (*обнимает её, целует в щёку*). Спасибо вам, Вера. Спасибо. (*Поднимается*). До свидания, Вера.

Вера (*поднимается*). До свидания, Миша.

Миша. Мы ведь говорим «до свидания». Значит, свидимся.

Вера. Свидимся, Миша. Лидочка бы сказала: «Обязательно свидимся. Я знаю».

Провожает его, закрывает входную дверь и возвращается в комнату. Подходит к завешенному окну, находит щёлочку, стоит и смотрит.

Раннее утро. Но всё равно темно. В квартиру входит Нюра — в тулупе, рабочих ватных штанах, на ногах у неё пимы, на голове платок поверх бархатной шляпки. Нюра растёгивает тулуп, развязывает платок, садится на галошницу. Стаскивает с ноги пимы и начинает что-то искать в галошнице. Заглядывает за неё, но искомого не находит. Подходит к двери сестёр и стучит в дверь снятым пимом. Сёстры от стука просыпаются, Вера вылезает из-под одеял, поёживаясь от холода, открывает дверь.

Вера. Что случилось?

Нюра. Это я тебя хочу спросить, что случилось? Куда девала мои меховые ботики, а? Небось на барахолку снесла? (*Видит, на тумбочке Верины туфли*). Ну, конечно, свои-то «лакиши» жалко. Ну-ка, говори, снесла на барахолку, снесла?! Надо же: с воровками живу, оказалось!

Вера. Что ты такое говоришь, Нюра! Как ты могла подумать?

Нюра. А чего тут думать-то? Своё проели — за чужое принялись. Оно и понятно: ботики меховые, только-только перед войной куплены, признавайся, за сколько обменяла. Поделись хлебушком-то! (*Наступает агрессивно на Веру*).

Во время диалога Лиды, выбравшись из-под одеял, сидит на краю оттоманки, насупившись и сжав кулачки. Как только Нюра делает шаг к Вере, хватает алюминиевую кружку и запускает её в обидчицу. Кружка ударяется о дверной косяк.

Лиды. Пошла отсюда! Сама ты воровка! Ты у меня всё время стружки на растопку тыришь. Не брали мы. Не нужны нам твои сраные боты. Проваливай.

Нюра. Ах, дрянь малолетняя! Отродье инженерское! (*Уходит, грозя*) Вот участковый разберётся, сраные боты или не сраные! И управдом пусть отсюда вас выписывает!

Вера в слезах возвращается, садится рядом, Лиды обнимает её, утешает.

Лиды. Не надо, Верунь, не надо.

Вера. Ну ты только подумай, Лидочка! Мы в воровки попали. Мы же столько лет жили вместе. И ничего, ничего ни у кого не пропадало. И комнаты никогда не закрывали на ключ.

Лиды. Это мы не закрывали, а Нюрка всегда закрывала... Не плачь, ну, Верунь, ну, не плачь... врёт она всё.

Вера. Но ведь куда-то делись её проклятые боты.

Лиды. Да куда они не делись! Они в кухне на плите стоят. Она думала, я плиту буду разжигать, так боты хотела погреть. Умная какая! Стану я её боты греть! А увидела, что я мешок со стружками убрала, сама-то не стала топить. А потом на работу ушла на неделю и забыла.

Вера. А чего ж ты ей не сказала?

Лиды. Пусть сама ищет свои дурацкие боты!.. А ты знаешь, Верунь, у неё шоколад есть.

Вера. Шоколад? Да ты что!

Лиды. Правда-правда. Я проходила мимо и слышала, как она шуршала обёрткой, а потом вышла в кухню, а у неё губы в шоколаде.

Вера. Ну, угостил кто-то из фронтовиков.

Лида. А им шоколад дают?

Вера. Говорят, что дают.

Лида. Ух ты! Взрослым шоколад дают. А ещё у Нюры вся комната бочками с селёдкой заставлена.

Вера. Лидуш, ну что ты выдумываешь-то!

Лида. И ничего я не выдумываю. Она кости выносила с селёдочными головами. А я ей говорю: «Нюр, не выбрасывай, а. Дай я обсосу».

Вера. А она что?

Лида. А она: «Что ты! Головы и кости ядовитые». И в печке их сожгла. Чтобы я не достала! Вер, разве кости у селёдки ядовитые?

Вера. Нет. Не знаю...

Лида. Да просто она жадная. Знаешь, как про неё наша Паня говорила: «Посерет и посмотрит, нельзя ли взять на квас».

Вера. Что? *(Фыркает от смеха.)*

Лида. Ага.

Вера. Лида, ну ты и нахваталась слов! Как нехорошо, ты же девочка!

Лида. Взрослая девочка.

Вера. И взрослым девочкам нельзя так говорить. Ну что? Подъём?

Лида. Ага, пойду очередь занимать. А что, музыкант ушёл?

Вера. Ещё вчера. А я пойду к тётё Лизе насчёт работы.

Лида. И Люське помоги спуститься. А то она не спустится сама.

Вера. Хорошо. Только позавтракаем. *(Наливает из бидона воду в чайник, растапливает буржуйку).* А где твой кусочек, Лидуш?

Лида. Нету. Я вчера всё съела.

Вера. Ну какая же ты неосмотрительная, Лидуша. Мама как учила: оставляйте кусочек на утро.

Лида. Ну как же на утро? А если ночью обстрел? Хлеб, что ли, останется?

Вера. *(смеётся).* Лидуш, ты же говорила, нас не убьют.

Лида. Конечно, не убьют. Но в дом может ведь попасть снаряд, вот прямо в мой хлеб. Может ведь, а? Вот так вот — ра-а-аз! — и нет моего кусочка. А вот про горох-то я и забыла вчера с вашими разговорами, а он за ночь замёрз в чашке. *(Подходит, берёт чашку).* Точно, замёрз. И уменьшился. Наверное, от холода.

Вера. Ой, Лидуша, прости, пожалуйста... Это всё я... Я когда Мишу проводила, стояла у окна и долго думала... О нас с тобой думала. И о папе. И незаметно по горошинке в рот тащила... Вот ведь что наделала!

Лида. Теперь уже варить нечего!

Лида смеётся, выковыривает замёрзшие горошины и отправляет в рот.

Та же обстановка. Только в комнате теперь Вера. Она расстелила головной платок и складывает на него бельё. Завязывает узлом. Достает из кармана маленький кошелёк, считает мелочь. Входит Лида, прижимая к груди полотняную сумку.

Лида. Опять повезло. *(Достает из сумки крохотную карточную порцию хлеба.)* Жаль, что не горбушка. Ты же свои карточки забрала на обмен. Ничего, теперь будет рабочая карточка и детская, правда? Тебя же ведь приняли на работу, правда?

Вера. Да, приняли.

Лида. Ура! А что ты там будешь делать? Снаряды? *(Глядя на узелок, собранный Верой).* Верунь, а ты на барахолку собралась?

Вера. Лидуш... ты сядь сюда... вот так... Сегодня всех наших работников отправляют на оборонные работы под Синявино. Вот отпустили вещи собрать... Так-то, Лидуша...

Лида. *(в отчаянии кричит).* А как же я? Вера, как же я без тебя? Я не хочу одна. Мы же вместе, ты говорила *(Рыдает).*

Вера. Лидочка, милая моя, потерпи немного. Я обязательно договорюсь, чтобы тебя забрать с собой!

Лида. *(плача).* Почему ты сразу не договорилась? Почему?!

Вера. Я не знаю... Нам просто приказали. Приказ повесили, понимаешь? *(Лида в слезах отрицательно мотает головой.)* Господи, ну почему я тётю Лизу не послушала и не отправила тебя в эвакуацию! Лидочка, я обязательно-обязательно за тобой приеду. Я-то как без тебя буду?! Ты только чуть-чуть потерпи... совсем чуть-чуть... Как приеду, сразу спрошу про тебя. И вернусь за тобой. А ты жди письма от папы. И будь осторожна.

Лида. *(плача).* Я осторожна.

Вера. Вот и умница. Вот и умница... А я пойду, Лидуша. Мне уже пора. Хорошо, что успели повидаться.

Лида. Подожди. *(Идёт в угол, где свалены доски, палки на растопку, достаёт большие «дворнички» рукавицы.)* Вот возьми. Вы же на морозе будете. Это Панины, она внутрь шкурку подшила, тёплые.

Вера. Нет, нет, Лидуша... Тебе здесь нужнее.

Лида. У меня две пары своих. А эти мне всё равно велики, ничего в них не ухватишь... *(Укладывает рукавицы поверх Вериного узелка.)*

Вера. У тебя на хлеб деньги остались?

Лида. Да, мелочь ещё есть. А мы кварплату не платили два месяца. Нас... меня не выгонят, Верунь?

Вера. Ой, не знаю. Займи, если что, у тётё Лизы. Я потом с ней рассчитаюсь... Ну всё, Лидуш. Давай посидим перед дорогой. *(Садятся в обнимку. Слышен звук сирены.)* Ну вот! Воздушная тревога, а надо идти. А ты, Лидуш, спускайся в убежище. *(Лида отрицательно мотает головой).* Спускайся, я тебя провожу. *(Лида сильнее)*

мотает головой.) Мне очень нужно, чтобы ты была жива. Очень нужно...

Лидида. Я здесь останусь... ты же знаешь... пока дойду, уже отбой.

Вера (*обнимает, целует Лиду*). До свиданья, моя милая сестрёночка, до свиданья. Береги себя. Я обязательно, обязательно приеду за тобой. Ты только потерпи чуть-чуть, только потерпи... (*Встаёт, берёт узелок и рукавицы и спешит к выходу*). Может, успею проскочить.

Лидида. Вера, Вера, скорее возвращайся... Я хочу вместе!.. (*Вера уходит. Звуки сирены нарастают. Через секунду слышны звенящие звуки снарядов, разрывов. Грохот всё нарастает, бомбят где-то близко. Лидида, съёжившись, хватает завязанные в тряпку документы, хлеб с буржуйки, прижимает к груди, выходит из комнаты в коридор и встаёт между дверными косяками своей из Нюриной комнат. Дом сотрясают разрывы снарядов.*) Мамочка-а! Мама! Ой, мамочка!!!

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Синявинские высоты под Ленинградом. Январь 1943 г. Оборонительные рубежи. Женщины роют траншею, делают снежный вал. Для укрепления траншеи другие подвозят жерди на санях без лошади. Среди них и Вера. Вдалеке видны небольшие землянки для оборонщиков.

1-я женщина. Слышите, а? Слышите?

Женщины прислушиваются.

2-я женщина. Вроде ничего не слышно.

1-я женщина. Так не слышно же! Столько дней не смолкало, а сегодня тихо. Ой, что-то там будет.

2-я женщина. Что будет, то и будет. Копай дальше.

1-я женщина. Оно, конечно, так. Странно только...

Вера. Почему становится на войне тихо? Потому что один убил другого...

3-я женщина (*в истерике*). Замолчи! А-а-а-а! Нет, не могу больше.

1-я (*подходит, трясёт её за плечи*). Ну-ка, ну-ка, перестань. Что ещё придумала!

3-я. Не хочу, не могу... Вы фашистов не видели. А я как вас их видела. Я ж из Горелова, знаете такой посёлок? Немцы к нам прямо в дом, прямо в дом... Сестёр с мамой — в Германию... А я подумала, что лучше умру здесь, а в их проклятую Германию ни за что не дам

себя увезти. Удалось мне уйти... А моих всех... туда. Гитлер победит — не увижу их, и наши победят — тоже не увижу.

Вера. Их освободят. Обязательно наши освободят.

3-я. Да помолчи ты. Барынька в фильдеперсах. Что утешаешь! Год здесь топчемся, никакого проку.

Вера. Зачем вы так? И не топчемся мы, а идём за фронтом. Вон сколько уже деревень прошли.

1-я. Правильно. А что это значит? Значит, наступают наши, теснят фрицев. А ты сопли вытри — и лопату в руки. Вот девчонки жерди привезли.

4-я. Говорят, уныние — это смертный грех.

3-я. Ну ещё и богомольная отыскалась.

Женщины занялись тем, чем занимались. Те, кто привёз жерди, начинают разгружать дровни. Вбегают, запыхавшись, Бригадирша — платок съехал, волосы растрёпаны.

Бригадирша. Ой, девки... ох... что скажу...

Все женщины столпились вокруг, занервничали.

Уф... Не отдышаться... В общем, милые вы мои... родненькие... уф... в общем, всё... блокаду прорвали...

Все кричат «Ура!», обнимаются, валяются в снег, целуют бригадиршу, всячески дурачатся. Появляется Капитан, военный начальник над оборонщицами. Бригадирша, видя командира, пытается освободиться от женщин, сваливших её в снег, встаёт.

Бригадирша. Вот, товарищ капитан. Радость-то какая великая!

Капитан. Да, прорвали.

1-я. Теперь попрут немца.

Капитан. Точно. Попрут... Попрём... Вот что, бабоньки...

2-я. И девоньки.

Капитан (*улыбаясь*). И девоньки. Кто-нибудь из вас умеет на пишущей машинке?

4-я. Мы только на швейной мастера.

Вера. Я немного умею. Двумя пальцами, правда, но быстро. Я папе помогала техзадания печатать.

Капитан. Да мне хоть одним. Лишь бы быстро. Тогда пойдём... те в землянку, мне нужно отчёт составлять. (*Идут с Верой по направлению к командирской землянке.*)

3-я. Вот и война, а без отчёта никуда.

1-я. А ты как думала! А ведь теперь нас, наверное, в Ленинград отправят. (*Кричит вслед Капитану.*). Товарищ капитан, товарищ капитан!

Капитан (*поворачиваясь*). Эх, штатские, когда ж вы дисциплине-то обучитесь. Ну, чего?

1-я. А что же с нами будет? Так за фронтом и пойдём?

3-я. Ага. До Берлина!

Капитан. Приказа о роспуске пока нет. Но не исключено, что скоро.

2-я. А я на фронт попрошусь. Возьмут?

3-я. Кем? Пэпэжэ?

2-я. Дура ты.

3-я. Сама дура. Вон бери орясины и укладывай в траншею.

Бригадирша. Цыц! Погалдели, пошумели, порадовались, а дело стоит!

Женщины вновь принимаются за работу.

3-я. А капитан-то на нашу барыньку в фильдеперсах глаз положил.

Бригадирша. Прекратить разговоры.

3-я. Да ладно. Я чего... Я ничего...

4-я. Не надо завидовать.

3-я. Я-а? Очень нужно быть офицерской подстилкой.

1-я (*подходит к ней вплотную, так что 3-я оказывается на краю вала*). Я сейчас тебе все ноги переломаю, если не заткнёшься.

3-я. Да пошла ты! (*Осторожно обходит 1-ю по краю, умолкает, занята работой*).

2-я. А я всё равно на фронт попрошусь. Санитаркой же возьмут, правда? Должны взять.

Бригадирша. Возьмут. Крови ещё много прольётся. Ох, много.

1-я. Пусть фрицы захлебнутся!

Бригадирша. Охо-хо. Они-то захлебнутся, да наши-то мальчишки не воротятся.

1-я. Сколько их не вернётся!

Бригадирша. Вот тогда и поплачем. С теми, кто вернётся.

Слышится звук ударов в рельс.

Вот и обед, девчата. (*Женщины оставляют лопаты и спешат на звук*). Эй, Тамара, а чего ты лом-то бросила в снег, а потом искать станешь? Тася, всё, вылезай, заработалась. Идите обедать, а я к начальству зайду.

3-я. Зайди, зайди. Да не спугни только...

1-я. Опять?

3-я. Ой, да ладно.

Женщины отряхиваются, берут свои лопаты, ломы и вставляют их в снег торчком, потом направляются к своим землянкам, а Бригадирша идёт по направлению к землянке Капитана. Потом останавливается и поворачивает назад — догонять оборонщиц.

Из командирской землянки выходят Вера и Капитан.

Капитан. Ну, спасибо. Быстро и чисто. Я бы нескоро управился.

Вера. Пожалуйста. Поначалу пальцы не слушались. Но у вас тепло, согрелись.

Капитан пытается взять Веру за руку, но она отводит руку и начинает надевать рукавицы.

Капитан. Ну что вы, Вера... (*Смотрит на неё*.) Какая вы красивая, Вера... Вот только сейчас разглядел.

Вера. Товарищ капитан, так нас скоро назад?

Капитан. Эх, Вера, Вера... Скоро, теперь, стало быть, скоро... А как бы мы ... с Верой...

(*Вера вопросительно смотрит на него*.) С верой в победу погоним фашистов...

Вера. А вы, товарищ капитан, на фронт?

Капитан. На фронт. А то что ж я вот так в тылу и просижу возле женских подолов? (*Пытается обнять*.) А у вас, Вера, есть кто на фронте?

Вера (*отстраняясь*). Нет... то есть да... А у нас одна девушка на фронт хочет.

Капитан. А вот вы бы, Вера... Мне нужно... на машинке-то... а? Вроде как секретарём...

Вера. Я бы санитаркой могла, но у меня ребёнок...

Капитан. Какой ребёнок? Как ребёнок?

Вера. Ну, сестрёнка, Лидочка. Вы её знаете. Она всегда дневальным остаётся, за землянками присматривает, прибирается, печурки топит, воду греет.

Капитан. А... знаю-знаю. Шустрая девочка. Стойте! (*Уходит в землянку, быстро возвращается*.) Вот, возьмите, Вера. За труды.

Вера. Что это?

Капитан. Шоколад.

Вера. Шоколад? Я как-то Лидочке сказала, что на войне шоколад дают, но сама в это не верила...

Капитан. Берите, берите, угощайтесь.

Вера. Спасибо. Я Лиде отнесу, можно?

Капитан. Ну что вы спрашиваете! (*Обнимает*.) А знаете, Вера, вы заходили б после смены... погреться. Чаю попить... Ваши землянки хоть и маленькие, да холодные...

Вера (*освобождаясь от объятий*). Ничего... Мы с сестрёнкой спим в обнимку, так теплее. А на пол Лидочка лапника натаскала... Пойду я, товарищ капитан? Меня Лидочка заждалась.

Капитан. Ну, идите... идите... Вера...

Вера идёт в направлении к землянкам оборонщиц. Капитан уходит в свою землянку. Мимо Веры проходит военный в надвинутой низко на лоб ушанке.

Вера. Миша?!

Миша. Вера? Вера! (*Сближаются, сначала неловко, смущаясь, пожимают друг другу руки, потом обнимаются*). Как? Почему здесь?

Вера. Мы уже год как здесь! Меня направили вместе с предприятием. Вот так и идём за фронтом. Сначала долго в Большой Берё-

зовке стояли. А потом подвигаться стали... Разметелево... Мяглово... Пустоши... А может, в другом порядке... Я не очень-то помню. Миша, а как же вы тут оказались?

Миша. А я вот тут как раз, на Ленинградском фронте. Только перед самым прорывом меня ранило (*показывает левую забинтованную руку*). Так обидно. Даже не ранило вовсе, а так, осколком зацепило... Перебило два пальца — безымянный и мизинец. И сухожилия задело. Кому сказать — засмеют. Вот так ранение! Нелепо, глупо, правда?

Вера. Нет.

Миша. Попросился хоть здесь, с трудармейцами остаться, чтобы своих догонять недалеко пришлось. А на перевязки в медсанчасть ходить буду... И швы здесь снимут.

Вера. Как я рада вас видеть, Миша!..

Миша. И я очень рад... А как же Лидочка? Неужели одна в Ленинграде? Или?..

Лидочка вбегает с криком «Музыкант!» и повисает на Мише.

Вера (*смеясь*). Ну вот и она! Больше месяца одна прожила. А потом я договорилась с руководством. Съездила и забрала её. Тут есть ещё женщины с детьми.

Лидочка. Ага! Франька противный. Я его Фрицем зову!

Миша (*смеясь*). А чем же он противный?

Лидочка. А он патроны ищет... Тут их много осталось... Подкрадывается и в костёр кидает. Во бабахает! Одной тётенке ресницы и брови опалило, она рядом стояла.

Вера. И влетело ему за это!

Миша. А что, Лидочка, теперь не боишься, когда «бабахает»?

Лидочка. А... Вера разболтала... Нет, не боюсь. Теперь же не над головой. (*Смеётся*.)

Вера. А я ведь, Миша, ничего про вашу маму не узнала...

Миша. Нет мамы... Не была она на работе во время обстрела... Мне сообщили друзья по ленинградскому госпиталю... А вам отец пишет?

Вера (*вздыхнув*). Может, и пишет. Меня в город не отправляли, не знаю.

Лидочка (*тянет сестру за руку*). Вер, обедать же пора! Всё остыло уже!

Вера. Ох, уж эта Лидочка-хлопотунья! Смотри, что у меня для тебя. (*Протягивает подаренный шоколад*.) Капитан угостил за то, что я ему отчёты по отряду печатала.

Лидочка (*разворачивает*). Ой, и взаправду шоколад. Только без красивой обёртки. Ну, идём, идём.

Вера. Ну что ты с ней будешь делать!

Миша. Идите, идите, Вера. Мы же ещё увидимся. Завтра. А может, даже ещё и сегодня.

Вера. Сегодня. Обязательно сегодня. (*Прощаются, расходятся. Лидочка, держа Веру за руку, оборачивается и машет Мише рукой, он — в ответ. Потом подходит к командирской землянке, подтягивается и входит. Слышно «Товарищ капитан! Рядовой Гусев для трудовых оборонительных работ на период прохождения лечения при медсанчасти прибыл в ваше распоряжение».*

Несколько дней спустя. То же самое место. Женщины-оборонщицы продолжают свою работу. Начинает темнеть.

1-я (*4-й*). Таська, ты зачем кровавые маскхалаты подбираешь в снегу и под нары складываешь?

4-я. А затем, Зоенька, что у меня дома, в Ленинграде, ни простыночки, ни бельишка не осталось. Всё обменяли. Вот отбелю я халатки в щёлочке да нашу себе белья да рубашечек сыночкам моим...

2-я (*тихо Бригадирше*). Ужас какой: на её глазах дети погибли. Хотела из одной комнаты в другую, где потеплее, перебраться. Стали свои вещички переносить. Дети с узелочками вошли, а она повернула назад, чтобы буржуйку перетащить. А тут снаряд. Прямо в комнату, где потеплее...

Бригадирша. Да слышала я про неё. Как бы умом не тронулась совсем. С каждым днём всё хуже и хуже.

3-я. Эй, Вера, а что это за солдатик вокруг тебя вертится?

1-я. А много будешь знать, скоро состаришься.

3-я. Я и так состарилась за два года на десять лет.

2-я. А знаешь, почему? Потому что никому добра не желаешь.

3-я. А мне кто желает добра, а? Ты, что ли? Или, может, тот офицер немецкий, что в нашем доме стоял? Или вон, Верка мне желает добра? Вон как сверкает глазами.

Бригадир. Ну-ка, прекрати! Все хлебнули.

3-я. И ещё нахлебаемся.

Бригадирша. А ты мне эти настроения брось. А то...

3-я. А то что?

Бригадирша. Ничего.

3-я (*язвительно*). Без суда и следствия, да? Так это Таську надо... за мародерство, за грязные маскхалаты...

Бригадирша. Молчать!! Живо снег утрамбовывать, живо. Ишь, разговорчивые все! Я вам поговорю!!!

2-я (*Вере тихо*). А правда, кто это?

Вера. Сосед по двору. Дом их разбомбило. Мама его погибла во время обстрела.

2-я. Вот как.

Вера. Руку залечит — и своих догонять.

2-я. Эх, мне бы с ним!

Вера изумлённо смотрит на неё.

Что ты? Фу ты! Что ты подумала-то?! Я про то, что на фронт тоже бы!

Вера (смущённо). Да нет, я ничего...

Входит Капитан.

Капитан. Товарищи трудармейцы, поступило распоряжение подготовить списки для представления вас к медали «За оборону Ленинграда».

Женщины вразнобой кричат кто «ура!», кто «служу трудовому народу!»

Капитан. А кто из вас, дорогие мои, списки мне печатать будет?

3-я. Ну уж известно кто.

Вера. Я напечатаю, товарищ капитан.

Капитан. Вот как смена закончится, так и приходите.

Уходит в направлении к своей землянке.

3-я. Ну и ну! Сначала смену тут оттруби, потом там ему... труби...

За шоколадку.

1-я. Ну как же тебе неймётся-то? Что ты девчонку обижаешь, чего цепляешься? Не слушай ты её, Вера.

4-я. Зависть — тоже смертный грех.

3-я. Вот долдонка!

Слышен сигнал к ужину.

Бригадирша. Ну всё, девчата. Закончили смену. Смотрите, инструмент не разбрасывайте.

1-я. Да что с ним будет!

Бригадирша. А снегом завалит?

1-я. Откопаем.

Бригадирша. Чем? Если завалит...

Смеются. Уходят в направлении к землянкам и столовой.

2-я (Вере). А ты туда? (Вера кивает.) Слушай, спроси у капитана насчёт фронта. А? Я заявление давно писала, а ответа всё нет. Спроси. А? (Вера кивает). Спасибо... Ну, чего стоишь?

Вера. Пальцы замёрзли. Сейчас сяду печатать, а из них мороз начнёт выходить. Печатаешь словно на иголки нажимаешь... Всё. Пойду. Скажи Лиде моей, что я попозже приду, пусть ужинает, не ждёт меня.

2-я. Хорошо... Про меня только не забудь...

Вера. А почему ты так на фронт рвёшься?

2-я (помявшись). Ладно... тебе скажу... Всё равно уже в себе держать тяжело. В общем, семья у нас была большая. Из детей я самая старшая. Остальные — ещё трое, малявки. Жили мы... как все, наверное, жили. А потом война...

Вера (как эхом). Потом война...

2-я. Отец пошёл во двор дрова рубить... Чего там рубить-то было летом, нам всегда дрова привозили с избытком... Пошёл, значит... И попал топором по пальцам... Трёх пальцев как не бывало... Мы тогда все плакали, папу жалели... А потом я услышала, как он маме

говорит: «Если я б ушёл на фронт, кто б вас кормить бы стал». И тогда я поняла, что он струсил...

Вера (нерешительно). Но он же ради семьи...

2-я. Что ты его защищаешь, что?! Нет, он струсил. И сподличал. У всех семьи. Но другие же пошли. Вон твой тоже без пальцев, а собирается опять на фронт. И мне стыдно за своего отца так, что... В общем, очень мне на фронт надо.

Вера. А твои живы остались?

2-я. Нет. Все зимой сорок первого. Отец раньше всех. Потом Петька, Танька... Потом и мама с Кирюшкой... Вот так. Очень мне на фронт нужно. Так скажешь, не забудешь?

Вера кивает, 2-я уходит вслед за женщинами. Вера направляется к землянке капитана. Слышен диалог Веры и капитана в землянке.

Вера. Разрешите, товарищ капитан.

Капитан. А, Верочка. Входите, входите... Как хорошо...

Вера. А где же машинка? Где печатать?

Капитан. Машинка-то? Сейчас, сейчас... Вот сначала так. (Звучит патефон — популярная мелодия типа «Рио-риты» или «Брызг шампанского»).

Вера. Что вы делаете, товарищ капитан! Пустите, пустите немедленно! Да что же вы такое делаете, товарищ капитан! Как вам не стыдно?! Пустите, я сказала.

Вера выбегает из землянки Капитана и бежит к землянкам трудотряда. Капитан выбегает за ней, смотрит вслед, раздосадовано делает отмашку кулаком и скрывается в землянке. Из-за дерева справа выходит 3-я, закуривает.

3-я. Ай да молодчина! Капитану нос натянула. Вот так: дам, но не вам! Вот тебе и возьми их — в фильдеперсах... (Вздыхает.) Теперь тебе, заюшка, ох как не повезёт, как же тебе не повезёт... (Гасит окурок и уходит).

Поздний вечер. Там, где работали женщины, около кострища на колоде сидят прижавшись друг к другу Вера и Миша. Костёр не горит, но, если на него подуешь, искрится. А если бросишь щепку, то он чуть больше осветит сидящих.

Миша. И тогда бабушка гостям сказала: «А сейчас Мишенька вам расскажет сказочку про волка». Меня поставили на табурет, и я начал: «Я волком бы выгрыз бюрократизм...»

Смеются оба, однако стараются делать это негромко.

Все гости стали так хохотать, а я заревел. Меня папа схватил, тискает, потом все гости по очереди. А я не понимаю, ещё пуще реву...

Смеются.

Вера. А я перед гостями играла этюды Клементи. Пальцами торкала в клавиши по памяти. Знаешь, у меня ведь почти нет музыкального слуха. А родители очень хотели научить меня на фортепиано.

Миша. Да уж... Наверное, родители всегда хотят дать детям то, чего сами не имели.

Вера. А я твоего папу не помню совсем.

Миша. Рано они развелись, мне и пяти не было. А почему — так в толк и не возьму. У матери спрашивал, она только отмахивалась.

Вера. А где он сейчас? На фронте?

Миша. На финской погиб. Но я не сразу узнал. Только когда самого призвали.

Вера. А вот скажи, Миш... Помнишь... когда ты уходил на фронт... там, в Ленинграде... ты сказал, что... страшно тебе... А сейчас?

Миша. В нашем взводе был один человек... Был... Он с первого дня на фронте. Точнее, он прямо с финской на эту попал. Так вот он мне однажды сказал: «Мишка, не верь тому, кто говорит, что на войне не страшно». Вот только теперь страх другой. Этот страх трусости не товарищ. Сейчас мне за тебя с Лидой страшно будет: вы далеко, а я защитить не могу.

Вера. Ты всех нас защищаешь... Я просто чувствовать буду твою защиту (*Улыбается*).

Миша (*продолжая*). Сейчас страшно не за себя, а за других — за вас, за товарищей, за Ленинград...

Вера. За Родину.

Миша. Не знаю... Вот в классе карта висела на всю стену. Но разве Родина — это карта? И не был я нигде. Один раз только из Ленинграда уезжал: в Новгород с хором на конкурс... Ничего мы там не заняли.

Вера. И мы только на дачу в Токсово. Но всё равно... Вот у меня дедушка из Тотьмы, с Вологодчины, Паня — из-под Смоленска... И папа...

Миша. А... Так у меня бабушка из Калинина, из Твери то есть. Но это совсем близко от Ленинграда.

Вера. Можно ещё повспоминать про родственников или знакомых. (*Смеётся*) Так на целую карту растянуть и можно. А ты слышал про город Ерофей Павлович?

Миша. Как? Ерофей Павлович? Это ты сама придумала?

Вера. Разве самой такое придумать? Нет, это городок... даже посёлок... в Амурской области. Он в честь Хабарова назван. Помнишь, проходили про Хабарова на географии.

Миша. Да, что-то помню. А ты откуда знаешь?

Вера. Папа рассказывал... А папа теперь, получается, где-то по середине — между Ленинградом и Ерофеем Павловичем... Не слышно ничего, скоро нас расформируют?

Миша. Теперь уже скоро. Скоро вернётесь домой.

Вера. Я даже не знаю, дом цел или нет. И хорошо, что ты не писал, а то, где бы твои письма оказались.

Миша. Сказать, почему не писал?.. Я тогда от вас к месту сбора, к школе, еле добрался к четырём утра. Продрог, руки-ноги не сгибаются. За угол завернул от ветра. Ещё почти три часа ждать, а потом ведь идти... Совсем замёрз. Развернул твой хлеб, а он как камень... Ах, Верочка, как же он меня выручил. Стоял, прислонившись стеной к дому, сосал этот хлеб и плакал от стыда. Губы коркой льда покрывались, а внутрь потихонечку тепло пробиралось... Вот так и дождался. А потом мы совсем недолго шли... Потом ехали... Вот так...

Вера гладит его по щеке.

А теперь я писать вам буду. Обязательно буду. Часто буду.

Обнимаются, целуются. В это время из своей землянки выходит Капитан, замечает целующихся Мишу и Веру.

Капитан. Т-а-ак! Отставить! Рядовой Гусев! (*Миша вскакивает и вытягивается по стойке «смирно», Вера остаётся сидеть.*) Это как же понимать, рядовой Гусев! Это что же вы за моральное разложение среди трудармейцев проводите?!

Миша. Товарищ капитан...

Капитан. Молчать! Смирна-а! Трудармеец Соколова!

Вера (*вставая*). Я!

Капитан. Трудармеец Соколова, почему на объекте? Почему костёр не потушен?!

Вера. Товарищ капитан, костёр потушен, мы только...

Капитан. Отставить. Что должен делать трудармеец после смены? Отдыхать! Отдыхайте, трудармеец Соколова. Свободна. (*Вера пытается что-то сказать.*) Кру-гом! На место отдыха шагом марш!

Вера не по-военному разворачивается и идёт в направлении землянок, несколько раз оборачивается. Миша по-прежнему стоит навтытяжку.

Рядовой Гусев! Приказываю: не приближаться к трудармейцу Соколовой ни под каким предлогом! Приказ понял?

Миша. Понял, товарищ капитан. Но...

Капитан. Нет, ты не понял, рядовой Гусев! Я не позволю, чтобы во вверенном мне трудотряде началось моральное разложение! Мы тут все оборону крепим и такие вот ...гуси... трудовую дисциплину распатывают. Всё! (*Разворачивается.*)

Миша. Товарищ капитан! Мне так по команде «смирно» и стоять?

Капитан. Вольно. (*Собирается войти в землянку.*)

Миша. Товарищ капитан, разрешите обратиться.

Капитан. Чего ещё?

Миша. Товарищ капитан, трудармеец Соколова моя невеста.

Капитан. Что??? Ах, ты щенок! Это ты что ж за бабьими подоломи отсидеться здесь решил? Тепла бабьего захотел? Сколько у тебя уже в невестах ходят? Ах, паскуда! Молчать! Да я тебя... я тебя...

Вот что, Гусев! Приказываю завтра же отправляться в действующую. И благодари судьбу, чтобы тебе дезертирство не впаяли!

Миша. Товарищ капитан...

Капитан. Не обсуждать!

Миша. Товарищ капитан, разрешите завтра швы снять в медсанчасти.

Капитан. В полевом снимут. Свободен!

Миша поворачивается и уходит. Капитан скрывается в землянке.

Просцениум (или авансцена). Навстречу друг другу бегут Миша и Вера с Лидой. Сближаются, обнимаются.

Вера. Но почему? Почему?

Миша. Потому что это приказ.

Лида. Тебе все могут приказывать?

Миша. Нет. Только старшие по званию. (Вере) И ещё ты, мой генерал!

Вера. А как же твоя рука? Пальцы?

Миша. Ничего. До свадьбы заживёт. (Лида хихикает, Вера смущается). Автомат я удержать смогу.

Вера. Мне страшно. Теперь мне страшно за тебя... за нас. Я не хочу... (Плачет, прижавшись к Мише.)

Миша. Не бойся, ничего не бойся. Всё будет хорошо. Ведь должно быть всё хорошо. И теперь у меня есть ты, родная моя. И ты, Лидочка, сестрёнка моя. (Целует её в щеку.) Как ты говоришь: «Мы будем жить»?

Лида (с укоризной). Опять ты, Вера!

Вера. Я не отпущу тебя. Это всё неправильно!

Миша. Да, родная моя, война — это самое неправильное в жизни. Но ей придёт конец. Скоро. Прощайте, мои милые, мои любимые. (Целует их по очереди. Потом долгий поцелуй с Верой). Всё! Пора! (Быстро уходит, оборачивается, машет рукой, Вера и Лида не машут в ответ. Лида стоит и пристально смотрит уходящему Мише вслед.)

Вера (прижимая к себе Лиду, плача). Он вернётся, он вернётся...

Лида молчит.

Лида, он же вернётся? Скажи, что он вернётся.

Лида молчит.

Ну почему же ты молчишь, Лида?! Скажи, он вернётся. Что же ты молчишь, что ты молчишь, Лида-а! Он вернётся! Вернётся! Вернётся!!!

Вновь коммунальная квартира в Ленинграде. Весна (март-апрель) 1943 г. Вера и Лида возвращаются домой с оборонных работ. Входят в квартиру, открывают дверь в комнату.

Вера. Вот и дома.

Лида. Дома. Холодно как. Вон иней на стене. Я снимать пальто не буду.

Вера. Вымерзло, пока нас не было. Нужно скорее буржуйку растопить.

Лида. А топить-то чем?

Вера. Давай всё-таки попробуем тумбочку разрубить.

Лида. Нет, лучше я схожу пособираю чего.

Вера. Вот неугомонная. Сиди уж!

Из своей комнаты выходит Нюра — в длинной шерстяной кофте с отвисшими карманами, на голове у неё та же шляпка, только без платка. Становится в дверях

Нюра. Ну, здравствуйте, с возвращением.

Вера. Здравствуй, Нюра. Вот вернулись.

Нюра. Ну, и как там?

Вера. Тяжело, Нюра, очень тяжело. Но если б не оборонные, мы бы здесь не выжили.

Лида. Не говори глупости, Вера. Еще бы как выжили!

Вера. Хорошо, хорошо, не буду. А ты, Нюра, даже похорошела.

Нюра. Ну так весна всё ж. И блокаду прорвали!

Вера. А мы прямо рядом с этим прорывом были. Ох, столько крови, Нюра, на снегу было.

Лида. А помнишь, помнишь, фашиста прибило к берегу.

Нюра. Живого фашиста?

Лида. Да нет же. Мёртвого. На лодке. Когда ледоход начался, его и прибило. А Франька, ну, это мальчишка один, решил посмотреть, есть ли у него пистолет. И по льдинам стал прыгать. А льдина-то и перевернулась. Там неглубоко было, только холодно очень. Ох, как ему влетело от мамы. Я потом его дразнила: «Фриц у фрица украл рукавицу».

Нюра. Помолчи-ка, Лида. Ты знаешь, Вера. Был тут у меня один офицер. Сказал, что в комендатуре служит. Жениться собирался.

Лида. На ком?

Нюра. Вот глупая. Да на мне. А потом оказалось, что не офицер, а прохвост. Исчез. Вместе с вещами. Чернобурку прихватил, селёдки банку, балерину фарфоровую... надо же... я в тряпки замотала, чтоб не разбилась... нашёл, гад... И ботики. Помнишь, ботики у меня были меховые? Перед самой войной купила... Эх...

Вера. Так надо было в милицию, Нюра.

Нюра. А что в милицию-то? Назвался Сергеем Сергеичем. А поди знай, Сергей Сергеич он или, наоборот, Василий Василич.

Вера. А документы ты у него не видела?

Нюра. Эх, зачем мне документы, когда погоны — вот документы.

Вера. Да не может офицер так поступить! Наверное, попал под обстрел.

Нюра. Ага. Вместе с фарфоровой балериной. Ты это, вот что... Вы ж комнату не запирали... глянь-ка, вдруг и у вас чего взял.

Вера. А у нас и брать-то нечего. Мы всё проели ещё прошлой осенью... Ой, а в самом деле, «лакишей»-то моих и нет.

Нюра. Хоть бы дверь на ключ закрывали, что ли.

Вера. Ничего, Нюра (*Подходит, обнимает её.*) Купим мы и ботики, и туфли... А писем нам от папы не было?

Нюра. Были бы, так положила б. Мне чужого не надо.

Стук в дверь. Нюра открывает. Входит тётя Лиза.

Тётя Лиза. Здравствуй, Нюра. С приездом, девочки!

Вера. Здравствуйте, тётя Лиза. Сколько я вам должна?

Тётя Лиза. Да погоди ты, потом, потом рассчитаемся.

Лида. Тётя Лиза, а как Леночка поживает?

Тётя Лиза. Поживает, слава богу, Леночка. Перезимовали и вторую зиму. Только ходить совсем перестала.

Лида. Можно её навестить?

Тётя Лиза. Заходи... только не испугайся.

Лида, Вера. Почему?

Тётя Лиза. Алексей Иванович вернулся с фронта. Контуженный сильно.

Лида (*в сторону, тихо*). Тыто ваты тыты?

Тётя Лиза. А я к вам вот чего. Вчера почтальоншу встретила. Лизавета, говорит мне, сил нет на четвёртый этаж подыматься. Ты уж передай Соколовым. Передам, говорю, если раньше не помру. А тут вы и приехали. Вот вам сразу два письма с Урала.

Лида. Ура! От папы! (*Забирает письма у тёти Лизы. Вере.*) Чур, по очереди читаем! Это — тебе (*Отдаёт Вере одно письмо*), это — мне.

Вера. Спасибо, тётя Лиза!

Тётя Лиза. Ну вот и ладно, ну вот и хорошо.

Лида. Ну, давай же читать. (*Тацит Веру к оттоманке. Сёстры усаживаются. Вера вскрывает конверт, достаёт письмо. Дверь в их комнату приоткрыта, поэтому голоса доносятся в коридор.*)

Вера (*читая*). «Здравствуйте, мои дорогие, мои ненаглядные девочки — Леночка, Верочка и Лидочка...» Он так и не знает про маму... «Как вы там живёте? Знаю, что Ленинград находится в страшной блокаде...» Прорвали, папа, прорвали...

Лида. Да ты читай, читай...

Вера продолжает читать, доносятся лишь отдельные слова и фразы.

Тётя Лиза (*прислушиваясь к чтению*). Нюр, я посижу у вас, отдохну.

Нюра. Да сиди, жалко, что ль.

Тётя Лиза садится на Нюрину галошницу, достаёт папиросы, закуривает.

Ишь ты, пахитоски! А у меня только махорочка. (Достаёт из отвисшего кармана жестянку, в которой махорка и обрывки газеты. Крутит сигарку, закуривает. Стоит рядом.)

Тётя Лиза. Слышь, Нюр, спросить хочу у тебя... У тебя «гости» приходят?

Нюра. Да ты что, Лизавета Ивановна! Да что ж ты такое спрашиваешь-то? Да как же тебе не стыдно такое спрашивать-то, а? Ну надо же что спросила!

Тётя Лиза. Год уже нет... Старшей моей шестнадцать скоро — и тоже нет... Видать, блокада всё женское, всё нутро бабье уничтожила.

Нюра. Ну что ты, Лиза. Потерпи немного. Отъедятся твои девочки, заневестятся.

Слышны звуки гармошки. Играют отрывисто, без разных там мелизмов.

Тётя Лиза. Вот, мой Алексей проснулся. А он теперь только и делает, что спит да на гармошке своей пиликает. Душу терзает.

Слышно, как Алексей поёт. Но получается так, что поёт под одну мелодию, а играет другую

*Лиза, Лиза, Лизавета,
Я люблю тебя за это.
И за это, и за то,
Что заштопала пальто.*

Как мне с таким быть? На работу не возьмут.

Нюра. Да пройдёт у него, Лиза, пройдёт.

Тётя Лиза. Вчера в красном уголке карточки выдавала, так слышала, как баба из двадцать шестой другой говорила: «У Лизаветы-то муж вернулся совсем шлёпнутый». Шлёпнутый! Вот слово-то какое нашли для Алёши моего!

*Лиза, Лиза, Лизавета,
Я люблю тебя за это.
И за это, и за то,
Что ждала меня с фронтов.*

Нюра. Раз блокаду прорвали, скоро совсем снимут. И жильцы вернутся.

Тётя Лиза. Прорвали... Мне Вася участковый на бумажке нарисовал, где и как прорвали. Совсем-совсем маленький участок. И сколько ещё придётся так вот оставаться... Кто вернётся, а кого и не вернуть... Каждый месяц карточек всё на меньше и на меньше приходит, в домовой книге только и делаю отметки «жилец умер,

жилец умер, жилец умер». Дом пустой, город пустой... Нет, Нюра, умирает Ленинград... А раньше сколько во дворе детей было...

Нюра. Да в каждой квартире. У нас хоть визгу немного было.

Тётя Ли́за. А мы их с дворником всё гоняли. Не шумите, не галдите, кусты не ломайте, на деревья не залезайте, на асфальте не рисуйте... А сейчас бы пусть и рисовали, и ломали, и залезали куда хотели... Всё бы мы починили, всё бы отмыли да отчистили, лишь бы вернулись. Да. Завтра всем на уборку нечистот выходить. А то солнышко пригревать стало, всё наше зимнее «добро» тает да течёт... Водопровод всё никак толком не починят.

Нюра. Пусть иждивенцы выходят! Мне наконец-то выходной дали за полгода.

Тётя Ли́за. Все должны, Нюра, убирать, все. *(Прислушивается. Вера заканчивает чтение письма.)*

Вера. Поздравляю вас с Новым годом. Надеюсь, что скоро смогу обнять вас всех. Целую. Папа... Двадцать шестое декабря сорок первого года... Сорок первого года?... Больше года письмо шло...

Ли́да. Да. Двадцать шестого мама ещё была...

Вера *(вздыхая)*. Давай второе читай.

Ли́да. Сейчас. *(Надрывает конверт.)* Тебе-то вон какое толстое досталось, а мне... Ой, что это?

Вера. Что? *(Тянет к себе письмо, читает)*. «Уважаемая Елена Сергеевна! С глубоким прискорбием извещаем, что ваш муж Соколов Григорий Павлович скончался 17 января 1943 года. Секретарь парторганизации Чириков Е. Н. Председатель завкома Семёнов С. А.»

Молчание. Молчат и тётя Ли́за с Нюрой.

Вера. Лидочка! Нет папы!

Ли́да *(эхом)*. Нет папы.

Вера *(со слезами)*. Что же, Ли́да!? Как же так? В нашем родном доме, в родном городе... Сорок первый, сорок второй, сорок третий... А конца утратам всё нет. Кого ещё мне терять? Ли́да, Ли́да, почему ты молчишь? Почему ты всё время молчишь, Ли́да? *(Трясёт сестру за плечи. Ли́да задирает голову. Так обычно делают дети, чтобы слёзы «вкатились» обратно)*.

Ли́да. Надо буржуйку затопить...

Вера. Что? Что ты говоришь, Ли́да? Ты понимаешь, что папы нет? Ты просто какая-то... бессердечная, ты чёрствая!

Ли́да. Я попробую разрубить тумбочку.

Тётя Ли́за *(тихо Нюре)*. Вот и совсем одни остались девчонки.

Нюра. Ну, Верка-то уж не девчонка!

Тётя Ли́за. Да я разве о том?.. *(Слышны звуки гармошки.)* Тьфу ты, господи! Опять заладил.

Вера *(рыдая)*. Я не хочу так. Я не смогу больше так. Почему всё так? Почему?

Ли́да *(подсаживается к ней, обнимает, гладит по голове)*. Вера, Верочка, ты всегда спрашиваешь «почему?». Потому что потому, что кончается на «у».

Вера *рыдает, уткнувшись Лиде в колени*.

Верочка, Верочка. Самая хорошая Верочка на всём белом свете. Не плачь, Верочка. Мы же дома, и мы вместе. Мы же вместе, Верочка. Вместе, как договаривались. Вдвоём!

Вера *приподнимается, вытирает слёзы, смотрит на Лиду*.

Правда ведь? Вместе, вдвоём!

Вера *обхватывает Лидино лицо, целует*.

Вера. Да, да, Лидочка. Правда. Вместе. Только не вдвоём, а втроём. *(Кладёт Лидину руку себе на живот.)* У меня, Ли́да, ребёночек будет. *(Сёстры молча сидят в обнимку.)*

Нюра, *услышав это, фыркает что-то вроде «А недотрогу из себя корчила» и уходит в свою комнату*.

Тётя Ли́за. Вон как оно! Ну и ладно! Ну и хорошо!.. Ребёнок будет... В блокадном Ленинграде родится ребёнок! Значит, не умер Ленинград... не умер... Значит, будем жить!

ЗАНАВЕС

Елена ЛУШНИКОВА — (г. Белебей, Башкирия – г. Москва) родилась и выросла в Башкирии, в г. Белебей. По окончании средней школы в 2020 году поступила в Московский Университет мировых цивилизаций им. В. В. Жириновского на факультет журналистики. С 2021 г. входит в состав редколлегии детско-подросткового журнала «Серебряные сверчки», с 2022 года — литературный редактор.

В подростковом возрасте играла в Молодёжном театре «Паяц», после переезда театральная жизнь «не отпустила», поэтому нередко обращается к театральной критике, предназначенной для молодого поколения. Лауреат II Всероссийского конкурса молодых литературных критиков, награждена дипломом с золотой медалью и присвоением звания «Лауреат Артиады народов России» в номинации «Журналистика». Тексты опубликованы в толстых литературных журналах «Литературные знакомства», «Серебряные сверчки», сборнике «Академия критики XXI век». Лауреат VIII Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон» в номинации «Малая проза» (2022)

ТАЙНЫ ТЕАТРАЛЬНОГО ЗАКУЛИСЬЯ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ

В Театре у Никитских ворот 14 апреля отныне именуется «Днём журналиста» — в юбилейный сороковой год театр впервые поприветствовал репортёров, корреспондентов и критиков. Тёплая встреча журналистов с режиссёром и драматургом Марком Григорьевичем Розовским — доказательство честного и искреннего отношения к зрителям. Попадая в закулисы, мы наблюдаем титанический труд режиссёра, его верных помощников, талантливых и самобытных актёров... «В нашем театре до сих пор чувствуется студийность. Как завелось ещё в 1983 году, когда все вместе делают одно дело, горят им, так до сих пор и продолжается. Отношения в коллективе всегда искренние, открытые, без иерархии и официоза», — поделилась экскурсовод Марина Александровна Руцкая.

В этот особый день гостей порадовал мюзикл «Капитанская дочка». Недаром звучит фраза: «Береги честь смолоду». Театр у Никитских ворот следует давнему завету Александра Сергеевича Пушкина.

14 апреля в Театре у Никитских ворот репортёры впопыхах записывали в блокнотах, на диктофоны и видеокамеры монолог талантливого драматурга и режиссёра Марка Розовского. На встрече из толпы выбежала корреспондентка с обращением: «Марк Григорьевич, благодарю, вы возрождаете вечную литературу и прививаете школьникам любовь к классике. Мы знаем: они проводят большую часть времени в Интернете...». Публика, и правда, разновозрастная — как младшее, так и старшее поколения с предвкушением ожидали спектакль.

Две недели назад, 27 марта, отгремел юбилей — 40 лет с премьеры первого спектакля «Доктор Чехов».

«Марк Розовский совершил довольно рискованный поступок: он пошёл в Центральный дом культуры медицинского работника (ныне в этом здании Геликон-опера) с желанием руководить любительским, самодеятельным театром. Вывесил объявление о наборе. Желающих набралось много — 200 человек, 50 вошли в труппу, среди них — непрофессиональные актёры, люди разных профессий. <...> 27 марта 1983 года состоялась премьера первого спектакля. <...> С 1987 года Театр у Никитских ворот получает от Правительства Москвы помещение — коммунальную квартиру № 8 на первом этаже. Спектакль по Достоевскому «Два существа беспредельности» ставили буквально на кухне (кирпичную стену не успели разломать до конца, но смогли обыграть как декорацию)», — рассказала Марина Руцкая.

В этот день на Новой сцене играли «Капитанскую дочку». Мне уже посчастливилось увидеть культовую, всемирно известную «Историю одной лошади», но об этом позже...

Честно признаться, от пушкинских мотивов, грешным делом, ожидала заученные до дыр, отчасти бездушные, безупречно вылизанные МХАТовские реплики, жесты и движения. Но не тут-то было! Порадовал актёрский состав — заслуженные артисты России и совсем юные, энергичные ребята, только выпорхнувшие из театральных институтов.

В стихах Марка Розовского современно звучат пушкинские идеи. Точные, звучные, выразительные «речёвки» Хора ускоряют темп, а простая рифма придаёт ещё большую динамичность и живость мюзиклу. Исполнение начинается с *Andante mosso*¹ и порой доходит до *Vivo*².

¹ **Andante mosso** (ит. [анданте моссо]) — музыкальный термин, обозначающий характер исполнения — оживлённым шагом.

² **Vivo** (ит. [виво]) — музыкальный термин, обозначающий характер исполнения — живо.

Поразителен образ историка — смоляные непослушные завитки и чёрный строгий костюм. Огорчила поверхностность Максима Якимова в понимании роли:

— Почему вы сегодня в образе Александра Сергеевича, если ваша роль — «Историк»? — я искренне надеялась услышать о главной миссии Солнца русской поэзии — запечатление истории.

— У меня только завиты волосы, но нет бакенбардов, так что я — не Пушкин, я — Историк.

Юрий Голубцов, как всегда, бесподобен. Одно появление на сцене взъерошенного Савельича уже вызывает смех. Комичные сцены с дядькой Петруши — спад напряжения в сюжете, они гармонично вписываются в архитектуру³ мюзикла. Просторечия в репликах Савельича «Бабы нам уродов родют, / Зверь со Змеем водку пьют» напоминают о фольклорности, истинно русском духе, свойственным не только сказкам, но и всему творчеству Пушкина. «Наставления Савельича» — самая удачная и, пожалуй, запоминающаяся сцена. Стоя на повозке, добродушный дядька крестится, строго напевая: «Не болтай. Молися Богу, / В трубы зряшно не дуди».

Швабрин (Константин Иванов) — настоящий подлец и злодей. От его гнусных интриг закипает кровь и сжимаются кулаки. Переступив порог зала, я по-настоящему поняла наивных древних греков, бросавшихся с гневом после представления на актёров.

Романтическая линия передана с трепетной нежностью... История Маши (Екатерина Васильева) и Гринёва (Никита Заболотный) умиляет, им хочется сопереживать, а порой также терять голову, краснеть, смеяться и плакать вместе с ними. Маша Миронова не кажется хрупкой при первой встрече с Гринёвым. Застенчивость и молчаливость не добавляют нежности, а как будто наоборот скрывают инфантилизм. В повести героиня обретает твёрдость и стойкость характера только после трагичных и судьбоносных моментов, а в мюзикле она пар экселанс⁴ матёрая девица.

Пугачёв, к несчастью, получился уж слишком историческим и документальным тираном-деспотом, лишённым характерности. Он кажется таким же злодеем, как Швабрин, но в увеличенных масштабах. Александр Масалов с мощью и энергией показывает высший пилотаж исполнения арии Пугачёва.

Екатерина II — бриллиант мюзикла. «Блестит блестящее блестящее и слепяще / И отражается в блестящих зеркалах... / Мой век блестящ, и я сама блестяща! / Я наяву и в то же время в снах», — Фелица

³ **Архитектура** — композиция, построение художественного произведения.

⁴ **Пар экселанс** (*par excellence*) — истинный, настоящий (о чём-либо качестве).

(Ирина Морозова) величественно предстаёт в пышном платье цвета чистого золота. Шуршащий подол словно оправа обрамляет главную драгоценность — Императрицу.

Забавно: песне присущи «аллегровские» мотивы «Шальной Императрицы».

Хореография однозначно сильная. Танец, будь то «дворцовые игрушки» или «крестьянская чернь», не лишён образительности, эмоциональности, драматичности и психологизма. Вместо бездушной механики мы видим естественные движения человеческого тела — плоский уверенный шаг, бег, выразительные жесты. Акробатичность Бурана (Яна Прыжанкова) вызывает восторг, восхищение и бурные аплодисменты.

Не секрет: мюзикл принято относить к массовой культуре. Но «Капитанская дочка» на сцене Театра у Никитских ворот — переплетение литературного канона, традиции, исконно русской культуры и современности; популярно и доходчиво объясняются спорные исторические события. Если его и относить к массовой культуре, то однозначно к качественной.

А что с «Историей одной лошади»? В пьесе, написанной по рассказу Льва Николаевича Толстого «Холстомер», чувствуется безусловная уникальность. Это единственный русский мюзикл, поставленный на Бродвее, в сердце американского театрального масскульта. Непохожесть и многогранность подтверждают — мюзикл приобрёл успех у публики с полярным менталитетом и иным самосознанием. Если американец в психологизме пьесы увидит этологию, то русский — одушевление.

Формулу «классика + современный театр» мы замечаем и в «Капитанской дочке», и в «Истории одной лошади». Марк Розовский справедливо отмечает: «На первый взгляд этот прозаический первоисточник совершенно несценичен, но как раз в силу этой своей несценичности он и таит в себе драгоценный сверхтеатр!..».

В хоровых строках, написанных Юрием Ряшенцевым, быстрый, скачущий ритм, сравнимый с галопом. Если остановиться, закрыть глаза и пропеть их, то скорость не исчезнет. В песне Милого: «В любовном деле стыд, ей-ей, одна помеха! / Иди ко мне, пока весна! Иди ко мне! / Что есть любовь? Любовь есть конская потеха! / Ведь скажут люди «конь» не только о коне!», — динамика убыстряется вдвое благодаря актёрскому мастерству Игоря Скрипко. «Вот он — настоящий жеребчик!» — хихикая отвесила лестный комментарий незнакомая зрительница.

Феофан получился фактурным. Человек из народа в игре Юрия Голубцова не примитивен и не так глуп, каким кажется сперва. Он хитрее и продуманнее самовлюблённого Князя Серпуховского (Денис Коченков). Серпуховской не страдает от любви. Его чувства — блажь,

а страдания о потерянной Матье (Виктория Корлякова) не более, чем потеря ценной вещи.

Холстомер (Александр Масалов), он же Пегий, он же Пёстрый, раскрывается как Личность не сразу. Трагедия не обрушивается, словно кирпич на голову, на неподготовленного зрителя. По-толстовски мы проникаемся судьбой главного героя. Зритель мысленно вступает в диалог с лошадью.

Как говорят конники: «Лошадь — зеркало души человека». «История одной лошади» — зеркало всего человечества.

Наверное, странно сравнивать разные и по-своему уникальные мюзиклы... Но «История одной лошади» и «Капитанская дочка» созданы по сюжетам русской классики. Главные герои, неважно, человек или лошадь, детально и тщательно продуманы — они не «положительнее самого плюса», у них, многогранных и сложных личностей, есть изъяны, они также ошибаются, чувствуют и... Просто живут, пускай на сцене Театра у Никитских ворот.

Если «Капитанская дочка» близка по духу и понятна только русскому человеку, то «История одной лошади» — эстрадная вещь, доступная каждому. Несмотря на художественный принцип Льва Николаевича — изображение чисто русской души — Марку Розовскому удалось создать мировой мюзикл, запечатлеть глобальную идею и озвучить простую мысль: «Люди, будьте милосерднее!».

УКРАИНСКИЙ РАЗДЕЛ

Лариса БОРИСОВА (Гребенюк) — пишет стихи и прозу на русском и украинском языках с 2022 года, кандидат в члены Севастопольского регионального литературного объединения им. А. Н. Озерова. Родилась в Херсонской области на Украине. В 1983 году поступила в Ленинградский химико-фармацевтический институт, после окончания которого работала и жила в г. Ленинграде/Санкт-Петербурге. С 2020 года проживает в г. Севастополе.

Участник XX Фестиваля «Пристань менестрелей-2023» (г. Севастополь, Балаклава), финалист IX Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2023» (г. Старый Крым), лауреат конкурса «Поэтический марафон-2023» в рамках проведения XVI Международного фестиваля «Великое русское слово-2023» (г. Симферополь), лауреат Открытого фестиваля-конкурса авторской поэзии и песни «Мы похожи с тобой-2023» (пос. Симеиз).

МЕТЕЛИК

(казка для дошкільного
та молодшого шкільного віку)

В один із теплих днів на початку літа на чудовій парковій галявинці з'явився такий Метелик, якого ще не бачили в цій окрузі.

Майже всі метелики, які пурхали тут з ранку до вечора, мали білі крильця з маленькими чорними цяточками.

Рідше можна було помітити у гурті метелика з темно-померанчовими крильцями, прикрашеними білим та чорним мереживом. Ці метелики вважалися на галявинці найпершими красенями.

Ну, це й зрозуміло! Хіба ж могли зрівнятися з їхнім окрасом білий, ледве поцяткований, або ж просто сірий, — його мають на своїх крильцях метелики, які пурхають тут ввечері.

А ось у нашого Метелика крильця були темно-блакитними. Вздовж країв крилець вітievато звивалися біла та чорна мережки. А посередині кожного з більших крилець знаходилися гарні темно-червоні цятки. Коли Метелик сидів, склавши крильця, — цих цяток було не помітно.

Але тільки крильця розкривалися, — цятки спалахували, наче яскраві червоні вогники!

Зрозуміло, що ніхто не міг пройти мимо такої краси. Тому кожний, хто бачив Метелика, відразу вигукував: «Який гарний метелик!» Або: «Який чудовий окрас!»

Спочатку Метелик, чуючи такі емоційні вигуки, бентежився. Але дуже швидко звук до таких захоплень від його появи. Він почав навмисне з'являтися перед очима глядачів, підлітаючи до них дуже близько. А іноді навіть сідав на плече, руку або капелюшок хлопчика чи дівчинки, коли вони бавилися поблизу нього.

І ось одного разу Метелик побачив, як на його галявинку прийшов хлопчисько, який тримав у руці довгасту паличку. До тієї палички було приладнане щось біле, схоже на капелюшок.

Метелик хотів уважніше придивитися, що ж воно таке. Але раптом почув, що хлопчик шепотів: «Я хочу, я повинен знайти найкрасивішого метелика в світі...»

Почувши це, Метелик так розхвилювався, що не зміг звернути увагу на останні слова цієї фрази. А вони були такі: «...найкрасивішого метелика у світі для моєї колекції».

Мріючи почути на свою адресу хлопчинове захоплення, Метелик навмисне підлетів якомога ближче до малюка.

А потім сів на яскраву квітку, яку точно помітить маленький шукач.

Після того, як він прилаштувався у самому центрі квітки, Метелик театральним жестом розкрив свої крильця. У ту ж мить на них яскраво спалахнули два червоних вогника.

Метелик завмер, чекаючи слів захоплення, але раптом якась тінь нахлинула зверху. І, майже зразу, Метелик перестав бачити довкола себе зелену траву та яскраві пелюстки квітки.

Він злякався. І тут побачив, що у одному місці тінь зменшилася, бо там з'явилася щілинка.

Через неї зразу полилося сонячне світло. Метелик кинувся у ту щілинку.

Та раптом щось велике та незнайоме просунулося йому назустріч.

Метелик відчув, що його крильця виявилися затиснутими. Від жаху він знепритомнів.

Коли Метелик опом'явся, то відчув, що його крильця стали іншими. Хоча вони й були такими ж чудовими, з тими ж мережками та цятками, але перестали його слухатися.

Та й взагалі, він не міг навіть поворухнутися, — крильця були розпластані на чомусь твердому.

І тому Метелик міг тільки лежати.

Дуже засмутився через це наш Метелик. Але сумувати йому прийшлося не довго: одного разу він почув, як поряд з ним декілька дитячих голосів здивовано вимовляли: «Який гарний екземпляр у тебе тепер є! Який красень!» А голос того хлопчика, якого Метелик бачив з паличкою на галявинці, відповідав:

«Так, цей метелик найгарніший».

Та поступово кількість таких розмов поруч з задоволеним Метеликом зменшувалась. А потім цих розмов й зовсім не стало...

І несподівано для себе Метелик згадав чомусь ті слова, що нашіптувала йому мама ще тоді, коли він був немовлятком й тому був сповитий у теплий білий сувій-кокон.

Мама застерігала:

— Метелику, коли ти вилупишся з цього сувію, ніколи не вважай себе кращим від усіх тільки тому, що на тобі гарний наряд.

Навчися наполегливо працювати. Разом з іншими метеликами ти повинен не просто пурхати з квітки на квітку, а й переносити на своїх крильцях та лапках пилок.

Це потрібно, щоб народжувалися нові квіти. Саме завдяки зібраному нами пилку це й стає можливим...

Згадавши ці слова, Метелик зрозумів, що він займався тільки лінощами та самозамилуванням. А треба було навчитися переносити квітковий пилок! Тоді б він жив, як раніше: бачив би сонечко, дихав би свіжим повітрям, спілкувався б з друзями...

Зрозумівши це, Метелик подумав:

— Ох, й чому я не слухався маму!

ЇЖАЧОК

(для дітей молодшого
шкільного віку)

Ось уже друге літо підряд кожного вечора Їжачок вибирався зі свого затишного притулку й завзято чимчикував до знайомого ганку Дідусевої оселі.

Там його регулярно очікувало повне блюдо свіжого смачного молока, запобігливо приготоване Дідусем для свого лісного друга.

Наскільки Їжачок зміг зрозуміти, — Дідусь жив один. Вдень старий порався в саду: піклувався за своїми яблуневими, сливовими та грушевими деревцями.

А ввечері займався більш спокійними справами. Найчастіше він щось майстрував, вистругуючи ножем дерев'яні палички та шаблони.

Іноді Їжачок знаходив завитки стружок біля свого блюда.

Стружки теж приємно пахли, але були неістинні.

З Дідусем вони подружилися випадково. Минулого липня, в один із незвично прохолодних днів Їжачок вів полювання на маленьку мишку-польовку й так захопився погонею за нею, що не помітив, як опинився на теплій бетонованій доріжці, обабіч якої тяглися рівненькі рядки овочевих рослин.

Шмигнути скрізь ті рослини Їжачок не зважився, бо знав, що вони дуже тендітні й можуть легко пошкодитися. Й тому він замешкався на доріжці, розгублено озираючись у пошуку надійної схованки.

Шукаючи рішення, Їжачок швидко поводив навкруг себе своїм довгастим носиком.

Зазвичай носик допомагав йому знайти вірний напрямок, але не цього разу...

Бо несподівано до Їжачка стрімглав підбіг кудлатий рудий песик. Підбіг й відразу голосно загавкав. Їжачок миттєво згорнувся у клубочок, — це був самий надійний спосіб захисту. Так він не тільки міг захистити своє вразливе містечко — м'який животик, а й налякати незнайомця своїми гострими голочками.

— Дзвонику, Дзвонику — фу! — пролунало над Їжачковим вухком. Й після цього зразу ж стихло песикове гавкання.

— Дідусю, Дідусю! На вашу ділянку вторгнувся їжачок! — знову залунав той же голос, що подавав команди песику.

— Так це ж добре! — Почулося у відповідь.

Цей голос був набагато густіший й трохи глухуватий. Їжачок знав, що такий голос належить дорослим людям. Мабуть, це й був той «Дідусь», якого кликав хазяїн песика.

— Миколка, я хочу, щоб ти знав: ворота мого двору для всіх відкриті. Й для доброї людини, й для беззахисної тварини, — додав ще цей же голос.

Ось так у тому липні Їжачок й познайомився з Дідусем та його сусідом Миколкою.

А також, з рудим кудлатим песиком на прізвисько Дзвоник...

Але тепер уже другий вечір підряд їжачкове блюдце виявлялося порожнім.

Та й Дідуся він не бачив, — ні в саду, ні поруч з будиночком.

Їжачок занепокоївся. Наблизився до дверей будівлі, прислухався.

Почув важкий кашель, а потім й стогін Дідуся.

Йому стало шкода Дідуся, захотілося зробити щось добре для нього.

Ось тільки що?..

Несподівано він згадав один випадок зі свого зовсім раннього дитинства.

Згадав, як вони з матусею Їжачихою назбирали багато грибів й несли їх до тієї високої ялини, в дуплі якої жила Білочка.

Та сама Білочка, яка колись поділилася своїми зимовими запасами з ними.

Це було тоді, коли матуся Їжачиха потрапила під колесо велосипеда й дуже пошкодила лапку. В наслідок того випадку вона не могла займатися приготуванням до зимової сплячки в повну силу.

Ось тоді Білочка, прознавши про це, й допомогла сусідам.

А потім вони з матусею йшли, щоб віддячити добру...

Їжачок згадав, що по дорозі матуся ненав'язливо повчала його: «Синку, завжди відповідай добром на добро. Навіть за маленьку доброту плати у сто крат більше...»

Згадавши це, Їжачок зрозумів, як саме він зараз віддячить Дідусеві.

Він почимчикував у садочок, знайшов яблучко, а їх багато лежало на землі під яблунею, й пригорнувся до нього.

Як тільки яблучко начепилося на його голочки, Їжачок відвіз його на собі на дідусевий ганок й залишив поряд зі своїм блюдцем. Принісши по черзі декілька яблук, він додав ще й величеньку жовту грушку.

Щоб виконати цю роботу, Їжачкові доводилося прикладати зусилля. Тому він, везучи на собі фрукти, голосно пирхав. Це пирхання привернуло увагу рудого песика, який саме відпочивав на своїй, сусідній з Дідусевою, ділянці.

Песик лежав у ніг свого улюбленого хазяїна, який захоплено читав якусь книжку.

Дзвоник насторожився, підняв вухка, прислухався, а потім схопився й напружено витягнувся.

Побачивши таку поведінку свого кудлатого друга, занепокоївся й Миколка.

«Мабуть, щось у Дідуся на подвір'ї відбувається» — подумав він й негайно побіг до сусіда.

Завернувши за ріг Дідусевого будиночку, хлопчик майже налетів на Їжачка. Той саме віз грушку.

Окинувши поглядом заповнений фруктами ганок, побачивши на ньому порожнє блюдце й почувши пролунавший з будинку кашель, Миколка здогадався, що Дідусь захворів.

«Так ось чому Їжачок так клопоче. Хоче хоча б чимось допомогти старому» — сказав сам собі Миколка. І додав: «А я?! Я ж теж можу щось зробити для Дідуся!»

І він заходився хазяйнувати: спочатку полив з відерка водою овочеві рослини, потім підмів знайденим коло ганку віником бетоновану доріжку. А під кінець, — вимив зібрані Їжачком яблучка та грушку й обережно поніс їх на стіл у Дідусеву кімнату

А Дідусь спав, чи, може, зробив вигляд, що спав...

Миколці вдалося тихенько вийти непоміченим.

Коли хлопчик повернувся до свого двору, — його чекав сюрприз!

На стежинці красувалося рум'яне яблучко, а поруч з високої трави лунало задоволене попирхування.

Миколка здогадався, що це Їжачок таким чином висловив йому свою повагу.

КРЫМСКОТАТАРСКИЙ РАЗДЕЛ

Юнус КАНДЫМОВ —
родился 4 сентября 1959 года в Узбекистане.

После окончания Ташкентского государственного педагогического института имени Низами с 1981 по 1989 год работал в редакции республиканской крымскотатарской газеты «Ленин байрагы» («Ленинское знамя»).

В 1989 году вернулся в Крым. Работал в газетах «Достлукъ» («Дружба») и «Янъы дюнъя» («Новый мир»), заведовал редакционно-издательским отделом Всеукраинского информационно-культурного

центра в Крыму, возглавлял Крымскотатарский фонд культуры, преподавал на кафедре крымскотатарской и турецкой филологии Крымского инженерно-педагогического университета.

Умер в Симферополе 20 марта 2005 года.

Заслуженный деятель искусств Украины (2000).

При жизни выпустил три поэтические книги: «Ты на море похожа» (1988), «Жёлтое мгновение» (1997) и «Нить надежды» (2001). Сочиняя в жанре визуальной и зрительной поэзии, Ю. Кандымов возродил такие её виды, как палиндром и акростих. Его поэтической манере присуща изысканная метафоричность, лиризм, меткость и неожиданность образных ассоциаций, что является следованием традициям восточной орнаментальности.

Юнус Кандымов — автор более тридцати научных статей, составитель и редактор почти двадцати художественных, научно-популярных книг, учебников, учебных пособий и словарей. Он принимал участие во многих конференциях, симпозиумах, которые проводились в Турции, Румынии, странах СНГ.

Творчество Ю. Кандымова изучают в учебных заведениях Крыма, на его стихи написано более тридцати песен, которые пользуются популярностью у слушателей. В 2002 году на сцене Крымскотатарского академического музыкально-драматического театра была поставлена «Лесная песня» Леси Украинки в его переводе («Орман тюркюси»).

ТЕПРЕНЮВ

Къара баракъ Арай ара.

Къара таракъ

Арай яра.

Сызла, арсыз,

Элек келе.

Элеп сени

Эгленеджек.

Пара, шарап

Ярдым этмез.

Истер исенъ

Къатлан, нал такъ

Ислеринъе,

Излеринъе

Эленедженъ.

Пара арап

Башсыз къалма.

Къазакъ Азакъ

Бою юре,

Тюркюсинен

Юрегинъни

Къаза къазакъ,

Тепрендирип

Терегинъни.

09. 05. 1997

¹ **Палиндром** — рум сёзю, «арткъа чапам» манасыны бильдире. Шириетте исе солдан сагъгъа ве сагъдан солгъа бир чешит огъулгъан сёз, келиме, сатыр, я да джумле.

АЛКЪА

Алкъа, акъла
Озюньни,
Алда, адла,
Алгъышла,
Къатла, ал такъ
Сёзюньни,
Ачкъа акъча
Багъышла.

ЯНЫКЪ

Ана яна
Озь къызына,
тиле пелит
къапысына
Дерт адыны.
Къыйыкъ къыйыкъ
Къыра ярыкъ
Ал танъында
Хатрасыны
Хатрасындан.

25. 06. 1997

МИРАС ЁЛЛАР

Къалемдеш достум
Микола Мирошниченкогъа

Мирас исе, бельки мирас бу ёллар,
Ине киби санча олар юрекни.
Кенъи де шу, тары да шу, тек ойлар
Олар киби бильмей якъын, эрекни.
Леблер киби суса эди бу къоллар,
Ах-и зары йыкъар эди терекни.
Меджалына меджал арар тозлары,
Ильван олып, къонар откъа, топракъкъа,
Раимине раим эйлер сазлары,
Ойчан макъам иле энер чокъракъкъа,
Шырыл-шырыл сувда акъар язлары,
Назик кузю назын къошар сазлыкъкъа.

Индже белли баарининъ рузгяры,
Чименлернинъ сырын ачар сачакъкъа,
Енгиль-енгиль адым иле эфкъарны
Не олса да къувар, айдар иракъкъа.
Кене-кене кесиштирип ёлларны
Омюр бою тырмаштырып джап, сарпкъа.
Гъам-къасвети къамаштырып талларны,
Асылыны денъиштирмей бош лафкъа,
Юрек исе копор киби озгъарыр,
Насыл замет чекмесе де бу ёллар,
Улемалыкъ япмаз, янар, къайгъырып
Сакин-сакин акъсын, дие бу ёллар,
Танърысына бала киби ялварыр
Аманлыкъкъа чапсын, дие бу ёллар,
Намердликтен къачсын, дие бу ёллар...

1998

...ЯЛДАЙ ГЕМИЛЕР

Аблязиз Велиевге

Акърын-акърын денъиз узъре ялдай гемилер,
Булутларгъа къулакъ салмай къара думанлар.
Ляпик ташлы саиллерге энелер,
Янъгъызлыкъны теллерине саргъан кеманлар.
Зиль туткъанда рузгярларгъа гъамлар сёненер,
Из къалдырып къальбде, сонъсыз йыргъа дёненер.
Зафер ёлун отайтмайлар ойчан керванлар,
Виран этмек истесе де ёлны пешманлар.
Елькенлерде ипранса да аджджы рузгярлар,
Ленгерине сарылса да балчыкъ, ёсунлар,
Ирмакъ-ирмакъ акъып кетер джефа, эфкъарлар,
Ельге къучакъ керер, керер къальб-и маъзунлар¹,
Ве тебессюм мекаянында кулер энарлар².
Гемилерни узакъларгъа айдар хаяллар,
Емин киби, бакъып къалыр артта къаялар.

1998

¹ Гъамлы юреклер² Атешлер.

...ШИИР ИРМАКЪЛАРЫ

Шакир Селимге

Шырыл-шырыл акъар шиир ирмакълары,
 Ах, чекерлер урулгъанда ялыларгъа.
 Келиме-и сёз гулюнинъ япракълары
 Исьянынен ихсан эйлер чалыларгъа,
 Раббисини хатырлатыр къанатлары.
 Семаилер, тюшонджелер гульханында
 Емин эйлер къулюбелер пинханында¹,
 Леб-у дильнинъ чезилирлер леб-у дили,
 Инджечиктен теспи чекер эбабили².
 Менгуликнинъ Сырат киби герданында
 Геджелерни еткизгендже къурназ тангъа
 Екер сазны хаялий бир сазагъангъа.

1998

¹Талдасында.²Эбабиль — дагъ къарылгъачы.

ЯЛЫДАКИ ТАШЛАР

Якъуб Мустафаевге

— Ялыдаки ташлар нечюн агълайлар?
 — Къаялардан къоптыкъ дие агълайлар.
 — Узакътаки дагълар нечюн куселер?
 — Бир таш олып ялыда ятмакъ истейлер....
 «Гъурбет ильдем», дие достум, агълама,
 Агълашса да талийине дагъ-ташлар.
 Юрегинъе къараларны багълама,
 Нидже даа кечиледжек ёллар бар.
 Умютинъни къальб далындан ушкютме,
 Сенсиз толу олмаз Буюк Озенбаш,
 Толуп, ташса биле, достум, умметке.
 Асретликке тиз чёкме сен, эгме баш,
 Наъле, агълав ярашмай бизге, эй, юртдаш!..

1998

НИДЖЕ КЕРЕ

Нидже кере язгъандырым сенинъ адынъны,
 Дагъдай къатты гонъюллерге, сувукъ козьлерге.
 Эр язгъанда къайта-баштан ярыкъ дюньягъа
 Келир эдим, отдай ярып джансыз ташларны.

Юрегимнинъ пердесине сарып адынъны
 Нидже кере аткъандырлар джам сепетлерге.
 Эр аткъанда лянет айтып сагъыр дюньягъа
 Олер эдим, атдай ютуп зеэр-яшларны.

Нидже кере къалемимни кулип къырдылар,
 Къырдырттылар дамардашым, татар къандашкъа.
 Къягъыт киби томар-томар этип къальбимни
 Тюкюрликнен сыйладылар езит, арамлар.

Умютимни бир чул киби йыртып, якътылар,
 Куле-куле якътырттылар динсиз диндашкъа.
 Копчектеки он учюнджи арткъач кегийни
 Такъдириме такътырттылар несли бозукълар

Лякин ёлум кечсе биле пычакъ тилинден,
 Япышырым кельмешекнинъ кекиргедине.
 Чёплюк бильсин озь ерини, Ана-Къырымым!
 Шималь бетте кельмешекнинъ джебр-и къысмети.

Чытырманлы ёлда къара къанлар ичсем де,
 Инанам мен, юртум, какъ ёл тилейджегинъе.
 Эляк олсам, курешлерге атланыр йырым,
 Йырым ольсе, курешлерге атланыр къабрим...

05. 06. 1996

КЪАЙДА?

Украин шаири Иван ИОВгъа селям ерине

Чёллеримиз бар! — я къайда бизим дагъларымыз?
 Дагъларымыз бар! — я къайда бизим чёллеримиз?
 Чёллеримиз, дагъларымыз бар! — къайда бизим денъизимиз?
 Денъизимиз бар! — къайда бизим чёллеримиз, дагъларымыз?
 Чёллеримиз бар! — къайда гъайып олды бизим денъизимиз?
 Денъизимиз бар! — къайда кетти бизим дагъларымыз?

Дагъларымыз бар, чёллеримиз бар,
денъизимиз бар! — къайда бизим тарлаларымыз?
Тарлаларымыз бар! — къайда бизим денъизимиз,
дагълармыз, чёллеримиз?
Денъизимиз бар, чёллеримиз бар, дагъларымыз бар,
тарлаларымыз бар! —
къайда гъайып олып кетти антымыз?
Антымыз бар! — къайда бизим чёлденъиздагътарлаларымыз?
Чёлденъиздагътарлаларымыз ве антымыз бар! —
къайда гъайып олды бизим ватанымыз?
Чёлденъиздагътарлаватанатымыз бар! —
Эх-х... тек, бизде биз озюмиз ёкъ..

Ай, Къырымым.
дюньялар тургъандже
турсАйдынъ, Къырымым,
бинъ яшасАйдынъ, Къырымым!..

10. 11. 1997

АГЪАРМАДЫ, КЪАРАРМАДЫ

Юрегимнинъ копюк киби бем-безд
булутлары
арасындан
кечирдим
къаргъаларны,
оларнынъ къара йырларыны,
къара къаргъышларыны,
О-лар а-гъар-ма-ды-лар...

Юрегимнинъ копюк киби бем-безд
къаялары арасындан
кечирдим
къаргъаларны,
оларнынъ къара йырларыны,
къара къаргъышларыны,
О-лар а-гъар-ма-ды-лар...

Юрегимнинъ копюк киби бем-безд
булутлары
борандан сонъ
саильде яткъан
акъ елькен киби,
келиннинъ ипраныкъ антери киби,
Шукюр... олар къарармадылар.

Юрегимнинъ копюк киби бем-безд
мермер къаялары
зельзеледен сонъ
йыкъылгъан
эв киби, дагъ киби парча-парча олды.
Шукюр... олар къарармады...
Оларнынъ кольгелери биле къарармадылар.

21. 09. 1999

ЮМРУКЪ КИБИ СЫКЪЫЛМА, ЮРЕК

юмрукъ киби сыкъылма, юрек,
сенинъ котереджек туфанынъда.
чыбаладжакъ йылдызлар,
делиреджек атешлер,
унлар дёнеджек захиреге
— зеэр захиресине(!)
кирпиклерни филислеткен,
тереклерни сувгъа богъгъан
козьяшлар
акъкъуларны
котералмай къутураджакъ...
юмрукъ киби сыкъылма, юрек,
бираз бонъджа ол,
Даа ачыладжакъ, сыналаджакъ
севиледжек, енъиледжек
къяинатлар бар...
юмрукъ киби сыкъылма, къяинат,
эсмери гедженинъ
эльмаз киби парылдагъан
герданлыкълары сенсиз
къаткъан козьяш, къаткъан
къяинатнынъ парчалары...
юмрукъ киби сыкъылма, юрек,
къяинаткъа ачыл, юрек, къяинатдай

03. 04. 2000

СЕН МЕНИ КЪЫДЫРАДЖАКЪСЫНЪ

эртеми-кеч сен мени къыдыраджакъсынъ,
багъыраджакъ, чагъыраджакъсынъ,
дагълар биле янсытмайджакъ,
нефесимни, адымны;
тарлаларда, къан агълагъан
лялезарда излеримни
гизлеген отлардан,
кольгемни ялмап юткъан
орманлардан сорайджанъ;
къушларнынъ йырларында
меним къарыкъ сесимни арайджанъ,

терк-и дюнья гирдабларгъа
эш олып,
кетеджексинъ;
гирдаблар
суалинъден къачаджакълар,
сен исе къардай сувукъ тешегинъде,
гуя бош ёл ортасында,
чалкъа тюшюп ятаджакъсынъ,
бем-беяз ястыгъынънынъ
козьяшлардан ипрангъан шильтесине
къулакъларынъны къююп,
узакълардан,
Ер багърындан кельген дукюльдилерге
нефес тыйып, динъленеджек,
делиреджексинъ,
о даушлар, о дукюльти, о урувлар
аякъларымнынъ, юрегимнинъ дегиллер,
олар меним козълеримден
тамгъан козьяшларнынъ
ферьядларыдыр.

06. 04. 2000

ТЮШКЕ БЕНЪЗЕГЕН ТЮШ

1.

Иште, бу тюш.
Тюштен гъайры бир шей дегиль.
Мусафирлер бизге тешриф буюрдылар.
Мусафирлер шашты бизим софрамызгъа,
Баш, козълери айлангъандже ашадылар,
Шарап ичип, кейфлендилер, шенълендилер,
Сонъра: «Барынъ, энди бираз кезининъиз», —
Дие бизни мусафирлер озгъардылар.
Бизлер кеттик, мусафирнинъ истегине
Къаршы олсакъ биле, затен не япмалы?
Бизлер кездик сахраларда удждан-уджгъа,
Балталарнен сайдыкъ дагъда тереклерни,
Асиянынъ чёллеринде къавурылдыкъ,
Шималь ели тозанында савурылдыкъ.
Сонъра къайттыкъ, къайтып кельдик эвимизге.
Азбар толгъан мусафирге. Бизлер дегиль,
Олар шашты.
Кимсе лям-джюм демей бизге.
Джанчыкълары истегендай кейфленелер,
Эм ашайлар, эм ичелер, кулюшелер.
«Ай, маладец! ай, маладец! ольмединъиз»,
Дие бизни джыныс-джыныс болюштирип,
Хызметкярлар ордусыны арттырдылар.
Сонъра: «Оюн битти!» — деди мусафирлер.
— Биз сизлерни ольдюрмесек ишлер харап!
Ал да келинъ балта, сизни ольдюрейик!»
Къан чыбырды. Къанымыздан танъ къызарды.
Бири пичен киби догърай дюнюмизни,
Бири ренде иле ёна геджемизни,
Бири макъас алып кесе дагъ, чёлюмизни,
Бири кульдай сепе бизим тилимизни.
Дерсинъ ахыр-заман кельген бизим азбаргъа.
Къальблеримиз санки дерсинъ бозукъ юва,
Видждан, менлик ве саиплик ислеримиз
Тавшанлардай къача бозукъ ювалардан.
Къызларымыз гуль отурта мусафирнинъ
Асырларнен арамлангъан тешегине.
Мусафирнинъ тили, дини, фентлери
Дамардаки къанымызнен бирге акъалар...
Бизлер деве къушу киби, башымызны
Корьмемезлик, бильмемезлик къумларына
Комюп, раат-раат аят сюремиз...

2.

Мусафирнинъ бири алып къамчысыны
 Урды меним юрегиме. Къабыргъалар
 Арасындан ал къанларгъа буланып,
 Чыкъты безъ кошок киби бир гогерджин.
 Гогерджиннинъ козьлерине тикильдим
 «Ах, не къадар ошай меним козьлериме?..» —
 дейджек олдым. Уяндым. Баттым къан терлерине...
 Не гогерджин, не бир кимсе этрафымда...
 Кунъдюзимде девам эткен ишбу тюшни
 Кимге айтып, кимден табир сорайым.
 Кимге айтып...
 кимге айтып...
 кимге айтып...

09. 04. 2000

АКЪЛЫНЪДАМЫ?

Эгер мен олер исем, Къырым,
 меним артымдан
 сачларынъны юлкъуп,
 окюр-окюр агълама...
 Акълынъдамы, мен ольмезден эвель,
 Бизлер, Къырым,
 Узундан-узадие геджелери дертлеширдик,
 Сен ёргъун ве чал башынъны
 омузыма къояр эдинъ анам киби,
 Ве индемей отурырдынъ
 узакъларгъа тикип козюнъни.
 Мен исе... мен исе...
 Чатырдагъгъа таяп аркъамны
 Къара денъизни
 Ай-Петрининъ яйлясыдай
 масамнынъ устюне къоюп,
 чёллеринъни алдыма къагъытдай тешеп,
 яздыгъым къыйыш-къонъур сатырларымнен
 Алтын бешикни къоралмагъа ыдырына,
 юрегимнинъ фысылтысы дудакъларымны титрете,
 пармакъларымны агълата эдилер.

Сен манъа: «Токъта, балам,
 янып, куоуп битидженъ де!» — дегенинъде,
 акъылынъдамы мен:
 «Дамарларымда дели къанлар акъа,
 арабамнынъ ёл бозгъанына къулакъ асма...
 бозулмагъан ёллардан — ёл,
 ёл бозмагъан ёлджудан ёлджу олурмы?»
 деп къычыра эдим.
 Шимди исе къабримде ятам.
 Сенинъ ве сизинъ фаний дюнья деген
 дюньянынъ джеми бозукъ ёллары
 дос-догъру ёлджулары
 меним устюмден кечип кетелер.
 Мен исе ятам ве сени хатырлайым.
 ...Акълынъдамы, дертлешкенимиз,
 агълашкъанымыз, къувангъанымыз,
 акъылынъдамы?..

16. 06. 2001

К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ БЕКИРА СЫДКЪЫ ЧОБАН-ЗАДЕ

БЕКИР СЫДКЪЫ ЧОБАН-ЗАДЕ — великий сын своего народа, известный тюрколог, профессор, поэт, писатель, родился в 15 мая 1893 года в г. Къарасувбазар (Белогорск) Симферопольского уезда в бедной семье пастуха-батрака.

После окончания в 1908 году ново-методной школы-рундие в родном городе на средства благотворительного фонда жителей Къарасувбазара в 1909 году был отправлен на дальнейшую учёбу в Стамбул. Поступает в лицей, где учится до 1914 года. В это же время при университете проходит курс обучения французско-

му и арабскому языкам. Вступает в общество «Ватан».

В 1914 году возвращается на Родину, но вскоре уезжает в Одессу совершенствовать знания русского языка.

Благодаря знаниям языков Бекир Чобан-заде принят на историко-филологический факультет Будапештского университета, который окончил в 1918 году. Был оставлен при университете для подготовки докторской диссертации. 18 мая 1919 года защитил диссертацию. Молодой преподаватель даёт уроки турецкого языка в Восточной Академии Будапешта.

В Венгрии, в Будапеште начинается его основная деятельность как поэта. В те годы написано очень много стихов. Наряду с этим в Будапеште так же написана серия рассказов. В это же время появляются научные публикации в журнале «Туран», газетах Стамбула «Къырым» и «Гёк китап».

В 1920 году Бекир Чобан-заде покидает Венгрию и через Стамбул возвращается в Крым. Здесь начинает преподавать на факультете востоковедения Таврического университета.

На I Крымском съезде Советов избран членом ЦИК Крымской АССР. Летом 1924 года приглашён на работу в Баку. Был руководителем Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита. Избран профессором по кафедре азербайджанского языка и литературы, затем — деканом восточного факультета Азербайджанского Государственного университета.

В 1928 году читает лекции аспирантам института Восточных языков и литератур г. Москвы. В 1930–1934 г. по совместительству в звании профессора заведует кафедрой узбекского языка и литературы в Ферганском пединституте (Узбекистан). В 1935 читает лекции в университетах Ташкента, Бухары.

Чобан-заде кроме родного крымскотатарского в совершенстве владел русским, французским, турецким, арабским, персидским, узбекским, казахским, азербайджанским, туркменским, кумыкским, карачаевским, балкарским, венгерским языками.

Им написано более 120 научных произведений. Более 200 публицистических статей.

Учёный был арестован 28 января и расстрелян 13 октября 1937 года.

Бекир Чобан-заде внёс огромный вклад в языковедение и литературоведение многих тюркских народов.

Урие Эдемова

«Эдил» Къырымтатар язиджылары бирлигининъ реиси

ЧОБАН-ЗАДЕНИНЪ ТАЪЛИМАТЫ ВЕ ШАХСИЕТИ ЭБЕДИЙ ЯШАЙДЖАКЪ

Къырымтатар язиджыларынынъ истегинен мешур тюркшынас алим, профессор, атешин шаир, язиджы, къырымтатар халкъынынъ гъуруры, шаны-шурети, халкъсевер инсаны Бекир Сыдкъы Чобан-заденинъ 130 йыллыгына багъышлангъан махсус джыйынтыкъ азырланылды. Джыйынтыкъкъа эллиге якъын илим саасындаки миневерлеримизнинъ бу улу сыманынъ аяты ве фаалиетине багъышлангъан, онынъ озь ана-Ватанында ве дигер мемлекетлерде тасильнинъ шекилленюви ве осювинде япкъан буюк ишлери акъкъында ве бу мунасебетнен онъа япылгъан теджавускъярлыкълар акъкъында терен фикир юрсетильген макълалелер кирсетильди.

Бу макълалелерни дикъкъатнен козьден кечириркенмиз оларнынъ эр бири бу улу инсанымизнынъ аяты ве фаалиети, онынъ къуршунгъа огъратылгъанына чокъ йыллар кечкенине, девирлер баягъы денъишкенине бакъмадан аля кереги киби огренильмегенини буюк яныкъ иле къайд этмектелер.

Мисаль ичюн филология илимлери намзети Нариман Абдульвапов Чобан-заденинъ къыз къардашы Зелиха Чобан-заде акъкъындаки макълалесини шойле башлай:

«Б. Чобан-заде буюк ве чокъ махсулдар бир алим ве шаир олмасына бакъмадан, аяты ве фаалиети узерине япылгъан араштырмалар

онынъ шахсиети иле асабалыгыны там оларакъ къаврап алмакътан чокъ узакътырлар... Б. Чобан-заденинъ терджимеалы бутюн тафсилятлары иле даа язылмагъан...»

Бу саада, эльбет, Тюркиеде ве Азербайджанда баягъы гузель ишлер япылгъаны бизлерге малюмдир

Филология илимлери докторы Абид Тахирли озюнинъ «Бекир Чобан-заде Исмаил Гаспринский акъкъында» макъалесинде шойле малюмат бере: «М. Фузули адына АМИА Эльязмалар институты Бекир Чобан-заденинъ ильмий эсерлеринден ибарет 5 джылтлыгыны чыкъарды. Истидатлы тюркшынас, эдебиятшынас, терджиман, муаррир, публицист, Аврасия Терджиманлар Бирлигининъ башы, Журналистлер Бирлигининъ Баш кятиби, Баку девлет университети тюрк халкълары эдебияты кафедрасынынъ мудири, филология илимлери докторы, профессор Рамиз Аскер Бекир Чобан-заденинъ «Сайлангъан бедий эсерлери»ни къырымтатарджадан тилимизге уйгъунлаштыраракъ, китапкъа язгъан «Буюк алим ве эдип Бекир Чобан-заде» адлы кириш сёзюнен бирликте нешир этгирди. Бу иш ичюн о, Бекир Чобан-заде адына халкъара мукафаткъа наиль олды».

Бизде, эльбет, чокъ заманлар бу улу инсанымизнынъ ады биле ангълмады. Бунынъ себеплери барлар ве олар пек джиддийлер. Энтъ эвеля дженктен сонъ сюрдюликке огърагъан халкъымыз чокъ йыллар девамьнда акъсыз-укъукъсыз яшады. Эдебиятымыз, тилимиз, медениетимиз, санатымыз акъкъында фикир юрсетмектен марум эди. Эм бу девир чокъ созулды. Чобан-заде киби мешур инсанларымызны анъмакъ ясакъ олунгъан девир исе даа зияде созулды. Бу меселеге ялынъыз алтмышындыкы сенелерде дикъкъат этмеге имкян догъгъан киби олды. Бу иште бизим сафдашымыз, языджы Сафтер Нагаев озюнинъ «Иште санъа, Чобан огълу!» деп адландырылгъан китабында шойле дей: «70 сенелеринде Чобан-заденинъ мирасы баягъы тедкъикъ этильди. Мен де бу джерьянгъа къатылдым, икътидарыма коре араштырмалар алыш бардым».

Лякин теэссуф ки, Сафтер Нагаев о заман бу эйи иши ичюн къатты дарбеге огърады. Оны «буржуа медениетининъ тешвикъатчысы», деп къабаатладылар. О языджылар бирлигининъ сафындан чыкъарылды.

Чобан-заде июнь 6, 1957 сенеси акълангъанына бакъмадан онъа нисбетен олгъан къатты ве акъсыз укюм эп девам этмекте эди.

Бунъа бакъмадан эйи инсанлар озь ильмий ишлерини девам эте бердилер. Сафтер Нагаев де оларнынъ сырасында булунаракъ о улу инсанны якъындан бильген Э. Шемьи-заде, Мустафа Халилов, Усеин Куркчи, Эмир Фаикъ, Мемет Умеров киби зиялыларымыз, Чобан-заденинъ талелелери, академиклерден Мамед Ширалиев, профессорлар Адиль Бабаев, Виляет Гулиев (Азербайджан), Вахид Абдуллаев, Вахид Закиров, Иззат Султанов, Бахрам Ибрагимов (Озбекистан) ве дигерлеринен якъындан таныш олды.

Чобан-заденинъ аяты ве фаалиетини терен огренмек ичюн Москва, Ленинград, Баку, Ташкент, Алма-Ата, Самаркъанд, Фергана, Къокъанд, Ялта, Махачкала, Акъмесджит, Къарасувбазар, Багъчасарай шеэрлеринде, Венгриянынъ пайтахты Будапештте булунды. Архивлерде чалышты. Нетиджеде бизлер онынъ бу мевзуда язылгъан «Иште санъа, Чобан огълу!», «Йылнамедеки излер» ве дигер китапларыны окъумагъа наиль олдыкъ.

Энтъ эсасы эдип бутюн буларнен берабер Чобан-заденинъ догъмушлары, танышларынен иш тутмагъа айрыджа дикъкъат этти.

«Догърусыны айткъанда эдебиятчылар ве публицистлер 60-нджы йылларда Б. Чобан-заде акъкъында язгъанда анда-мында эшиткелерини язмагъа меджбур эдилер. Чюнки оларда архивлерге кирип весикъалы материалларнен чалышмагъа имкян ёкъ эди», — деген эди С. Нагаев. Онынъ ичюн де Чобан-заденинъ аяты ве фаалиети акъкъында язылгъан макъалелерде чешит къалабалыкъларгъа огъраймыз.

Белли шаиримиз, гъает терен бильгили Э. Шемьи-заде биле озь макъалесинде: «Бекир Чобан-заде 1893 сенеси, Акъмесджит уездининъ Аргъын коюнде Къурт Ваап адлы бир чобаннынъ къорантасында дюньягъа келе», дей. Бу делиль «Къырымтатар эдиплери» адлы джйынтыкъта да ойле косътериле.

Бу делильни урьметли инсанларымыз озьлери уйдурмагъанлар. Эсаслы менбалардан алгъанлар. Яни Чобан-заденинъ озю университетке киргенде толдургъан анкетасында догъгъан ерини Аргъын кою деп къайд эткен.

Бу акъта гъает себатнен чалышкъан, чешит мемлекетлернинъ зенгин китапханелеринде булунгъан профессорымыз И. Керимов шойле дей: «Мешур инсанымиз Чобан-заденинъ аятынен, иджадыннен меракълангъан эр бир инсанны базы делиллер шашмалаталар. Меселя, 1920 сенеси 23 июньде Чобан-заде Женевада алгъан паспортында догъгъан сенеси 1892 деп косътериле. Биз исе бугунь онынъ догъгъан йылы ве кунюни 1893 сенеси майыс 15 деп билемиз».

Корьгенинъиз киби И. Керимов оларны делиллер эсасында айдынлата. Профессорымызнынъ айткъанына коре Чобан-заде 1934 сенеси илим хадимлери анкетасыны толдургъанда догъгъан ерини Къарасувбазар шеэри, деп косътере. Лякин университетке киргенде берген весикъаларында догъгъан ерини Аргъын кою деп къайд эткен.

Бир сыра макъалелерде Чобан-заде Къарасувбазар Рушдесинде дёрт йыл окъугъаны ве оны 1908 сенеси битиргени акъкъында айттыла. Лякин «Терджиман» газетасында Рушдиени 1909 сенеси майыс 28-де битиргени хабер этиле.

Бекир Сыдкъы озюнинъ «Чобан-заде» шекилиндеки сояадыны не вакъыт къулламагъа башлагъаны акъкъында да чешит-тюрю йыллар косътериле. Мисаль ичюн Д. И. Урсу чокътан-чокъ араштыру-

влардан сонъ Бекир Сыдкъы 1920 сенесининъ экинджи ярысында Къырымгъа кельген сонъ бу лагъапны къабул эте, дей.

Асылында исе И. Керимовнынъ изаатына коре Бекир Сыдкъы 13 яшында экенде сойадыны «Чобан-заде» оларакъ къабул эткени «Ветан хадими» газетасында язылгъан экен. Демек, Бекир Сыдкъы озюнинъ сойадыны «Чобан-заде» сыфатында профессор Урсу айткъаны киби 1920 сенеси дегиль де, 1906 сенесинде алгъан экен.

1935 сенеси Азербайджан университетинде чалышыркен Чобан-заде озь терджимеиалыны язгъанда Будапешт университетине кирген йылыны 1914 деп косьтере. Асылында исе октябрь 12, 1916 сенеси экен.

Джыйынтыкъкъа кирсетильген бир сыра макъалелерде Бекир Чобан-заде 1924 сенеси Къырым университетининъ ректоры вазифесине сайлангъаны акъкъында айтыла. Эм Чобан-заде бунъа башта разы олмагъан. Сонъра анда джиддий ишлер япмагъа имкъан оладжагъы акъкъында тюшонген сонъ разылыкъ бильдире. Нетиджеде сечимлерде сайлангъан. Шусу худжур корюне ки, ондан сонъ онынъ университетте чалышкъаны-чалышмагъаны акъкъында бир шей айтылмай.

Айдер Меметов озюнинъ «Бекир Чобан-заде ве къырымтатар тильшнаслығы» адлы макъалесинде Азербайджанда янъы тюрк элифбеси комитети тешкиль олунгъаны ве шу комитет янында ильмий совет шекилинде махсус консультатив тешкилят мейдангъа кетирилгени ве Самед Агъамали огълу 1924 сенеси Чобан-задени анда чагъырып алгъанлары акъкъында къайд эте. Эм Чобан-заде университетте азербайджан тили ве эдебияты кафедрасынынъ профессору ве шаркъ факультетининъ деканы хызметинде булуна.

Бу делиллер окъуйджыны керчектенде тааджишлендирелер. Огюнде, я Чобан-заде Къырым университетининъ ректоры эди де, не ичюн оны ташлап кеткен, деген суаль пейда оала.

И. Керимов бу меселени де ачыкъ-айдын косьтере. Чобан-заденинъ намзетини Москвадаки «Главпрофобр» тешкиляты тасдикъламагъан. Демек, мешур профессор ишсиз къалгъан ве Азербайджангъа кетмеге меджбур олгъан.

Муэллифлеримизнинъ бир чокълары озь макъалелеринде мешур профессорунынынъ себатлы фаалиети девамында илим саасында гъает буюк ишлер япкъаныны ачыкъ делиллер эсасында косьтермеге тырышалар.

Бекир Чобан-заде учь юзден зияде ильмий-бедий макъале язды, дей Афакъ Рустамова. Риза Фазылнен Фёдор Ашнин исе юз элли макъале, Юнус Къандымнен Т. Эмиров эки юзден зияде, дейлер. Тезджан Эргин юз къыркъ макъале язгъаны акъкъында къатты фикир бильдире ве иляхре.

Бизлер бу ракъамларгъа тиймедик. Буны келеджек несиллеримизнинъ окъумыш эвлятлары архивлерден тапып, огренип, денгъиштире, эсасландыра билелер.

Дюнъялар сени, бу дюнъяджа белли, мешур инсанымыз эм джисманий, эм маневий джеэттен пишкен, кемаллатлашкъан, омрюнинъ, иджадынынъ гурьленген, чечекленген девринде къурбан олды. Теткъикъатчыларымыз бу инсанымызнынъ омрю насыл екюленгени акъкъында да пек буюк яныкълар иле бильдирелер. Лякин теэсюфлер олсун ки, бу фаджиалы делиллер де теткъикъатчылар тарафындан чешит вазиятте, чешит тюрлю косьтерилелер.

Мисаль ичюн мерхум профессорумыз Айдер Меметов «Бекир Чобан-задени пантюркизм гъаелерини даркъатувда къабаатлайлар ве ахыр-сонъру апсханеге ташлайлар. 1939 сенеси июль 12-де Азербайджаннынъ Хачмаз коюнде бастырыкъта оле», — дей.

Сафтер Нагаевни бизде Чобан-задешынас, демек мумкюн. Лякин бу саада о да янълышлар къачыра. «Чобан-заде 1937 сенеси январь 12-де бастырыкъкъа алынды. 1939 сенеси июль 13-те Хачмаз коюнде атылды», — дей.

Тезджан Эрген (Анкара) озюнинъ «Къыйметли шахсиетлеримизден бири» адлы макъалесинде инсанны бир тамам шашыра. («Къырым» газетасындан, 31. 07. 1993 с.)

Онынъ язгъанларына коре: «Чобан-заде Сибиригъа сюрдюн этилерек 45 яшында энъ пишкин чагъында ольдюрильди (? — муар.). 1942 сенеси августос 7-де «Азат Къырым» газетасында Абдуллах Исмаил имзасы иле дердж этильген бир макъаледе Чобан-заденинъ Сибириянынъ Баркут районунда 40 дередже сувукъкъа даяналмайып ольгени бильдириле, дей. (? — биз бу ерде махсус суаль ишарети къойдыкъ чюнки Чобан-заденинъ ольдюрильген ери акъкъында бунъа къаршы малюматлар да бар, — «Къырым» муарриети)»

Т. Эмировнынъ хабери даа да зияде туюмлидир: «Б. Чобан-заде 1938 сенеси февраль 7–8-де, март 3–6-да, апрель 17–20-де, сентябрь 20–21-де, джеми 16 кере соргъу этильди. «Къабаатгъы» «ачыкъ-айдын ве ред этильмейджек дереджеде» танылгъан сонъ оны къуршунгъа тиздилер...»

Б. Чобан-заденинъ иджады ве терджимеиалы узеринде чалышмалар девам этеркен, янъы-янъы малюматлар белли олур.

Эндиден сонъ иджады ве терджимеиалы узеринде япылмакъта олгъан ве япыладжакъ чалышмалар нетиджесинде янъы-янъы эсаслы догъру малюматлар белли оладжагъына ишанчымыз буюктир.

Бойле шанлы эвлятларыны миннетдар халкъымыз бир заман унутмаз.

Халкъымыз ана-Ватанымызгъа аякъ баскъанынен эв-баркъ къурып башлар экен бойле инсанларымызынынъ адларыны ве фаалиетлерини эбедийлештирюв ишине де диъкъат этти.

Къарасувбазарлылар миллетимизнинъ шуретли инсаны Б. Чобан-заденинъ хатырасыны эбедийлештирмек ичюн озь ана-юртунда онгъа абиде тиклемек ниетинен арекет эттилер. Башта шеэрнинъ энъ гузель еринде хатыра ташы къоюлды. Сонъра шу ерде Чобан-заде-

нинъ эйкели котерильди. «Комсомол» сокъагъы «Бекир Чобан-заде» деп адландырылды. Шеэр китапханеси де Б. Чобан-заде адыны ташымакъта.

Чобан-заде адына фонд мейдангъа кетирильди, онынъ эр йылда бир кере бериле биледжек «Бекир Чобан-заде» мукъфаты тәсис олунды. О йылнынъ энъ яхшы эсерлерине, ильмий ишлерине берильмеси тайинленди.

Бу хайырлы ишлерни япудда Къарасувбазар шеэрнинъ джемааты, миллий арекетимизнинъ ёрулмакъ бильмеген иштиракчиси, шаир Певат Зети, иш адамы Ресуль Велиляевнинъ тешеббюси ве хызметлери гъает буюктир.

Бизлер шанлы, джефакяр эждатларымызнынъ ляйкълы девамджылары оларакъ, буюк, озь халкъынынъ аятыны нурландырыджи инсанларымызны джеми халкъымызгъа темелли бильдирмекни бир заман унутмамакъ керекмиз.

Нариман Абдульваапов,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры
крымскотатарской литературы
КИПУ имени Февзи Якубова*

ЗУЛЕЙХА ЧОБАН-ЗАДЕНИНЪ ХАТЫРЛАВЛАРЫНДА АГЪАСЫ БЕКИР ЧОБАН-ЗАДЕГЕ ДАИР БИЛЬГИЛЕР

Б. Чобан-заде — буюк ве чокъ махсулдар бир алим ве эдиптир. Бунъа бакъмадан, онынъ аяты иле фаалиетине багъышланып, бугунге къадар япылгъан тедкъикъатлар онынъ шахсиети иле асабалыгъыны там оларакъ къаврап алмакътан чокъ узакътырлар. Бу саадаки проблемалы меселелерден бири — онынъ омюр ёлунынъ етерли дереджеде огренильмегендир. Б. Чобан-заденинъ терджи-меиалы бутюн тафсиллятлары иле даа язылмагъан, бу мевзуда атта белли бошлукълар биле бардыр. Бойледже, шаирнинъ аятына даир эр бир янъы бильги олдукъча буюк дикъкъат чекмектедир.

Бутюн булар козь огюне алынса, макъалемизде танытыладжакъ хатырлавлар сонъ дередже эмиетли сайыла билер. Чюнки, ильк эвеля, алимнинъ догъмуш къардашы тарафындан язылгъан, экинджи-ден, олдукъча мундериджелидирлер.

Сёз Зулейха Чобан-заденинъ хатырлавлар дефтерлери акъгъында кетмектедир. «Чобан-къызы Зулейханынъ омрю» деп адландырылгъан бу хатырлавлар, ильк эвеля, табий, муэллифининъ аятыны

тасвир этмекте. Лякин ичинде агъасы Б. Чобан-задеге даир де олдукъча къыйметли бильгилер бар ки, буюк алякъа кореджеклери шубесиздир.

Зулейха Чобан-заде (Зулейха Халилева) — Б. Чобан-заденинъ екаяне догъмуш къардашыдыр, даа догърусы, аятта къалып олгъан екаяне къардашыдыр. 1904 сенеси Къарасувбазар шеэрининъ Шахмурад мааллесинде догъгъан, чокъ маджералы бир аят кечирип (учь баласы яшлай оле, булардан бириси II Джиан дженки вакътында нацистлер тарафындан якъыла!), 1985 сенеси Озбекистаннынъ Андижан шеэринде вефат эткендир. Хатырлавларыны арап арифлери иле 1970 сенеси язса керек (экинджи дефтернинъ устюнде бу сене къайд этильген), даа сонъра оларны якъын аркъадашы Гульшен Ибадуллаевагъа эманет оларакъ къалдыргъандыр. 2011 сенеси Гульшен ханым бу беш дефтер языларыны бизге косътерип, транслитерация ишини япмамызны риджа этти, биз де онынъ шу риджасыны ерине кетирмеге чалыштыкъ.

Зылха оджанынъ (Зулейха Чобан-заде, бутюн омюр оджалыкъ япкъанындан себеп, бойле анъылгъандыр) хатырлавлары белли эди. Оларнынъ бир къысмыны муэллиф озь вакътында белли къырым-татар азыджи ве тенкъитчиси С. Нагаевге ёллагъан, о да олардан кенди «Йылнамелердеки излер» китабындаки «Медений инкъиляб аскери» очеркинде файдалангъандыр [2, с. 76]. Хатырлавларнынъ даа бир парчасы атта дюнья юзю корьген: «Бакъсан фаджиасы» адлы парча 1968 с. «Ленин байрагъы» газетасында [3] ве 1994 с. «Йылдыз» меджмуасында басылгъандыр [4].

Гульшен ханым Ибадуллаеванынъ элинде оригиналары ве бизде копиялары булунгъан хатырлавлар — беш дефтердир. Къалын талебе дефтерлери, ири ве пек анълайышлы бир азы иле, саифеде 12 сатыр оларакъ язылгъандырлар. Дефтерлер боюнджа саифелернинъ сайысы 186, 186, 190, 200, 136 олып, топлам 898 саифедир. Заман джеэтинден, хатырлавлар XIX асырнынъ экинджи ярысындан 1934 сенесине къадарки деврини къаплап ала. Метин, эр бири серлевалы айры болюклерге болюнген, бу болюклернинъ сайысы 41-дир (дефтерлер боюнджа: 12–7–10–5–7).

Хатырлавлар «къуру» бир тиль иле дегиль, белли дереджеде эдебий бир услуп ве сонъ дередже зенгин къырымтатарджасы иле язылгъандырлар. Зылха оджа, бутюн омюр талебелер иле мешгъуль олып, оларнен чешитли ресмий ве эглендже мерасимлерини, эдебий акъшамларны кечирип, белли бир сценарист ве атта режиссер теджрибесини эльде эткени корюле. Хатырлавлар бир роман ве атта бир роман эсасында язылгъан сценарий хусусиетлерини ташый, деп айтмакъ мумкюн. Нетиджеде, олар тасвирлеген заманларынынъ кениш ве сонъ дередже ренкли бир бедий панорамасы оларакъ эльге алына билер.

Хатырлавлар пек чокъ аспектлери иле дикъкъатны чеке. Олсун муэллифининъ шахсий аяты, олсун о девирнинъ чешитли сиясий,

ичтимай ве медений вакъиалары, я да пек чокъ белли инсанларнынъ (ильк эвеля, кырымтатар зиялылары, айрыджа Б. Чобан-заденинъ) шахсиетлери джеэтинден — хатырлавларда эр шейге ве эр исимге даир олдукъча индже ве тафсилятлы бильгилер мевджуттыр. Корюне ки, Зылха оджанынъ бильгиси олдукъча сагълам, кендиси февкъульаде дикъкъатлы ве хафызасы сонъ дередже кучлю бир ханым олгъандыр.

Хатырлавларда дикъкъатны чеккен базы левхаларны къайд этеджек олсакъ, буларнынъ башында кырымтатарларнынъ анъаневий аяты ве, ильк эвеля, кой аятынынъ тасвирлери кельмектедир. Айрыджа, хатырлавларда Къарасувбазар шеэри ве больгедеки койлернинъ сонъ дередже ренкли ве тафсилятлы манзараларына расткелине ки, муэллифнинъ буюк бир Къарасувпервер олгъанындан ич бир шубе кълмай.

Дигер левхаларгъа кельгенде, кырымтатарларда чешит табакъа векиллери арасындаки мунасебетлер, кырымтатарлар ве рус окъув юртлары (Зылханынъ Къарасувда рус гимназиясында окъушы мисалинде), 1921–1923 сс. Къырымдаки ачлыкъ фаджиасы, ниает, Сталиннинъ репрессияларына даир сонъ дередже тесирли левхаларны да къайд этер эдик.

Хусусий дикъкъатны чеккен парчалардан даа бир кысымы о заманнынъ кырымтатар маариф системасы, миллий окъув юртлары иле алякъалыдыр. Мисаль, Акъмесджитте Айше Исхакова тарафындан 1917 с. ачылгъан татар кызылары гимназиясына даир парчаларны алайыкъ: бир парчада бу окъув юртунда окъугъан талебелернинъ джедвели ер ала, шу джедвельдеки кызыларнынъ арасында, мисаль, Айше Тархан, Шефикъа Джанкъылыч, Земине Дагъджы, Айше Эмир-заде, Пенбе Къогъуш, Сюндюс Пармакъсыз, Шефикъа Шемби-заде, Анифе Абдульхай киби кызыларнынъ адларыны окъумакъ мумкюндир. Я да айны шу сенеси Акъмесджитте ачылгъан дарульмуаллиматкъа (оджапчелер азырлагъан окъув юртуна) даир парчаларны алайыкъ: мында да бутюн ильк мезунларнынъ джедвели ве эр бир талебе-кыызгъа даир (Амиде Аджи Асанова, Рефикъа Къутбединова, Ребия Бекирова, Теслиме Чинакова, Ава Дагъджы, Леман Омер Сами, Сафие Канеева ве дигерлери) кысыкъа характеристика мевджуттыр. Бу парчаларгъа Зылханынъ дерс берген бир сыра кой мектеплери иле алякъалы хатырлавларны да къошар эдик. Бир де Акъмесджиттеки балалар эвине даир бир парчаны: 1922 сенеси Зылханынъ да чалышкъан бу балалар эвинде Айше Исхакова (мудире), Асан Шумин, Асан Аметов, Айше Тайганская, Ава Дагъджы, Сафвет Абдураим ве башкъалар чалыша эдилер.

Шуны да айтмакъ керек ки, хатырлавларда о заманнынъ пек чокъ мешур кырымтатар зиялыларынынъ адлары кече, базылары акъкъында меракълы бильгилерге расткелине. И. Гаспринский, А. С. Айвазов, А. Озенбашлы, С.-Дж. Хаттатов, Х. Чапчакъчы, У. Ба-

данинский, А. Исхакова, А. Черги (Чергеев), М. Рефатов, Абибулла ве Бекир Одабашлар, В. Ибраимов, Х. Эмир-заде, У. Бакъкъал, А. Тайганская, М. Недим, А. Къадри-заде — бу зиялылардан энъ белли олгъанларыдыр. Булардан базыларыны шахсий шараитге де коремиз, мисаль, Зылханынъ тою иле чагъыртувында, я да Бекир Чобан-заденинъ эвиндеки Якъуп Керчи иле Анифе Ширинскаянынъ тоюнда ве илх.

Ниает, Бекир Чобан-задеге даир бильгилер... Булар хатырлавларнынъ пек чокъ кысымларында ер ала, атта алты болук толусынен онъа багъышлангъандыр. Эльбетте, хатырлавларда Бекир ве Зулейха Чобан-заделернинъ баба-деделери акъкъында да пек меракълы бильгилер бардыр, оларны да, табий, Б. Чобан-заденинъ терджимеиалына алмакъ лязим. Ашагъыда хатырлавларнынъ бу киби парчалары акъкъында кысыкъа малюмат бериледжектир.

Бекир ве Зылха Чобан-заделернинъ баба тарафындан къартбабалары Менакъай огълу Къуртумер къарарнен 1820-нджи сенелеринде Къырымда, Къарасувбазар району Аргъын коюнде догъгъандыр. Дикъкъат чекиджи бир хусус, Къуртумер — кедай олгъан, «той-тойдан кълмай юре экен». Къуртумер «эсмери, къаракъашлы, къара козлю олгъан, чобанлыкънен берабер усталыкъ да япкъан, шемшер къашыкълар, тостогъайлар, мойсалар ясагъан» бир инсан олгъан, вакъты иле, о, Аргъындан 5–6 км. олгъан Чардакълы коюнден Сабе деген кызыны (келинчек) алгъан, «озюне эв къургъан, бала-чагъа саиби олгъандыр» [Дефтер I, с. 4].

Къуртумернинъ Къуртхваап, Къуртвели, Халиль ве Рамазан адлы дёрт огълу иле Зейнеп ве Мензе адлы кызылары олгъан. Буюги Къуртхваап 1852 с. Аргъында догъгъан. «Бабам Къуртхваап, огъланлардан къорантада энъ буюги олгъанындан, эвге ярдым этмек, бабасына къол ярдымджы олмакъ, эв башы олмакъ вазифеси онынъ бойнуна юклене. Алты яшыны толдурыр-толдурмаз, аягъына чарыкъларны чекип, ыргъакъ таягъыны къолуна алып, чобанлыкъкъа башлай», — деп яза Зулейха [Дефтер I, с. 7–8].

Къуртхваап, даа эвленмей, бир маджерагъа огърай, онынъ нетиджесинде бутюн аиле Аргъындан Къарасувгъа кочъмеге меджбур ола. Бу вакъиа С. Нагаевнинъ юкъарыда анъылгъан очеркинде де мевджут, Сафтер агъа оны Зылха оджанынъ мектюбине эсасланып язгъандыр. Биз де оны, Б. Чобан-заденинъ догъгъан ерине догърудан-догъру ишарет эткени ичюн, бу макъаледе хатырлатмакъны фаидалы коръдик. Вакъианынъ озю шудыр:

Къуртхваапнынъ эмджеси Менарифнинъ огълу Менбору, Бор-Батыр адлы ерли мирза иле араларында юзь берген бир къавгъанынъ нетиджесинде оле. Къуртхваап, мирзадан очь аларакъ, Бор-Батырны атып ольдюре. Бу вакъиадан сонъ, о, Аргъындан къачмакъ, белли бир вакъыт Джанкой бетте Тюп-Кенегез коюнде гизленип яшамагъа меджбур ола. Меселени ятыштырмакъ ичюн бабасы (Къуртумер) элинден ке-

леджек эр шейини япа, пара кзуллана, хорантаны «къан давасындан» кзуртара, лякин койде кзалмакъ — олар ичюн артыкъ имкъансыздыр. Нетиджеде, бутюн аиле Къарасувгъа коче. «Къартбабам, кзойларыны сатып, борджларгъа далып такъан-тукъан акъча тапып, Къарасувбазардан Шамрат мааллесинден эв алып, эвини-багъчасыны-кборасыны кзардашы Кзуртнезирге ташлап, шеэрге кочмеге меджбур ола», — деп яза Зылха Чобан-заде [Дефтер I, с. 14].

Кзуртваап 1886 сенеси я да бираз сонъра Къарасувда эвлене — 1865 сенеси эснаф (аякъкъапчы) Гъафар огълу Аблялимнинъ (Абдульхалим) кзорантасында дюнъягъа кельген Ваиде-Шерифе адлы кызыны ала. Бу эвлиликтен секиз бала ола. Ильки Зейнеп, еди айлыкъ догъып, бир-эки саат яшап оле. Экинджи Сейид-Салих учъ-дёрт яшында вефат эте. Учюнджиси Сейид-Бекир ола: «Анам учюнджи баласыны догъура, о да огълан ола, адыны Сейид-Бекир кзоаялар» [Дефтер I, с. 33] Корьгенимиз киби, Бекир Чобан-заде Къарасув шеэринде догъа! Бу, илеридеки базы парчаларда да тасдикъланаджакътыр. Бойледже, догъгъан еринден бир шубе кзалмамалыдыр, деп саямыз.

Дёртунджи бал — Хатидже — беш яшында вефат эте. Даа Эдие ве Кзурттотай адлы кызылар ола, лякин олар да, бири 4–5, экинджиси 3–4 яшларында апансыздан олелер. Единджиси Зылха догъа. «Меним адымны бахтсыз агъам профессор Бекир Чобан-заде, молла-акъайнынъ алдына чыкъып: «Кядемнинъ адыны «Зулейха-Шерфе» деп кзойынъыз! Эгер кзоймазсанъыз, не бакъарым, не кядем дермен, бешикни йыкъар кзачарман!» деген. Молла-акъай ве анам, бабам да, мунасиш корип, адымны Зулейха кзойгъанлар. Дегени киби, агъам мени аркъасына котерип осьтюрген» [Дефтер I, с. 147–148].

Бекир Чобан-заде иле алякъалы ильк мустакъиль болюклер — биринджи дефтердеки «Йылан» ве «Тирменге кзойсанъ, тири чыкъа!» адлы болюклердир. Буларда Бекирнинъ балалыкъ йылларына даир меракълы билъгилер ер алмакъта.

Яш Бекирге даир невбеттеки даа бир парчада анасынынъ илимге не къадар буюк эмиет бергенини корьмек мумкюндир:

«Анам бизим илимли олгъанымызны джан-юректен истер эди, «илим къазаны ач кзалмаз, илим къазаны отсыз, оджакъсыз къайнар» деп, бизни алим япмагъа пек ынтылып эди.

О заманлар Тюркиеде окъугъан агъам, даима меним къайдымны чекип: «Зулейхачыкъны яхшы бакъынъыз, иштидаий мектепни битирген сонъ, оны мутлакъа гимназиягъа киргизмеге тырышынъыз!» — деп яза эди.

Бабамнынъ илимнен иши ёкъ, о даима агъамнынъ тез-тез къайтып келип, бабамнен бирликте чобанлыкъ этмесини ойлар эди. Агъамнынъ къайтмасыны пек арзу эткенинден, анама:

— Яздыр Сейид-Бекирге мектюп! Къайтсын да, магъа ярдым этсин! Окъугъанда не оладжакъ, эпси бир стол башына биздай къа-

расюекни, поселянны отуртмазлар, оладжакъгы — мендай чобан-чолукъ, биз джарлыгъа моллалыкъкъа, илимге ёл ёкъ», — дер эди. Анам исе:

— Зенаат, илим-унер — кзолда алтын билезликтир, Сейид-Бекирни дегиль, Зулейханы окъутаджакъман», — дер эди» [Дефтер I, с. 151–153].

Б. Чобан-задеге багъышлангъан муим болюклерден даа бири — экинджи дефтердеки «Агъамнынъ Маджаристандан кельмеси» серлевалы бир болюктир. Бу болюкте Бекирнинъ догъгъанына, тувгъан шеэринде окъугъанына, Тюркиеге кеткени-къайткъанына, ниает Будапештке де кетип-къайткъанына даир олдукъча кыйметли билъгилерге расткелине. Мисаль, догъгъанына даир шу сатырларны окъумакъ мумкюн: «Сейид-Бекир агъам, анамнынъ учюнджи баласы, 1893 йылы, майыснынъ 15 куню Къырымда, Къарасувда, къартбабамларнынъ Шамурат мааллесиндеки эвлеринде догъгъан, онъа не чичек, не кызамыкъ, не де ал кольмек — бир хасталыкъ тиймеген, пек сагълам, тендюрюст бала экен» [Дефтер II, с. 25–26].

Бекирнинъ Будапешттен къайткъанына даир бир парчада исе о заманнынъ бир чокъ мешур кырымтатар муневверлерининъ адларыны окъумакъ мумкюн: «Агъамнен берабер кельген файтонларда Сейид-Омер Таракъчы, Абдураим Джемалединов, Керим Джемалединов, Къаялы Абдульхамид агъа, Джемиль Наджи Челебиев, Асан Сабри Айвазов, Сейид-Джелиль Хаттатов, Абибулла Тимурджан Одабаш, Бекир Одабаш, Халиль Чапчакъчы, Ахмед Озенбашлы, Усеин Баданинский, Абдульэхад Амди Герайбай, Абдусемиъ Герайбай, Мустафа Февзи, Мехмед Тевфикъ, Риза эфенди, Шефикъа Гаспринская, Ильхамие Исмаилова, Айше ханым Исхакова, Айше ханым Тайганская, [...] ве-ль-хасыл Къырымнынъ зиялылары агъамнен берабер Къарасувгъа кельмекте эдилер» [Дефтер II, с. 40–41].

Бекир Къарасувда чокъ кзалмай, бир-эки куньден сонъ Акъмесджитке кетип, ишке кире. Бир-эки айдан сонъ, ана-бабасыны да янына ала. Акъмесджиттеки адреслери: «Нижняя Госпитальнаяда 37 номеролы, «Манкъа Сейид-Мехмеднинъ» эви» ола. Бекир Халкъ Маариф Шубесининъ татар кысымында, Дарульфунунда, Дарульмуаллиматта, Тотайкой техникумында чалыша.

Хатырлавларнынъ невбеттеки бир болюгинде Б. Чобан-заденинъ Бакуда, театрде, эки яшнынъ лафлары ве арекетлеринден оларнынъ Къырымлы ве къарасувлы олгъанларыны анълагъаны акъкъында икяе этиле. Бу меракълы парчада айрыджа дикъкъат чеккен — къарасувлылар иле багъчасарайлылар арасындаки устюнлик давасыдыр. Бу мунасебет иле Зылха оджа да тувгъан шеэри акъкъында бир кзач сёз кзошмакътан озюни аламай:

«Багъчасарайлылар ичюн халкъ агъзында бир икяе, яки бир тюркю биле ёкъ. Амма Къарасувлылар ичюн айтылгъан йырлар аля яшай.

*Къарасувнынъ дёрт кошеси,
Вай, чардагъы домпулдай,
Ози киши бегенмей,
Май бардагъы домпулдай...*

<...> Къарасувнынъ озю пек шырныкълы, авадар, этрафы багъ-багъча, дагълыкъ-сувлукъ бир ердир... Сувнынъ энъ бол ери... Къара-Агъач суву... Тыназ... Буюк-Къарасув... Кучюк-Къарасув... Сары-Сув... Бурульча сувлары... Велъ-хасыл, Къырым дедилерми, козюмнинъ алдына Къарасув келе. Даа гузель Алушкалар, Ялталар олса да... Догъгъан ерим олгъаны ичюнми?.. Не ичюн?!..» [Дефтер II, с. 86–87].

Хатырлавларнынъ илерисинде Б. Чобан-заденинъ Наркомпро-ста чалышкъаны, эвленгени, Зылханы да эвлендиргени акъкъын-да окъумакъ мумкюндир. Сонъкиси айрыджа тафсилатлы тасви-рленип, пек чокъ белли инсанларнынъ бир арада булунмасы иле дикъкъат чеке.

Бундан сонъраки «Агъамнынъ Бакугъа кочъмеси» болюги Б. Чо-бан-заденинъ 1924 с. Бакугъа кеткенине даирдир. Къырымнынъ пек чокъ кой ве шеэрлеринден кельген инсанлар иштираги иле Акъмес-джит вокзалында ведалашув мерасими кечириле. «Акъмесджитнинъ вокзалы рыкъма-рыкъ толды, адам дерьясы кесильмеди. Агъам ми-неджек вагоныны чечеклернен донаткъанлар. Университет профес-сорлары, студентлери, Къырымнынъ зиялылары чыкъып минбер-де нуткъ сёйледилер, агъам бирер-бирер эписинен савлыкълашты» [Дефтер III, с. 144].

Дертюнджи дефтернинъ башында озь драматизминен дикъкъат чеккен «Агъамнынъ апаындан айрылувы» болюми ер ала. Онынъ мундериджеси — Бекир Чобан-заде ве къадыны Диляра Булгакова арасындаки мунасебетлер, ве, айрыджа, оларнынъ айрылувлары (1928 сенеси олса керек). Меселе пек тафсилатлы тасвир этиле, онъа 40 саифе айырылгъандыр.

Б. Чобан-заде иле алякъалы невбеттеки парча — онынъ бел-ли академик А. Самойловичнен берабер Къарасувгъа кельгенлери акъкъындадыр. 1929 сенеси, Зылха хорантасы иле Къарасувгъа бакъкъан Учъ-Козь коюнде яшай, оджалыкъ япа. Мусафирлер ке-леджегинден хабер алгъаны иле, эвини джыйыштыра, азырлыкъ коре. Чокъкъа бармай, Бекир, аналары, Бекирнинъ кятиби Веис Танабайлы, къадыны Зехра, Сейид-Омер Турупчы, академик А. Са-мойлович ве онынъ къадыны — къыскъасы, бир машина къадар адам келе. Азбарда терек тюбюнде, миндер устюнде, багъдаш къурунып, къаймакълы къавелер ичиле, къурбанлыкъ бараш-къой союла, чи-береклер ашала, язмалар ичиле... Бир къач кунлюк программадан сонъ эр кес Къарасувгъа кете. Шеэрдеки кезинтилер акъкъында бир къач сатыр айрыджа дикъкъат чеке:

«<...> агъам Къарасувда бир сой-соп къалдырмагъан сонъ, **озюнинъ догъгъан эвини** (къою шриффт бизимки — Н. А.), окъугъан рушдие мектебини, къой бакъып юрген Къара-Агъач, Батыр-бей дегирменлерини эписини Самойловичке косътерип тойгъан сонъ, Акъмесджитке къайткъанлар <...>» [Дефтер IV, с. 71–72].

1931 сенеси, аналарынынъ олюминден сонъ, Зылха агъасына Бакугъа мусафирликке бара. Чобан-заделернинъ яшагъан квар-тиралары Бакунынъ меркезинде, «Баку 1-де, Кооперативная 5-те, губернатор Тагиевнинъ эвинде» ерлеше. Зылханы пек яхшы къар-шылайлар. Бакунынъ энъ итибарлы алим ве оджаларындан бири олгъан Бекир Чобан-заде артыкъ эвли, онынъ къадыны — опера йырджысы Рукъие ханым Абдулина. Зылха янъы енгеси ве акъра-басы иле таныш ола, мусафирчен агъасынынъ эвинде бир-бучукъ ай къала.

Агъа-къардашнынъ невбеттеки корюшювлери бам-башкъа ола-ракъ кече. 1930-ларнынъ башы. Сиясий такъиплер башлай. «Мил-летчи» агъасы юзюнден Зылха бутюн ишлерден къувула. Ходжасы Шинаси биле даянамай, акърабасы баскъысы нетиджесинде олар айрылалар. Зылха Бакугъа бараджакъ ола. Огълу Субутайны алып, ёлгъа чыкъа. Бекирнен корюше, дердини анълата. Б. Чобан-заде пек севген джиени Субутай ичюн бир шень байрам яптыра. Лякин озю де дертли.

«Агъам гъарипчикте де тюшюндже агъыр! Акъай киши, сыр бер-мей, амма алындан-арекетинден онынъ ишлеринде де бир тюрлю хошнутсызлыкъ, анълашамамазлыкъ олгъаны корюнип тура. Ке-скинден кескин къара къаве иче, сигарнынъ бирисини якъа, бири-сини сёндюре... Базы вакъыт къайгъылы-къайгъылы шойле деп де йырлап та ташлай:

*Айгиди ялан дюньялар, ай дай,
Къувнакъсыз куньлер, айды дав.
Аевленип джангъан от, ай дай,
Кулленип сёнер, айды дав. <...>
Айгиди меним озь коюм, ай дай,
Сувбашы Найман, айды дав,
Кядемнинъ кози торланса, ай дай,
Мен джылайман, айды дав. <...>
Ах дей, ах дей джурермиз, ай дай,
Биз де олермиз, айды дав,
Ер бавуры сувукъдыр, ай дай,
Тёнъюлурмиз, айды дав» [Дефтер V, с. 57–59].*

Бекир Чобан-заде къардашы ичюн Москвадан ярдым къыдыра. О заманнынъ Совет Бирлиги Юкъары Кенъешининъ Реиси М. Ка-лининге, озь мухрюни бастырып, кучюк бир риджанаме яза. Къар-

дашыны Москваға бармасы ичюн тенбийлей. (Илериде Зылха ойле де япып, М. Калининден ярдым коре.) Айрыджа, онға салмакғылы бир маддий ярдымда да булуна. Сонъундан, Зылха иле Субутайны Бакудан Тифлиске къадар озгъара. Поездде, вагонлары фаркғылы олгъанына бакъмадан, янларындан айрылмай. Ёлджулыкънынъ сонъки дакъикъалары акъкындаки парчаны исе эеджансыз окъумакъ ич мумкюн дегильдир:

«Мен, кядем, бир койге барып, иптидаий бир мектепке оджа олып, тынч къанаат омюр корьсем, бу сарайлардан, бу дебдебе, бу шаматадан вазгечсем, деймен. Билесинъми, кядечигим! Мен не бир той, не бир джыйын, не бир кино, не бир театро корьмеймен. Гедже-куньдюз ишим китап, китап...».

Агъам, гъарип, гедже биле юкъламады, бизим вагонгъа кельди кетти, кельди кетти.. Сабасына Тифлиске кельдик, агъам бизнен савлыкълашты. Козълери толу яш, лякин бизге дуйдурмакъ истемегени ап-ачыкъ белли эди. Аджeba, къальбинден нелер кече, не ойлар, башыны, о къудсыз, бахтсыз башыны не джефалар, не агъыр къайгъылар, не тюрю гъамлар-къасеветлер беклей эди!..

Агъам юксек бир таш устуне чыкъып, бизим поезд козьден гъайып олгъандже, кях явлугъыны, кях шляпасыны саллап турды, плащынынъ этеги ельпиреди-ельпиреди... Биз де поезднинъ пенджересинден явлукъ салладыкъ. Субутай шапкечигини саллай, эм де санки эшитеджек киби: «Дайы!.. Дайычыгъым!» деп, олгъан сесимен багъыра эди.

«Апакъай масалы, хурафат» деймиз, амма! Инсанда севкъи-и таби (инстинкт — А.Н.) узьре бир дуйгъулар ола, агъам бизни къыймай эди, биз де агъамны къыймай ёлгъа джёнедик, не агъыр дакъикъалар эди. 1933 август айларынынъ башлары эди, бу бизим сонъки корюшювимиз олды» [Дефтер V, с. 76–78].

Иште, Зылха Чобан-заденинъ хатырлавларындан бир къач саифе. Нетидже оларакъ, шуларны къайд эте билемиз:

— Зылха Чобан-заденинъ хатырлавлары къырымтатар эдебиятында хатыралар (мемуары) тюрюнде бир язылар оларакъ эльге алына билер ки, булар саесинде къырымтатар эдебияты даа бир олдукъча истидатлы бир муэллифке саип чыкъмакътадыр;

— хатырлавлар олдукъча бедий услюп иле язылып, бир тарихий-биографик роман хусусиетлерине саиптирлер;

— хатырлавларда XIX асырнынъ сонъу — XX асырнынъ 30-джи сенелери девриндеки Къырым ве къырымтатарларнынъ сиясий-ичтимаий ве медений аятынынъ сонъ дередже ренкли, этрафлы ве тафсилатлы манзарасы чизильмектедир;

— муэллифнинъ базы бир шахсий ве кескин дегерлендирмелерине рагъмен, хатырлавлар сонъ дередже муим, олдукъча объектив, айрыджа да, башкъа менбаларда расткельмеген бильгилерни булундыргъан, салмакғылы бир эсер оларакъ сайыла билер;

— хатырлавларда Б. Чобан-заденинъ омюр ёлу, шахсий аяты ве шахсиетине даир олдукъча диъкъат чекиджи бильгилер булунмакътадыр ки, булар онынъ аятына багъышланаджакъ тедкъикъатларда мутлакъа файдалы оладжакътырлар;

— хатырлавлардаки бир сыра бильгилер Б. Чобан-заденинъ аятындаки базы тартышмалы меселелернинъ чезильмесинде де ярдымджи ола биледжектирлер.

Зулейха Чобан-заденинъ хатырлавлары, эльбетте, нешир олунамалы. Эминмиз, къырымтатар эдебияты тарихында олар да кендилерине лаякъ бир ер алырлар. Айрыджа, о девирнинъ сиясий-ичтимаий ве медений тарихы иле огърашкъанлар ичюн де олдукъча къыйметли бир менба олурлар.

Эдебият:

1. [Халилева Зулейха]. Чобан-къызы Зулейханынъ омрю. [Хатырлавлар] Дефтер I–V. Эльязма.
2. Нагаев, Сафтер. Медений инкъиляб аскери / Ёылнамелердеки излер: Къырымтатар эдебияты акъкында этюдлар. — Ташкент, 1991. — С. 75–216.
3. Чобан-заде, Зулейха. Бакъсан фаджиасы // Ленин байрагы. — 1968. — Сентябрь 17, 21, 24.
4. Чобан-заде, Зулейха. Бакъсан фаджиасы // Ёылдыз. — 1994. — № 1. — С. 101–117.

Зулейха Чобан-заде

БААРЪ КЕЛЬСЕ...

Кок гудюрдер, яшын яшнар баарьде,
Кунеш чыкъар, от осьтюрир эр ерде.
Гонъюль охшап, чечек ачар ал гуллер,
Багъчаларда джошкъун отер бульбуллер.
Бульбуллернинъ сызгырувы, йырлары
Балларымнынъ йырларыны анъдыра.

Танъ вакътында не аджайип гузеллик,
Этраф багъча, джайнап осе тюземлик.
Юзюн опе дагъдан эскен шенъ ельчик,
Дамла-дамла инджидайын тюше чыкъ.
Дамла-дамла йылтырагъан бу чыкълар
Балларымнынъ козьяшыны анъдыра.

Джанланырса къурт-къырмыскъа, яйлялар,
Къыр-къорада ачса къызыл лялелер,
Дагъ-тёпени яраштырса сумбуллар,
Къокъу сачып ачса къатмер ал гуллер,
Къатмер гуллер, ал янакълы лялелер
Балларымнынъ янагъыны анъдыра.

Къарт-къурткъалар, яш-джавкъалар, балалар
Ойнап, кулип зевкъ-сефасын алалар.
Меним къальбим монълы-монълы эп агълай,
Козьлеримден яш ерине къан тамлай.
Табиатта бу джошкъунлыкъ, шеврентлик —
Эр адисе балларымны анъдыра.

Алтын кунеш юксекликтен нурланып.
Бар этрафкъа шевкъын сачарса къанып,
Уфукълардан башчыгъыны къанкъайтса,
Алтын, сары йипек сачын даркъатса,
Онынъ алтын, сары йипек сачлары
Балларымнынъ сачларыны анъдыра.

Къарлар ирип сызат-сызат сув акъса,
Къар тюбинден акъбардакъ кулип бакъса,
Кенъ тогъайлар, чель-чименлер ешерсе,
Тазе еллер юзюм сыйпап кечерсе,
Къар тюбинден сюзип чыкъкъан акъбардакъ
Шеит кеткен балларымны анъдыра.

Вадийлерде, къыр-дагъларда, тогъайда,
Келинчеклер чечек ачып онъгъанда,
Пападъелер, мелешелер ачкъанда,
Табиаткъа мис къокъусын сачкъанда,
Пападъелер, эрджайллер, мелеше —
Балларымнынъ козъчиклерин анъдыра.

Яйляларда, тогъайларда, чёллерде,
Къозучыкълар феръяд-фигъан этерсе,
Манърап-манърап анасыны чагъырса,
Бу сеслерден бу феръяды-фигъаны
Эвлятларым феръядыны анъдыра.

БЕКИР ЧОБАН-ЗАДЕНИНЪ ШИИРЛЕРИНДЕН ТЕРДЖИМЕЛЕР

ПЕРЕВОДЫ НЕКОТОРЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ БЕКИРА ЧОБАН-ЗАДЕ

ТУВГЪАН ТИЛЬ

Сени мен Къырымда, Къазанда таптым,
Джюрегим къайнагъан, ташкъанда таптым...

Джат эльде мугъайып, ачынып джюргенде,
Умютим, хаялым шай тюшип джюргенде,

Мойнунъа сарылдым, дертимни айтып,
Бир гузель сёзюнъмен озюме къайтып...

Джырларынь болмаса, манень болмаса,
«Джурт» деген сёзюнъмен джюрек толмаса,

Ах, насыл джюрермен гъурбет якъларда,
Танышсыз, билишсиз ят сокъакъларда?..

Бильмиймен — тюрюкми, татармы адынъ,
Бек яман татлысынъ, Танърыдан тадынъ.

Тюрюк де, татар да сенинь сёзлеринъ,
Икиси ики чифт мунълу козълеринъ...

Вияна огюнде, Къзаакъ ичинде
Барабар джырладыкъ Индлерде, Чинде...

Анъласын бир сени, душман да сюер,
Бир джаныкъ сёзюнъмен джюреги иер...

Истеймен озюнъни эр якъта коръмек,
Эр ерде инджинъден дестанлар орьмек...

Къушларгъа, къашкъыргъа уйретсем сени,
Сен болсанъ оксюзнинъ конъюльден сюйгени...

Джамиге, мирапкъа, сарайгъа кирсенъ,
Денъизлер, чёллернинъ четине эрсенъ...

Сенинъмен душмангъа ярлыкълар язсам,
Къарувлы сёзюнъмен конълюни къазсам...

Къабримде мелеклер соргъу сораса,
Азраиль тилимни бинъ кере тораса,

«Озь тувгъан тилимде айт магъа!» дермен,
Озь тувгъан тилимде джырлап олермен...

Конълюмни къайгъылар кемирип тургъанда,
Халкъымны тынышсыз йылдызы ургъанда,

Тувгъан тиль, башкъасы акълыма кельмий,
Бир буюк сырымсынъ, душманлар бильмий...

1 хазиран (июнь), 1918

РОДНОЙ ЯЗЫК

Тебя я в Крыму и Казани нашёл,
И сердце вскипело, как трепетный шёлк.

Когда на чужбине я с грустью бродил,
Когда за спиною надежды носил,

Когда обнимал и делился бедой,
Ты слово сказал — я пошёл за тобой...

Покуда во мне твои песни звучат
И словом отчизны со мной говорят,

В краях полуночных, где стужа и мрак,
По улицам шумным хожу, как чужак.

Ты тюрок, татарин? Не знаю, кто ты.
Но вкус твой от Бога, в нём сладость мечты.

Татарских и тюркских теченье речей,
Меня обнимает печалью очей.

И в Вене, и в дальних казацких краях,
В Китае, на Инде поёшь на устах.

И враг, коль поймёт, то полюбит тебя,
И сердце растает, любовь обретя,

Хочу, чтоб звучал ты всегда без преград —
Старинных поэм жемчужовый оклад.

Хочу, чтоб тобою и птицы, и волк
Со мной говорили, в том ведая толк.

Хочу, чтоб входил ты в мечеть и дворец.
От края до края, с конца и вконец.

Хочу, чтоб тобою писали указ
Врагам, для которых ты — грозный приказ...

Когда же посланцы за мной прилетят,
И Ангел разрежет тебя на сто крат,

Скажу: «Говори на моём языке —
Родном языке, что как сердце в руке!»

В печали и скорби, средь горя и бед,
Во тьме и когда наступает рассвет,

Родной мой язык. Без тебя не могу
И тайну твою не открою врагу.

01. 06. 1918 г.

*Перевод с крымскотатарского
Сергея Дружинина*

**БУЛУТЛАР,
БУЛУТЛАР!**

Булутлар, булутлар!..
Кетиджи булутлар,
Чонгъаргъа, Къытайгъа
Етиджи булутлар!..

Алынъыз мени де, гонъюлюм ачылсын,
Козюмден яшларым журтыма сачылсын!..

Булутлар, булутлар!
Бурчакълы булутлар!..
Ал, ешилъ, сарылы,
Къушакълы булутлар!

Алынъыз, кетийик бек узакъ ерлерге,
Салгъырда кетенин агъарткъан дюльберге!..

Булутлар, булутлар!..
Ольмек истиймен,
Ольген сонъ коклерде
Кульмек истиймен!..

Алынъыз, кетийик дерьялар четине,
Къарайыкъ якъындан Чолпаннынъ бетине!

Булутлар, булутлар!..
Къамышлыкъ голлерде,
Йылдызлар титреген
О уджсуз чёллерде.

Мени де алынъыз, гурюльдеп явгъанда,
Тавларгъа сыйпанып дерьягъа авгъанда!..

Булутлар, булутлар!
Къаерден келесиз?..
Коюмден, анамдан
Не хабер билесиз?..

Айтынъыз, барабар, туйдурмай, джылайыкъ!..
Ёлларгъа тюшийик, сарарып солайыкъ!..

Булутлар, булутлар!
Яйлагъа кетинъиз!..
Эсмамны корьсенъиз,
Селямлар этинъиз!..

Йыйкъанъыз анамнынъ яшлы козьлерин!
Къолларын опинъиз, унутсун кедерин!..

1928

**ОБЛАКА,
ОБЛАКА!**

Облака, облака,
Вдаль плывут облака,
До Чонгара река,
Целый мир — облака

Заберите меня, чтоб раскрылся мой дух,
И на землю мою я вернулся как пух.

Облака, облака!
Изо льда и снегов,
Разношерстный кушак
На боках облаков!

Вы возьмите меня, чтоб увидел я мир
И красавиц, чей лён убеляет Салгир!

Облака, облака!
Я хочу умереть,
Чтоб смеяться опять
И от радости петь.

Унесите туда, где шумит океан,
Чтоб увидеть обличье прекрасной Чолпан!

Облака, облака!
В половодье озёр
И бескрайнюю степь,
Где на небе костёр,

Изойдите весёлым и шумным дождём,
В океан устремясь, чтоб растаял я в нём.

Облака, облака!
Что поведал гонец
О деревне моей,
Там, где мать и отец?

Расскажите, мы тихо поплачем вдвоём,
Погорюем и вместе в дорогу уйдём.

Облака, облака!
На яйлу улетев,
Там Эсму увидав,
Передайте припев.

Осушите слезу на любимых глазах,
И глаза те забудут о горьких слезах.

*Перевод с крымскотатарского
Сергея Дружинина*

ДУМАН

Юксек тавларнынъ тёбеси думан,
Буюк йигитлернинъ тюрбеси думан,
Бекленмез ишлернинъ нефеси думан,
Къанлы дженклернинъ арфеси думан...

Эгилип бакъар да, сюзюлип кирер,
Кулер де, опер де, къолларын керер,
Эм дёнмез ёлундан, эм де ёл берер —
Акъыллы, окъумыш, джигиттир думан.

Буюк денъизлерден алып чокърагъын,
Даим юксеклерде къурар къонагъын,
Ич кимсе билалмаз онынъ дурагъын —
Азаттыр, кейфлидир, къарувлы думан.

Тилесе — джавундыр, тилесе — бурчакъ,
Къя сувукъ буз болур, къя атеш-сыджак,
Къя уфлер сёндюрир, къя якъар оджакъ —
Билинмез, анъланмаз баладыр думан.

Айлана тав башын, чёллерге юрьмий,
Къапаткъан козьлерин, ерлерни корьмий,
Бир рузгяр чыкъып да ашагъы сюрьмий,
Тавларда илинип къала дий думан.

Бети бар, козьлери корюнмий Шаркънынъ,
Дерди бар, яшлары тёкюльмий Шаркънынъ,
Тили бар, сёзлери эштильмий Шаркънынъ:
Чёллери, голлери, эллери думан.

Баты рузгяры, къыбла-сырт бораны
Эсмий тирильмез Къытайы, Ираны,
Ешермез къум чёлю, юрьмез керваны —
Эссин баты еллери, тез джавсын думан.

Думанлар ойнаса, яшынлар тувар,
Азгъна джыласа, тавларны ювар,
Ким бильсин, не куню, къаерге явар,
Бир джавса — дюньялар девирир думан...

1918, Будапешт

ТУМАН

Верховья древних гор покрыл туман,
Надгробия джигитов скрыл туман,
Дыханье тайных дел укрыл туман,
Канун кровавых битв — седой туман.

Нагнётся, взглянет, царственно войдёт,
Обнимет всех, улыбкой скрасит рот,
Дорогу даст — с дороги не свернёт.
Начитанный мудрец, джигит — туман.

В морях великих он берёт исток,
На кручах горных, где гремит поток,
Его пристанище, его глоток
Свободен, чист и весел, он — туман.

Захочет — град, а не захочет — дождь,
Захочет — жар, а не захочет — дрожь,
Зажжёт очаг, а то подкинет нож.
Непредсказуемый, чудной малыш — туман.

Кружит в горах, не ходит по степи,
Смежит глаза, песок зажав в горсти;
В пустыню не загнать, и с гор не отнести.
Цепляется за цепь вершин туман,

Не видно лица твоего, Восток,
Не видно слёз в глазах твоих, Восток.
Не слышно слов в устах твоих, Восток.
Твои озёра, степи — ты, туман.

Но если ветер или же буран
От юга, с севера Китай или Иран
Не оживят, не выйдет караван.
Пусть ветер западный прольёт твой дождь, туман.

Когда танцует, то родится гром,
Когда заплачет — полон водоём.
Не ведаем: куда падёт дождём,
Но хлынет дождь — мир воскресит туман.

*Перевод с крымскотатарского
Сергея Дружинина*

АНАМ

Акърын-акърын кунь бата, кок къарара,
Къызыл, къара булутлар отип бара.

Пенджеремден тавларны сейр этемен,
Тавлар аша юртыма етишемен.

Анда, энди билемен, коптен акъшам,
Ятсы къыла, зикр эте гъарип анам.

Седжде эте, окъуна, Къуран обе,
Къол котере, ялвара, козьаш теге:

«Бекирим», дий, «Арсланым, гонълюм, козюм!
Къайдаларда джюресинъ, масум къозум?

Ёкъсам, къайсы бир къальпсиз ольтюрдими?
Яш омрюнъи аджы ель котюрдими?

Меним башым, къарувым, акълым, фикрим;
Эпси сенде, козьчигим, Сейд-Бекирим.

Кунь корьмедим, онъмадым, Къадыр Мевлям!
Тек бир къазнам, инджим бар — гъарип балам.

Опип, сыйпап осьтюрдим айненимен,
Эм йылдыздан сакъындым, эм козьлерден...

Ана гонълю недайын назик бина,
Бек билесинъ, озь баланъ болмаса да:

Гедже тюрлю тюш коре, урькюп тура,
Энъ сонъ азиз корюне, гонълюн ала.

Сабалары къонъшуны тез чакъыргыш,
Тюшюн айта, джората фал къаратыш».

Акърын-акърын кунь бата, кок къарара,
Тюрлю ойлар гонълюмни сара, сара.

Къаранлыкъта къоркъмайман, юрткъа кете,
Анайчыгъым къучаман обе-обе.

Аягъына тюшемен «Афф эт!» диймен;
Нечюн Танъры онъгъармай! Мен бильмиймен;

Коп вакъытлар тюшюме озю келе,
Башым сыйпай козюмни обе, обе.

Сарылшамыз джылашып бахтны къаргъай,
Тюшлер, ойлар Танърысын макътай, макътай...

1 хазиран (июнь), 1918 с.

МАМА

Меркнет день. Тени на небо ложатся.
Устал закат в облаках отражаться.

Смотрю из окна, как горы темнеют.
И вот я над ними мысленно рею.

Край родной вижу сверху. Там уж вечер.
Мама молится моя, клонит плечи.

Повторит, вздохнёт, Коран поцелует.
Льются слёзы по лицу — дождя струи.

Говорит: «Бекир, ягнёночек, мой лев,
Может, глядишь сюда, у окна присев?»

А вдруг злодей какой-то тебя убил,
И прах забытый развеян ветром был?

Нет! Помыслы мои, мои надежды,
Сеит-Бекир, всё о тебе, как прежде».

«Всевышний! В жизни светлым был день один,
Когда родился — жемчужинка — мой сын.

Ему я колыбельные слагала,
От сглаза, звёзд колючих сберегала...

Как ранимы материнские сердца,
Знаешь Ты, хоть и нет детей у Отца».

Ночью снятся матери яркие сны.
Проснётся с настроем дней первых весны.

Решится, подумав, соседку позвать —
На кофе её попросить погадать...

Меркнет день. Тени на небо ложатся.
Тяжкие мысли — сердце может сжаться.

Но ничего. Сквозь тьму пойду я прямо,
И в дом войду, и расцелую маму.

Ей в ноги упаду: «Прости, родная.
За что Всевышний строг ко мне, не знаю».

Все эти годы лишь она мне снится,
Мои глаза целует сквозь ресницы.

Обнимает. Гладит. На руках носит.
Быть добрым ко мне Всевышнего просит.

1 июня 1918 г.

*Перевод с крымскотатарского
Юлдуз (Венеры Рябчиковой)*

КЪАРТ ДУНАЙ,
КЪАРТ ДУНАЙ...

Кунь бата, къарангъгы...
Къып-къызыл тав ягъы...
Билькильдий, джалтырай,
Къарт Дунай, къарт Дунай!..

Кок — булут, джылдыз джокъ...
Уй сыджакъ, къальп сувукъ...
Джокъ достлар, джокъ джанай...
Къарт Дунай, къарт Дунай!..

Сырымны бильдирме,
Джавларны кульдирме,
Татарман — Дженгиздай!
Къарт Дунай, къарт Дунай!..

Ай келе узакътан,
Къырымдан, Къыпчакътан,
Бугунь шай не джылай
Къарт Дунай, къарт Дунай?..

Ташы бол, ичи кенъ
Мезарым къайда экен,
Азгъана джатсам ай,
Къарт Дунай, къарт Дунай...

Гемилер къозгъала,
Бурула, джол ала,
Къырымгъа тек бармай,
Къарт Дунай, къарт Дунай?..

Къырымгъа огърама,
Ал-хатыр сорама —
Къурусунъ, чыдамай...
Къарт Дунай, къарт Дунай...

Сакъын сен джылама,
Бизлерни ойлама,
Умют — дерен, къайгъы — сай...
Къарт Дунай, къарт Дунай...

*12 январь, 1919,
Будапешт.*

СТАРЫЙ ДУНАЙ, СТАРЫЙ ДУНАЙ...

Закат во весь простор...
Красны и склоны гор.
Льёт воду через край
Старый седой Дунай.

Жар в доме. А звёзд нет.
Лишь сердца стылый свет...
Нет близких. Руку дай,
Старый седой Дунай.

Ты тайну береги —
Знать не должны враги:
Я — чингизид. Ты знай,
Старый седой Дунай.

Луна шла все века
Из крымского далека.
Со мной ты не рыдай,
Старый седой Дунай.

В тебе, между камней,
Могиле быть моей.
В ней полежать мне дай,
Старый седой Дунай.

Пусть над ней корабли
Держат путь на край земли.
Только Крым не их край,
Старый седой Дунай.

Как Луна ни свети,
С ней тебе нет пути:
Крым мой, а не твой — рай,
Старый седой Дунай.

Не грусти и не плачь,
Думы свои спрячь —
К надежде выгребай,
Старый седой Дунай!

1919 г.

*Перевод с крымскотатарского
Юлдуз (Венеры Рябчиковой)*

ЭЗАН СЕСИ

Акъшам устю, эзан сеси джангъыра,
Дертлилерни Хакъ къатына чагъыра.
Эзан сеси — минареден джайыла,
Кокке чыгъа, мунълу, ёргъун байыла...
Чай къатында акъ сакъаллы къартбабай
Титрек къолун салкъын сувда увалай...
Деренлерден «Аллах» сеси хош келе,
Акъ манълайлар джерге тие, юкселе...

Мен гъарипмен, месджидым ёкъ киреджек...
Михрабына мунълу бетим сюреджек.

Эзан сеси бу якъларгъа келалмай,
Татлы, татлы къулагъыма тиялмай...

Акъ сакъаллы къонъшу мазин яшаймы?
Кене «Аллах» деп сёзине башлаймы?
«Аллах» десе эшиткенлер боламы?..
«Танърым, къуртар!» деп джамиси толамы?..
Ёкъсам кене бир-бирини къаргъайлар?
Бир-бирини джакътырмакъчун джылайлар?..
Озюн ташлап, гъарип джурткъа сарылгъан,
Бармы «Джуртым» деп сесини къарылгъан?..
«Хакъ» дегенде не дуясыз джурт ичюн?
Джурт кемирген бир къач мелъун къурт ичюн?

Эзан сеси бу якъларгъа келалмай,
Татлы, татлы къулагъыма тиялмай...

Эп джамилер шай къапанмай бир гедже,
Къарт мазинлер ольмез бурун гизлидже...
Джыйлышынъыз, эзан сесин къачырмай,
Гунанъызны Салгъырдайын ташырмай...
Къол котерип акъ юрекмен коклерге,
Башынъызны ялмай къойып серт ерге,
Хакъ къатында юрт савлыгъын тиленъиз!
Озюнъизге яхшы олюм истенъиз!

Эзан сеси бу якъларгъа келалмай,
Татлы, татлы юрегиме тиялмай...

1918, 16 майыс, Будапешт

Под вечер раздаётся глас эзана.
К нему идут, несут живые раны.
Спустившись с минарета, ввысь стремится,
Уставший, грустный он, и с каждым хочет слиться...
Дрожащею рукой седобородый
Умоется старик перед намазом.
Добро пожаловать Аллаха зов к народу,
Упавших ниц он возвышает разом.
Но, бедный я, ведь нет вблизи мечети,
Где б пред михрабом я склонил бы плечи.

Эзана глас до этих мест не долетает,
В касании сладостном его мой слух не тает...

Скажи мне, жив ещё наш муэдзин,
Что начинает день со слов Корана?
Скажи мне, он в мечети не один?..
«Спаси, Всевышний!» вопрошают прихожане?..
Иль вновь они погрязли в вечных ссорах?
И даже плачут, чтоб друг друга ранить?..
И есть ли среди них герой не в спорах?
Он жить для Родины сочтёт большой удачей.
Что просите вы для Отчизны у Аллаха,
Предавшись откровению без страха?

Эзана глас до этих мест не долетает,
В касании сладостном его мой слух не тает.

Не могут в одночасье все мечети
И муэдзины все исчезнуть вдруг...
Не пропустите вы Эзан, Аллаха дети,
Чтоб как Салгир вам не носить тяжёлых мук...
Кладите головы свои на пол холодный,
Просите милости для Родины своей!
Себе просите смерти вам угодной!
Тяните к небу руки всё сильней.

Эзана глас до этих мест не долетает,
И сердце в муках без него всё тает, тает...

*Перевод с крымскотатарского
Эльвиры Эмир-Али Капнист*

БИР САРАЙ КЪУРАДЖАКЪМАН!..

Бир сарай къураджакъман!.. Хан болмасын ичинде...
Къул, ыргъат, ачлыкъ, хорлукъ, къан болмасын ичинде...

Ташыны ят эллерден кетиртмем ич,
Джеттишир озъ джуртумда чыкъкъан керпич...

Бек юксек болмаса да кок тобеси.
Темелли болсун, айдынлыкъ эр кошеси...

Пенджереси кениш болсун, кирсин ышыкъ,
Джарлыгъа эр къапысы болсун ачыкъ...

Кесмесин къыбла джелин ич бир уйнинъ,
Болмасын къаралтысы «фелян бий» нинъ...

Бир сарай къураджакъман: хан болмасын ичинде,
Къул, ыргъат, ачлыкъ, хорлукъ, къан болмасын ичинде...

Джыяйым алт-устъ этип джаткъан джерин
О эски зор джигитлер кемиклерин...

Буларман балчыкъны ёгъурайым,
Эр къабирге: «Кемик», — деп багъырайым...

Шай этип изгюлешсин дёрт дивары,
Чешмеси, чечеклери, кенъ азбары...

Таптама изгю джерни энди ишсиз,
Сал сарай, къур девлетинъ — болсун эшсиз...

Бир сарай къураджакъман: таш болмасын ичинде,

Эп кемик, эп джан болсун, джаш солмасын ичинде,
Ач болмасын ичинде...

1920, 22 майыс, Лозан.

Я ПОСТРОЮ ДВОРЕЦ!..

Ах, построить бы дворец! Чтоб без хана, без рабов...
Чтоб без голода, болезней и без крови! Был таков...

Не возьму чужих камней,
Лишь у Родины своей.

Пусть дворец мой не высок,
Есть основа, уголок

Каждый светом озарён,
Нищего не гонят вон!

Ветру с юга не сносить его домов,
В тех домах не видеть разных «господов».

Так построил бы дворец: чтоб без хана и рабов,
Чтоб без голода, болезней и без крови... Был таков!

Соберу я кости тех,
Кем гордиться нам не грех.

Замешу на них я глину,
Крикну: «Кость» могиле в спину...

Будет так дворец украшен,
Двор и сад, колодцев чаши.

Не топчи его напрасно,
Строй его, строй государство,

Чтоб ему не знали равных,
Нет голодных и неправных...

Ах, построю я дворец! Не из камня, на костях,
Чтобы в нём душа была, юность чтоб жила в веках...

*Перевод с крымскотатарского
Эльвиры Эмир-Али Капнист*

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ РАСУЛА ГАМЗАТОВА

Ольга ПРИЛУЦКАЯ

(г. Ростов-на-Дону) — прозаик, поэт, переводчик, драматург, заместитель председателя правления ОО «Союз писателей Республики Крым», член Союза переводчиков России, Европейского конгресса литераторов, редактор крымского издательства «ДОЛЯ», журналов «Крым» и «Доля», главный редактор детского журнала «Долька». Автор пяти изданных книг прозы и драматургии, публикаций в СМИ России, ближнего и дальнего зарубежья. Лауреат нескольких литературных премий и конкурсов, в том числе международных. Её роман «Общези-

тие» в 2018 году получил первое место на Германском международном литературном конкурсе русскоязычных авторов «Лучшая книга года» в номинации «Крупная проза». В 2021 году награждена медалью им. Л. Н. Толстого

МОСТ ДРУЖБЫ НЕ РАЗРУШИТЬ НИКОМУ

Крым и Дагестан похожи — обе республики многонациональны. И как ни в каком другом регионе России у них схожие заботы и задачи, особенно в проведении межнациональной политики, сохранении дружбы между народами. И одним из связующих звеньев в этой работе стали писатели.

В 2014 году, едва войдя в состав России, лучшие крымские литераторы, до того работавшие в Национальном союзе писателей Украины, создали свой, первый, Союз писателей Республики Крым, избрав его председателем Валерия Басырова, члена Союза писателей СССР с 1990 года, выпускника Литературного института им. А. М. Горького.

Свою работу он начал с того, что буквально сразу обратился с предложением дружбы и взаимного сотрудничества к Союзу писателей России и его отделениям в разных регионах нашей страны.

Первыми откликнулись писатели Дагестана. Думаю, главную роль здесь сыграли известные всем дагестанское радушие, доброжелательность, открытость и дружелюбие. А ещё — студенческое братство. Ведь среди членов Союза писателей Республики Дагестан немало выпускников Литинститута, в том числе Магомед Ахмедов, Марина Ахмедова-Колюбакина, учившиеся там в одно время с Валерием Басыровым у одних и тех же корифеев русской советской литературы.

И тут же закипела совместная работа. Мы не один раз проводили телемосты писательской и человеческой дружбы, публиковали в журналах «Крым», которому в этом году исполняется 75 лет, «Доля» и «Долька» писателей Дагестана, маститых и молодых. Члены Союза писателей Республики Дагестан не однажды принимали участие в Международном литературно-музыкальном фестивале «Интеллигентный сезон», который с 2015 года проводит ОО «Союз писателей Республики Крым», становились его лауреатами, членами жюри и просто гостями. Наш Центр современного художественного перевода «Таврида», подготовивший к изданию несколько книг дагестанских поэтов в переводе на русский язык, только способствует лучшему пониманию и единению народов двух больших республик.

А Дагестан гостеприимно распахнул свои объятия, принимая крымчан на Международном Гамзатовском фестивале «Дни Белых журавлей», приуроченном к дате рождения великого поэта Дагестана и России Расула Гамзатова — 8 сентября.

Впервые там побывал Валерий Басыров в 2014 году. Потом мы с ним ездили, либо чередуясь, либо вместе. И всегда нам были искренне рады в Дагестане наши друзья.

Мы сроднились за эти годы встреч настолько, что однажды Магомед Ахмедович Ахмедов, председатель правления Союза писателей Республики Дагестан тех лет, объявил меня, вызывая на сцену: «Слово имеет Ольга Прилуцкая — крымская дагестанка!». И вы знаете, это так приятно было...

Его уход из жизни стал тяжёлой ношей в моём сердце надолго... Потому что для крымских писателей он был всегда верным другом. А иначе, я думаю, и быть не могло. Ведь все мы учились жизни и дружбе на стихах советского дагестанца Расула Гамзатова. Его строки «Люди, я прошу вас, ради бога, не стесняйтесь доброты своей. На земле друзей не так уж много, опасайтесь потерять друзей!» воспитывали нас, делая такими, какими мы стали.

Международный Гамзатовский литературный фестиваль «Дни Белых журавлей» берёт своё начало в 1986 году и ежегодно проводится под эгидой ЮНЕСКО. 2023 год в России объявлен годом народного поэта Дагестана Расула Гамзатова — это год его столетия, которое с большим размахом отмечалось в дни проведения XXXVII по счёту фестиваля, основанного им. На праздничные мероприятия собралось

около пятидесяти деятелей литературы из разных регионов России, ближнего и дальнего зарубежья.

Мы приехали с Валерием Басыровым в Махачкалу поездом ранним погожим утром. После проливного, по-осеннему холодного дождя, провожавшего нас из Ростова-на-Дону, было странно выйти из вагона в тёплую летнюю пелену.

Железнодорожный вокзал в столице Дагестана всегда казался мне каким-то сказочным, почти игрушечным. Может, потому что я его впервые увидела в детстве, когда ехала в Баку. Слева — море, справа — город. Как потом выяснилось — центр города.

И жили мы на этот раз в центре, в гостинице «Каспий» напротив Кумыкского музыкально-драматического театра имени А.-П. Салаватова, в одном квартале от Союза писателей Дагестана.

В забронированные для нас номера заселяться оказалось рано, и потому я, оставив Басырова в холле гостиницы с вещами, решила прогуляться по улице Буйнакского до СПД. Она, мне кажется, очень похожа на проспект с магазинами и кафешками.

Выйдя на Буйнакского, мой взгляд моментально выхватил сидящую на лавочке дагестанку. В голове мелькнуло: Шейит-Ханум Алишева, народный поэт Дагестана, с которой мы давно очень симпатизируем друг другу и дружим. Мы не виделись уже несколько лет из-за пандемии, и вот... Но так не бывает! Я прошла мимо, она в мою сторону не глядела. Однако, сделав несколько шагов, я не удержалась, оглянулась... Она! Она шла за мной следом. Я мгновенно вспомнила, как по-кавказски шумно мы радовались с ней во время нашей встречи в ЦДЛ, в Москве, в ноябре 2018 года на «Белых журавлях России», остановилась и проговорила, обращаясь к ней: «Девушка, а я вас знаю!» Она вскинула брови, а потом руки для объятий, которые вновь были радостно-бурными. На нас оглядывались прохожие и улыбались, а мы шли и не могли наговориться...

Союз писателей Дагестана, обновлённый только закончившимся ремонтом, порадовал новыми встречами со старыми друзьями.

Внутри меня трепетало волнение, оттого что мне предстояло войти в кабинет Магомед Ахмедова, где его не будет. А я так явственно помнила наше прощание с ним там в мой последний приезд... На моё приглашение в Крым Магомед Ахмедович с грустью ответил: «Как-то тяжело мне стало лишний раз ехать куда-то...»

Узнав, что Марина Ахмедова, получившая после его смерти должность председателя СПД и председательский кабинет, даёт в музее Расула Гамзатова интервью телеканалу Россия 1, я всё-таки решила заглянуть в кабинет и... увидела Магомед Ахмедова. Он смотрел прямо на меня с портрета великолепной работы! Его взгляд был живым. Он такой, что не отпускает тебя, в какой бы точке комнаты ты не находился!

Вернулась в гостиницу, чтобы заселиться. Туда уже подъехали наши старые знакомые: ставропольский поэт Александр Куприн и Юрий Щербаков из Астрахани — поэт, переводчик, журналист, общественный деятель. Вместе с ними и с Валерием Басыровым мы отправились в Союз писателей Дагестана, где нас радушно приняла председатель правления СПД Марина Ахмедова-Колюбакина, народный поэт Дагестана, переводчик и просто замечательный человек, наш друг. Там же встретили ещё одного своего коллегу — поэта, прозаика, драматурга, публициста, переводчика, народного поэта Чувашской Республики, прилетевшего из Чебоксар, Валерия Тургая. «Человек-улыбка» называл его Магомед Ахмедов...

В Союзе писателей Дагестана находится единственный в Республике музей Расула Гамзатова — его рабочий кабинет. Мы с Валерием Басыровым не раз в нём бывали, приходилось там выступать. И в этот свой приезд не могли не заглянуть туда... Там всё наполнено духом Расула Гамзатова.

А в кабинете председателя СПД, напротив Литературного музея, гостей фестиваля всегда ждал гостеприимно накрытый стол для тех, кто не успел перекусить. Ведь рабочий график у нас был очень насыщенным.

Моя соседка по номеру Ольга Равченко — поэт, прозаик, переводчик из Беларуси, с которой мы знакомы с 2010 года — прилетела поздним вечером. Мы встретились, когда на Махачкалу опустилась ночь, и проговорили почти до утра...

7 сентября в Национальной библиотеке им. Расула Гамзатова прошёл Круглый стол, на котором Валерий Басыров по поручению Медицентра им. Исмаила Гаспринского (Государственный комитет по делам межнациональных отношений Республики Крым) подарил две книги. Одна из них — «Легенда XX столетия: АМЕТ-ХАН СУЛТАН» — о человеке, прославившем собой Дагестан, где родился, и Крым, где рос и мужал. Валерий Магафурович — редактор-составитель этого замечательного альбома. Другая книга — «Адам Людвигович Генрих: взгляд на Евпаторию» (автор Виктория Струнина), о жизни и судьбе главного архитектора крымского города (годы работы в Евпатории: 1894–1919).

Народный поэт Дагестана, сотрудник отдела сопровождения интернет-портала и пресс-службы Национальной библиотеки Республики Дагестан им. Р. Гамзатова Сабигат Магомедова с благодарностью приняла подарки из Крыма.

Второй экземпляр книги об Амет-Хан Султানে мы преподнесли дагестанскому родственнику героя, лакскому писателю Супияну Омарову.

Возвращаясь к разговору, прошедшему 7 сентября 2023 года в Национальной библиотеке Республики Дагестан (Круглый стол «Литературное наследие Расула Гамзатова»), хочу привести слова поэта Виктора Кирюшина, которые всегда хочется и мне сказать: «...то, что в Дагестане так хранят память о своих великих поэтах, — пример замечательный для всех наших республик и территорий, которые составляют нашу Россию». Спасибо вам, Дагестан и дагестанцы, уже только за одно это!

В дни празднования столетия великого Расула Гамзатова по Дагестану мощным потоком лились его стихи и песни. «Поэтический балкон» Союза писателей Республики Дагестан, открытые площадки театрализованных поэтических представлений в Махачкале были заполнены зрителями, несмотря на дождливую погоду, работали книжная ярмарка и фестиваль художественного творчества «Наш Расул».

И даже те, кто не мог на них присутствовать из-за работы, читали стихи! Мы заскочили в небольшой магазин, прячась от дождя. Продавец, увидев на нас карточки участников фестиваля «Белые журавли» — «Наш Расул» — 100 лет, тут же вытащил откуда-то блокнотик и стал декламировать нам свои стихи!

А в Театре поэзии на проспекте Гамзатова, дом 126, куда был «вход свободный», выступили все, кто хотели. Причём многие читали стихи на родном языке. И это разноголосье сплеталось в красивый венок дагестанской и русской поэзии, которым любовался со своего портрета Расул Гамзатов.

8 сентября, в день столетия Расула Гамзатова, великого поэта и простого человека, с раннего утра мы отправились на кладбище Тарки-Тау, чтобы поклониться юбиляру. Туда приехали дочери поэта, советник Президента Российской Федерации по вопросам культуры Владимир Толстой, руководство Республики Дагестан во главе с Сергеем Меликовым, писатели и юные дагестанцы. Для всех нас Расул Гамзатов — родной с детства, все поздравляли друг друга с праздником, со столетием «нашего Расула».

Расул Гамзатов, говорят, очень любил, уважал своих читателей, почитателей и просто людей. Это качество ему привил его отец. И я уже много лет наблюдаю, как ведут себя дагестанцы, принимающие нас у себя — от руководителей Республики до обычных жителей. Я в первый свой приезд с удивлением наблюдала, что можно подойти, например, к министру культуры Республики Зареме Бутаевой, и она запросто сфотографируется с тобой, поговорит. А в этот раз Глава Республики Дагестан Сергей Меликов, узнав, что Валерий Басыров приехал из Крыма, сказал: «Крыму огромный привет! Сфотографируюсь с крымчанином с удовольствием!». Такое поведение, на мой взгляд, — одна из черт внутренней интеллигентности человека. Дагестанцы воспитаны так же, как их великий земляк.

Потом все праздничные мероприятия переместились в Махачкалу. Прошёл торжественный митинг с возложением цветов к памятнику писателю, возле него читали стихи, звучали песни на слова Расула Гамзатова.

Днём писателей принимала у себя семья Гамзатовых. Мы с Валерием Басыровым не раз бывали в этом гостеприимном доме, наполненном добротой и радушием. И, конечно, книгами...

Получив приглашение от Союза писателей Республики Дагестан принять участие в праздновании столетнего юбилея на родине Расула Гамзатовича, я разволновалась, стала думать о подарке, как обычно полагается, собираясь на день рождения. Мне вдруг захотелось зачерпнуть воды из Чёрного моря и вылить её в Каспий, чтобы побрататься... А потом подумала: «Да ведь мы давно уже побратимы! Расул Гамзатов влил в нас Дагестан своими стихами и песнями! По каплям вливал, собирая их в море любви и дружбы... Наши жизни переплелись воедино!»

Особенно ощущается это сейчас, когда пришла к нам беда оттуда, откуда особенно не ждали её. Мы вынуждены вместе вести войну за мир! Иного нам не дано!

*Двадцатый век сурово хмурит брови,
Мы дети века, стыд нам и позор!
Ведь никогда так много лжи и крови
Не проливалось в мире до сих пор.*

*Двадцатый век устало щурит веки,
Мы дети века, честь нам и хвала!
Быть может, никогда, как в нашем веке,
Мир не боролся против лжи и зла.*

Так говорил классик, великий сын Дагестана Расул Гамзатов, о времени, в котором он жил. Но вот уже и в дом его правнуков врывается зло. И некогда казавшиеся нам нормальными поэты в новом веке вопят:

*«Со Спасской башни красную звезду
Пора снести! Тризуб туда поставить...»*

Но внуки Магомеда Ахмедова, ученика и последователя великого Расула, уже готовы взяться за оружие. Потому что дед их писал:

*Не называй, мой друг, хорошее плохим:
Плохое — поводырь заблудших судеб.
Рука крепка, а сердцу не бывает иным —
Оно открыто Богу и всем людям.*

*Что Бог пожаловал тебе, не отвергай —
Пушкой в любви твоя душа пребудет.
А саван золотой — не пропуск в светлый Рай,
Страна чужая Родиной не будет.**

Вечером в Русском драматическом театре имени Максима Горького состоялось торжественное мероприятие, посвящённое 100-летию Расула Гамзатова. Сначала были тёплые выступления Главы Дагестана Сергея Меликова, советника Президента России Владимира Толстого, который зачитал поздравление Главы государства Владимира Путина, руководителя Союза писателей России Николая Иванова.

А потом официальная часть плавно перетекла в творческую. Это, пожалуй, был даже не концерт, а душевный разговор о юбиларе, иногда переходящий в разговор с ним самим.

Мы увидели кадры из жизни великого дагестанца, ставшего нашим всеобщим любимцем. С экрана показали, как дочь поэта, Салихат Расуловна, рассказывает своему внуку, правнуку Расула Гамзатова и его тёзке, о прадеде.

Мы восхитились выступлениями народных творческих коллективов и солистов Республики Дагестан, Хора мальчиков Санкт-Петербурга, российских артистов Дмитрия Дюжева, Екатерины Гусевой, Михаила Морозова, Аскара Абдразакова, Зары, Сергея Волчкова и правнука Расула Гамзатова Даниила Батманова. Всё это могли видеть тысячи дагестанцев в прямой трансляции из театра. В завершение вечера Салихат Расуловна Гамзатова сердечно поблагодарила всех за память о её отце.

9 сентября участники XXXVII Международного Гамзатовского литературного фестиваля «Дни Белых журавлей» поднялись в 5 часов утра, потому что в 6:00 уже зазвучал клич «По машинам!», и мы выехали в Хунзах, где в ауле Цада сто лет назад родился Расул Гамзатов.

Утро этого дня было пасмурным. Дождь несколько нарушил сценарий планируемых мероприятий, но отнюдь не испортил нашего настроения, ведь мы праздновали день рождения человека, которого любим.

В Хунзахе в городском ДК был дан большой концерт. Потрясающий музыкально-танцевальный номер был там! Плач матерей по погибшим сыновьям, плач невест и жён по не вернувшимся с войны женихам и мужьям. Многие в зале плакали. Я плакала вместе с ними... Я вспомнила о том, что дагестанцы в 2014 году одними из первых отправили десятки машин с гуманитарной помощью для крымчан. Тогда машины были вынуждены стоять по несколько суток на паромной переправе, чтобы попасть в Крым. А теперь этот

*Перевод с аварского В. Басырова

путь можно проделать за считанные минуты, пересекая Керченский пролив по прекрасному Крымскому мосту, построенному почти сразу после вхождения Крыма в Россию. Он соединяет полуостров с материком, с Россией, как те же виртуальные мосты, которые выстраивают писатели своими произведениями, встречами и совместной работой.

Я думала о том, что неонацисты были бы безмерно рады порушить мост нашей дружбы, как уже не раз пытались взорвать Крымский мост. Они всё рвутся в Крым, хотят его своим оставить...

Но мужчины Дагестана плечом к плечу встали рядом с солдатами других национальностей России на защиту нашей общей Родины. Я любовалась этими красивыми парнями, верила, что они нас не предадут, уберегут от врагов, гордилась ими. Они не посрамят память своих дедов! И Расулу Гамзатову не будет стыдно за своих соотечественников. Мы, как всегда, вместе, мы рядом! Нас не победить!

А тебе Дагестан, спасибо за всё! Мост нашей дружбы не разрушить никому!

**Марина
АХМЕДОВА-КОЛЮБАКИНА**

поэт, переводчик, публицист. Родилась на Урале, в городе Челябинске, в семье русских инженеров. Детство и юность прошли на Украине, в городе Харькове. Стихи начала писать в шестилетнем возрасте. Училась на филологическом факультете Челябинского Государственного педагогического института. В 1977 году окончила Литературный институт им. А. М. Горького в Москве. С 1980 года работает в Союзе писателей Дагестана (руководитель русской секции и секции художественного перевода, заместитель председателя Правления СП РД, председатель Правления СП Республики Дагестан). Ответственный редактор ежемесячной газеты «Литературный Дагестан» и учредитель издательства «Дагестанский писатель». Редактор детского журнала «Соколёнок».

Член Союза писателей СССР. Член Союза журналистов России. Автор одиннадцати поэтических сборников, четырёх антологий современной поэзии, шести книг переводов. Стихи Марины Ахмедовой переведены на английский, азербайджанский, арабский, башкирский, болгарский, итальянский, киргизский, украинский, чеченский и многие языки народов Дагестана.

Член Союза писателей СССР. Член Союза журналистов России. Автор одиннадцати поэтических сборников, четырёх антологий современной поэзии, шести книг переводов.

Стихи Марины Ахмедовой переведены на английский, азербайджанский, арабский, башкирский, болгарский, итальянский, киргизский, украинский, чеченский и многие языки народов Дагестана.

Марина Ахмедова — автор переводов стихов и поэм народных поэтов Дагестана Расула Гамзатова, Фазу Алиевой, Сулеймана Стальского, Ахмедхана Абу-Бакара, Юсуна Хаппалаева, Магомеда Гамидова, Магомеда Ахмедова и многих других дагестанских авторов, а также украинских, турецких, болгарских, чеченских, латышских, итальянских, румынских, американских и азербайджанских поэтов.

Народный поэт Дагестана. Заслуженный работник культуры России и Дагестана. Лауреат премии Ленинского комсомола Дагестана (1983), Государственной литературной премии Республики Дагестан имени Расула Гамзатова (2005), премии еженедельника «Литературная Россия» (2009). Победитель международного конкурса поэзии «Парнас — премия Анджело ла Веккья» в Италии в номинации «Парнас интернациональный» (2015). Лауреат Всероссийской литературной премии за лучший художественный перевод «Словес связующая нить» за 2015 год, Международной премии «Белые журавли России» в номинации «Лучший литературный перевод» (2016). Лауреат Государственной премии Республики Дагестан в области литературы (2017). Лауреат сайта «Российский писатель» за 2017 г. Лауреат премии Союза писателей России «Слово-2018». Член Общественной палаты Республики Дагестан первого состава.

**Поэзия Расула Гамзатова,
народного поэта Дагестана
(1923–2003)**

ВРЕМЕНА И ДОРОГИ
Поэма в сонетах.

*Перевод с аварского
М. Ахмедовой-Колюбакиной*

Шапи Казиеву

«В скалистых тущобах блуждающий зверь
Иль смерть повстречает, иль сыщёт тропу».

Махмуд

«Тяжело живётся абиссинцам!»

Гамзат Цадаса

«Времена были незабываемые».

Шихабудин Микаилов

1.

Кружится снег. Светает во дворе.
Но для трудов великих света мало...
Кончается дневник мой в декабре,
И долгий путь мой близится к финалу.

Четырежды аварский алфавит
От «А» до «Ш» бессмысленно меняли...
Но этим я, Шапи, по горло сыт,
И век наш удивит меня едва ли.

Года, как камни, катятся с горы,
Из башни горской чести вылетая...
А льдину моей жизни до поры
В пучину увлекла волна морская.

К зиме, что вся в снегу, как бычий рог,
Я не готов покуда, видит Бог.

2.

Нет, не готов ещё я в этот путь...
Труднее мне теперь, чем абиссинцам.
Свече подобно тело тает пусть,
Поеду в Бангладеш — таков мой принцип.

Кто поменял судьбы моей маршрут?
Где мой мотор заглох на полдороге?
Спешил гулять на свадебном пиру,
Но на поминки угодил в итоге.

На плод похоже время иногда —
То зелено, то слишком переспело...
Так и любовь проходит без следа,
Когда не примиряет душу с телом.

Как мяч вратарь, я голову держу,
Но что, седой, я времени скажу?

3.

До срока поседела голова,
Я белому медведю стал подобен...

Тех приближал, кого я знал едва,
За то, что каждый чем-то был удобен.

Но времена обрушились, как град,
Товарняком железным гроыхая,
И вытоптали мой цветущий сад,
Где мы с тобой встречались, дорогая.

И лишь последний мой застрял состав,
Он, как ишак на льду, стоит упрямо...
Сковала немота мои уста,
И паровоз не двигается прямо.

Горит тревожно красным семафор —
Россия на распутье до сих пор.

4.

А тот, кто клялся здесь на рельсы лечь,
Стал новым режиссёром в цирке старом...
Свою страну, как шубу сбросив с плеч,
Отдал на разграбление боярам.

Опричники его ползут, как тля, —
Бурбулисы и прочие шахраи...
Железный Феликс, задрожит земля,
Когда ты желваками заиграешь.

Три бильярдиста, сыты и пьяны,
Шары, по одному, загнали в лузы...
И в Беловежье втайне от страны
Удар смертельный нанесли Союзу.

На сало променяв душистый мёд,
Они загнали в лузу весь народ.

5.

Откуда эти выпали дожди,
Чтоб реки взбаламутить грозным градом?
Когда успело время на пути
Устроить мне внезапную засаду?

Своих раздумий Думу созову
На внеочередное заседанье,

Я лишь воспоминаньями живу,
Как аксакал на сельском годекане.

Я дальнорок: прошлое — ясней,
А будущее кануло в тумане.
В бинокле мыслей прошлое — длинней,
Но будущее старость не обманет.

Былого счастья звёзды далеки,
А ближе те, что спросят за грехи.

6.

Ах, Млечный путь неразличим уже —
В нём звёзды все рассорились, как сёстры.
И у меня так горько на душе,
Что стал союз наш одеялом пёстрым.

Его опять все тянут на себя,
Трещат края и напрочь рвутся нити...
Так мы когда-то, выпивкой губя,
Швыряли юность в круговерть событий.

Мои пути, что пройдены давно,
Окуркам уподобились сегодня...
И жизни моей вышито вино,
Повергнут дом мой в хаос новогодний.

Но словно кожу старую змея,
Не пожелаю совесть сбросить я.

7.

Что выбрать мне из сонмища идей?
Осиротела честь. Бессильна правда.
И человека нет среди людей.
Куда идти — налево иль направо?

Бесстыдство на трибуне голосит.
Достоинство покоится в могиле.
Страна застыла, позабыв про стыд.
Чины, чины... Как море в мёртвом штале.

Опять ползучих гадов легион
Поднялся вверх и устремился к звёздам,

Хотя был отродясь бескрылым он...
Рождённые летать не могут ползать.

Налей-ка рюмку беленькой мне, друг!..
Не разорвать без этого сей круг.

8.

Прощай, бывшее... В чёрных облаках
Померкло солнце призрачного счастья.
Перо не держит слабая рука,
И сердце не колотится так часто.

Хирург его советовал на днях
Мне заменить на новое, другое...
Но всаднику надёжного коня
В конце пути менять уже не стоит.

Художник нарисует молодым
Меня сегодня с чёрной шевелюрой.
Но предпочту остаться я седым
И на галоп не перейду с аллюра.

Звезде, что лучезарна и светла,
Не предпочту двуглавого орла.

9.

Скрипишь ещё ты, жизни колесо,
Но катишься уж под гору, не в гору...
Мне кажется, я вижу страшный сон —
Всю жизнь мою хотят предать позору.

Всё было в ней не эдак и не так —
Не те глаза, и рот не тот, и уши...
Был на пути неверен каждый шаг,
И музыку в пути не ту я слушал.

В капкане моя радуга теперь,
Ей в голубое небо не пробиться...
Зима за мной захлопывает дверь,
Чтобы весны не прилетела птица.

Как бык, что хлеб молотит на гумне,
Век новый, беспощаден ты ко мне.

Я стал годами старше, чем отец,
Но в мудрости его не обогнал я
И не достиг вершины под конец,
Той, что превыше многих пьедесталов.

Нет сверстников в Цада¹ уже его —
Один Хамид лишь держится покуда...
Ну, а из поколения моего
Поэтом я аварским старшим буду.

Мне золотого Бог не дал ума,
Серебряного черепа² не дал мне.
Но наградила жизнь меня сама
Поэзией как высшею медалью.

Пусть лестница поэзии в крови,
Я до конца поклялся ей в любви.

11.

Мне Мурсалхан не выколол глаза,
Хоть взор мой пожирал красавиц жадно.
Избавили от яда небеса
И упасли от огненного жара.

Я не Эльдарилав и не Хочбар,
И не зашил мой рот наиб жестокий³,
Хоть не скрывал я песенный свой дар,
И награждён был за него в итоге.

Меня в оковах не везли пока
В Сибирь по обесславленной дороге.
За песнь мою, не то что бы быка⁴,
Никто не дал и курицы убогой.

¹ Цада — родной аул Расула Гамзатова.

² «В серебряном черепе мозг золотой» — строки из стихотворения аварского поэта Махмуда.

³ Лезгинскому поэту Саиду Кочхюрскому выкололи глаза за дерзость. Аварский поэт Эльдарилав был отравлен. Народного заступника Хочбара сожгли на костре. Аварской поэтессе Анхил Мариан зашили рот.

⁴ Кумыкский поэт Ирчи Казак был сослан в Сибирь. За песню даргинского поэта Батырая давали быка.

Хоть не один со мною в драку лез,
Но не нашёлся для меня Дантес.

12.

В семнадцатом ещё я не родился...
В тридцать седьмом я был ещё юнцом.
Для казни никому не пригодился,
Оберегаемый своим отцом.

Не арестован был в сорок девятом,
Клейма космополита не носил.
Авангардистом я в шестидесятых
Среди коллег задиристых не слыл.

И как Махмуд я не намеревался
Средь ночи красть красавицу Муи.
Мюрид любви, я верным той остался,
Которой посвятил стихи мои.

Чтоб одному не мокнуть под дождём,
Всю жизнь я с Патимат провёл вдвоём.

13.

Эх, времена, лихие, как дороги,
Ниспосланные жизнью и судьбой.
Великий Сталин богом стал для многих,
Но в одночасье свергнут был толпой.

И кукурузный деятель Никита,
И Брежнев, пятизвёздный, как коньяк,
Ушли в неизвестность, властный трон покинув,
И Горбачёв — злодей или дурак.

«Процесс пошёл»... И Ельцин-выпивоха
Оставил нам разруху и тоску.
Поставьте чёрный памятник эпохе,
Легко страну отдавшую врагу.

Вопрос меня терзает непростой,
Как выжил я в наш век не золотой?

Сто разных песен спели на Востоке,
Верблюда с шахом царственным сравнив.
И все они порою в век жестокий
Звучали на единственный мотив.

Так и акыны новой эры тоже
Генсеков воспевали тут и там.
И часто правду смешивали с ложью
Поэтов сладкозвучные уста.

И властелинам атомного мира,
Что выжил в беспощадной мировой,
Готовили имперские мундиры,
Обшив их золотистой каймой.

И обсуждало всё Политбюро,
Какое нанести на ткань тавро.

15.

Одним на горе, а другим на счастье
(Я хорошо запомнил это день),
Генералиссимус расстался с властью
И в мир иной сошёл, как будто тень.

Меня позвали ночью в «Комсомолку»,
Где до рассвета я писал стихи...
Потом читал в слезах их без умолку
Товарищам, что были так тихи.

Когда страна застыла в скорбном вздохе...
И я как сын, утративший отца,
В Колонном зале провожал эпоху,
Стирая слёзы горькие с лица.

И не было в то время никого,
Кто для меня дороже был его.

16.

Меня не звали «в гости» на Лубянку,
Я с роду не бывал на Колыме,
С товарищами не делил буханку
И не хлебал баланду я в тюрьме.

С врагами моей родины сражаясь,
Я хунвейбином добровольным был,
При этом, не испытывая жалость,
На горло своей песни наступил.

Когда юнцом, певец советской власти,
Я вдруг узнал, что братский наш народ
Был в степи депортирован, к несчастью,
То очень опечалился в тот год.

Стою я на скале своей судьбы,
Как тур, который не нашёл тропы.

17.

Нет, не из страха и не ради лести
Я Сталина когда-то воспевал.
Я в тех стихах был искренен и честен,
Победы нашей в них сиял накал.

Портрет его со знаменитой трубкой
Висел в отцовской сакле на стене...
И было в роковые годы трудно
Тот образ вдруг из сердца вырвать мне.

Там, на войне, и братья мои тоже
Рвались в атаку с именем его...
И у врага мурашки шли по коже
От имени великого того.

И нынче сомневаюсь я опять —
Мне надо ль его премию менять?

18.

Эх, времена!.. Как гром из поднебесья...
Повсюду хаос, страшный, как потоп.
Век выкинул слова мои из песни,
Как будто бы ударил пулей в лоб.

Законов много, а порядка мало,
И нет управы на лихих людей,
Что свергли всех кумиров с пьедестала
В пучину разрушительных идей.

Всевышний, защити нас, умоляю!
Мой Дагестан, как птичка на кусте,
Куда ему лететь, опять не знает —
Ему уютно лишь в родном гнезде.

Аллах, прошу, прими мою мольбу —
Дай Дагестану светлую судьбу!

19.

Когда в постели, словно на погосте,
Лежу и не могу заснуть никак,
Незванные ко мне приходят гости
И роются в моих черновиках.

Бесстыжие, они повсюду лезут,
И грязные носы суют везде.
Но их увещевать мне бесполезно,
Я всё равно останусь не у дел.

Они шныряют по моим карманам
И топчутся по сердцу и душе
Подковами железными так рьяно,
Что вытоптали яму там уже.

И эти лилипуты от азарта
Мнят, что они мифические нарты.

20.

Поэты, мы народ, конечно, странный,
И мёртвое в твореньях оживим.
На крыльях вдохновенья постоянно
Над океаном времени летим.

Порой для нас мала вся карта мира
От Дальнего Востока до Цада...
«Быть иль не быть?» — мы следом за Шекспиром
Твердим с тоской пророческой всегда.

Не знаем, что готовят день грядущий
И наша неуёмная судьба...
Но от Москвы до Беловежской пуши
Уже несётся под гору арба.

Тропа узка, и нет таких людей,
Кто б на ходу остановил коней.

21.

Гляжу, как в очаге огонь пылает,
Рисуя чьи-то тени на стене.
Знакомый этот образ я узнаю,
Он не однажды приходил ко мне.

То Пушкин, а за ним Хафиз с Хайямом
Мне чудятся в ночи бессонной тут...
Они, как будто строчки телеграммы,
Вот — мой отец и рядом с ним Махмуд.

А дальше бесконечной чередой —
Петрарка, Батырай, Ирчи Казак
Желают побеседовать со мною
Среди моих разбросанных бумаг.

И этот круг, как Адалло⁵ сказал,
Я в жизни ни на что б не променял.

22.

ЧК на милость чекам сдался в банках,
И ЛжеБорису уступил ЦК...
Все жаждали тогда небесной манны,
Молились на утробу кошелька.

Тогда вся тля, все лисы и шакалы
Бесхозную легко делили власть.
Все подлецы, каких у нас немало,
На царский трон надеялись попасть.

Хромые все, слепые и глухие
Сплотились в банду общую одну
И в годы девяностые лихие
Распродали задаром всю страну.

Фуражка офицерская с чалмой
Склонились перед толстою мошной.

⁵ Адалло — аварский поэт (1932–2015).

Порою мне ночами снится Ленин,
С укором явным смотрит мне в глаза.
Мир, созданный трудами поколений,
Смела опять безвременья гроза.

Но Сталин спор наш обрубаёт резко,
Как будто нимб, над ним от трубки дым...
Коль нет у власти аргументов веских,
Она легко достанется другим.

О, сколько битв, жестоких без предела,
В двадцатом веке вынесла страна,
Перемолов и красных в них, и белых,
Вычёркивая напрочь имена.

Спасали от Есенина тогда
Деревню в те безумные года.

24.

Сквозь ветви абрикосовых деревьев
Гляжу я беспрестанно вверх и вниз.
Внизу — до горизонта Каспий древний,
Вверху — небес обманчивая высь.

Вверху — дворцы царей и депутатов,
Банкиры и ОМОНА целый взвод...
А ниже — этим временем распятый,
Униженный и брошенный народ.

Вверху — подбострастные поэты
На деньги променяли Божий дар...
Внизу — толпа, презревшая всё это,
Скандирует опять: «Аллах Акбар!»

А по ТВ для кошечек и псов
Идёт реклама дорогих кормов.

25.

Мой третий возраст, от тебя не деться —
Уже вблизи последний поворот...
Но в крепости Хунзахской моё детство
Наверное, по-прежнему живёт.

Куда плывёшь, кораблик мой бумажный,
Ты сквозь пучину яростных штормов?
В Буйнакском педучилище однажды
Я тайнство постиг аварских слов.

Да здоровствует студенческое братство,
Дом Герцена, родной Литинститут!
Поэзии бесценное богатство,
Тверской бульвар, мне даровали тут.

Но только не забуду я никак,
Как жёстко был оболган Пастернак.

26.

Перед аулом — русская дорога...
Россия в прошлом к нам пришла по ней,
И красный стяг вознёсся на отрогах,
Освободив от царских их цепей.

И разгорелся в сердце этот пламень
У горцев, как Победы нашей флаг.
Недаром же священное то знамя
Вознёс и дагестанец на Рейхстаг!⁶

Мы с той поры все беды и парады
Воспринимаем как один удел...
И помним беззаветную ту радость,
Когда Гагарин в космос полетел.

И потому для горцев всех навек,
Великий Пушкин, свой ты человек!

27.

По мнению одних, начало мира,
Конечно, начинается с Кремля...
Но для меня дороже нет кумира,
Чем мой Цада, родимая земля!

⁶ В числе других воинов кумык Абдулхаим Исмаилов водрузил Знамя Победы на Рейхстаг в мае 1945 года.

Как позабыть твои мне козьи тропы?
Или Гуниб — аварский Арафат?⁷
Столицы всей напыщенной Европы
Не променяю на твой ясный взгляд.

Всевышний, в мире мне камней не хватит,
Чтоб всех шайтанов собственных побить.
Стихи мои за все грехи заплатят —
Нет в мире покаянья без любви.

И пред тобой покаюсь, Дагестан,
За то, что раньше срока я устал.

28.

Не только Пушкин к нам пришёл с Россией,
Пришли с ней и хмельные времена,
Забыв каноны прежние святые,
В пирушки окуналась вся страна.

Эпоха наполняла неустанно
Стаканы и вблизи нам, и вдали...
Звучал «деркаб» повсюду в Дагестане,
Гремело эхом радостным «сахли»!⁸

Казалось нам, что жить легко и просто,
Когда забыв про важные дела,
Произносили снова тост за тостом
Мы за штурвалом щедрого стола.

И выбраться из этого тумана
Совсем непросто было Дагестану.

29.

Из трёх дорог, что описали в сказках,
Не глядя, я на третью указал.
Обратный путь навеки мне заказан,
Поэзия — я вечный твой вассал!

⁷ Арафат — гора вблизи Мекки, откуда пророк Мухаммад произнёс свою последнюю проповедь. После стояния на горе Арафат следует обряд побивания Сатаны камнями в долине Мина.

⁸ «Деркаб» (дарг. яз.), «сахли» (авар. яз.) — устойчивое сочетание, тост — «на здоровье».

Тебе я с колыбели предназначен —
Оруженосец преданный и друг...
Мой счёт годами верности оплачен,
Лишь за любовь без страха я умру!

Забыв о направлении в Каабу⁹,
Я тридцать лет почти провёл в Кремле,
Но в оправдание скажу хотя бы,
Что не забыл там о родной земле.

Года, дороги, съезды и грехи —
Всё это переплавил я в стихи.

30.

Как некогда воскликнул Тарас Бульба:
«Я породил тебя, я и убью!»...
Я восклицаю, что с Россией будет,
На самом оказавшейся краю?

За те ошибки, что порой бивали
Суровые вожди беспечный люд,
Сегодня бесконечные медали
И ордена повсюду раздают.

Нет наказания за преступленье,
И нынче демагоги всех мастей
Ведут за поколеньем поколенья,
Толкая в пропасть гибельных идей.

Как далека ты, райская звезда!
А пламень адский рядом, как всегда.

31.

Восток, что раньше колыбель качал,
В которой мирно спал младенец Запад.
Сегодня ты его прислугой стал,
Рабом его, возможно, станешь завтра.

Европе цифры Азия дала,
И азбуку дала, и медицину...
Но ждёт теперь объедки со стола,
Которые ей благосклонно кинут.

⁹ Кааба — мусульманская святыня в виде кубической постройки во внутреннем дворе мечети аль-Харам в Мекке.

Мир наизнанку вывернут давно,
Не описать его Шекспиру с Данте...
Веками пили крепкое вино,
А опьянели нынче, как курсанты.

Разбойник и распутница на трон
Уселись под разбойный свист времён.

32.

Как тот дурак, посеявший спьяна
Все яблоки из рваного хурджина,
Тебя, моя бесценная страна,
Лишились мы из-за дурных ошибок.

Как попрошайки, ссорятся теперь,
Враждуют, прежде дружные народы,
В свои сердца захлопывая дверь,
Что от обид грузнеет год от года.

И время ядовитою змеей
Вползает в оболваненные души...
О мой народ, великий и простой,
Ты подлое шипение не слушай!

Дорога, что уводит от небес,
Нас может завести лишь в тёмный лес.

33.

Я раньше думал, коль убит поэт,
И чёрный человек с ним умирает...
Поэзия, дарующая свет,
Как тень, со смертью в игры не играет.

Где Грибоедов, Пушкин и Махмуд?
Где Лермонтов, Есенин, Маяковский?..
Небесный свет их нам мерцает тут
Сквозь тьму и вздор литературы плоской.

Я чувствую, последний близок час,
Мой чёрный человек, навек изыди!
Моих стихов пусть золотой запас
Сияет всем средь хаоса событий.

Спасительным он станет, может быть,
В наш чёрный век, как Ариадны нить.

ДАГЕСТАН. 100 ЛЕТ РАСУЛУ ГАМЗАТОВУ

ДАГЕСТАН.
100 ЛЕТ РАСУЛУ ГАМЗАТОВУ

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛУ 75 ЛЕТ!

Валерий БАСЫРОВ. «Крым» для Крыма
и не только 3

ПРОЗА

Владимир КАРПОВ 9

Александр КУДРЯВЦЕВ 25

Иса КАПАЕВ 33

Валерий ЮРЕВИЧ 55

Лейля АЛЯДИНОВА 63

Дмитрий АФЕНЧУК 73

Борис ТЕНИГИН 78

ПОЭЗИЯ

Пётр ПЫТАЛЕВ 81

Александр НИКИТИН 88

Илья АРГЕНТУМ 99

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Светлана ТРУБНИКОВА 101

Егор ЯВОРНИЦКИЙ 109

Мария ДЕМЧЕНКО 112

Ксения СЕМЕНИХИНА 114

Екатерина БРЕГА 117

ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир СПЕКТОР 121

Ольга БАРАКАЕВА 128

Юрий ТРУЩЕЛЁВ 132

Руслан СЕМЯШКИН 138

ДРАМАТУРГИЯ

Аглая ЮРЬЕВА 145

КРИТИКА

Елена ЛУШНИКОВА 174

УКРАИНСКИЙ РАЗДЕЛ

Лариса БОРИСОВА (ГРЕБЕНЮК) 179

КРЫМСКОТАТАРСКИЙ РАЗДЕЛ

Юнус КАНДЫМОВ 184

К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

БЕКИРА СЫДКЪЫ ЧОБАН-ЗАДЕ 196

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**РАСУЛА ГАМЗАТОВА**

Ольга ПРИЛУЦКАЯ 230

Марина АХМЕДОВА-КОЛЮБАКИНА 237

КРИМ • КЪЫРЫМ КРЫМ

2
[62] 2023

Литературно-художественный журнал

Главный редактор — Валерий Басыров
Редактор-составитель — Ольга Прилуцкая
Дизайн обложки — Александр Иванченко
Вёрстка — Кирилл Лемешко

Формат 70x100 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная 80 г/м²
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,54
Тираж 300 экз. Заказ №

Издано при поддержке Государственного комитета по делам
Международных отношений Республики Крым
Государственным автономным учреждением Республики Крым
«Медиацентр им. Исмаила Гаспринского за счёт средств бюджета
Республики Крым

© Оригинал-макет и вёрстка подготовлены
в ООО «Издательство “Доля”»:
295022, Россия, Республика Крым,
г. Симферополь, ул. Виноградная, 22
Тел.: +7 (978) 050-85-15

E-mail: vbasyrov@mail.ru
E-mail: primula2008@mail.ru
<http://www.sprkrim.ucoz.net>

Отпечатно в соответствии
с представленными материалами
в ООО «Амирит»: 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88
Тел.: 8-800-700-86-33 / (845-2) 24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru
<http://www.amirit.ru>